

Л.Н. Семёнова

**РЕМЕСЛЕННЫЙ МИНСК
НА ИСХОДЕ XIX СТОЛЕТИЯ**

**Минск
БНТУ
2015**

УДК 330.8(476)(476.1–25)

Семёнова, Л. Н. Ремесленный Минск на исходе XIX столетия / Л. Н. Семёнова. – Минск : БНТУ, 2015. – 230 с. – ISBN 978-985-550-390-4.

Города всегда были центрами разнообразной, в том числе рыночной и производственной активности. На фоне промышленной панорамы белорусских городов в XIX – начале XX вв. в монографии представлен индустриальный облик крупнейшего белорусского города Минска. В многоукладной экономике Российской империи и ее западных губерний во второй половине XIX в. весомую роль играло городское ремесло. На основе законодательных и архивных источников показана цеховая организация ремесла в Минске, деятельность Минской ремесленной управы, профессии относящихся к ней ремесленных цехов, социально-трудовые отношения в ремесленном сообществе, цеховое ученичество и заговор слесарей 1887 г.

Монография адресуется ученым, преподавателям, студентам и всем, интересующимся социально-экономической историей Беларуси и краеведением Минска.

Печатается по постановлению научно-технического совета
Белорусского национального технического университета
(протокол № 5 от 28 мая 2015 г.)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой
«История, мировая и отечественная культура» Белорусского национального
технического университета *В. А. Божанов*;

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры
социально-политических и исторических наук УО «Брестский государственный
технический университет» *М. В. Стрелец*;

кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии
и гуманитарных дисциплин ЧУО «Институт парламентаризма
и предпринимательства» *Г. И. Ермашкевич*

ISBN 978-985-550-390-4

© Семёнова Л. Н., 2015

© Белорусский национальный
технический университет, 2015

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Предприимчивый город.....	9
Глава 2. Промышленная панорама белорусских городов в XIX–начале XX в.....	36
Глава 3. Индустриальный облик Минска к началу XX в.....	53
Глава 4. Цеховая организация ремесла.....	79
Глава 5. Цехи Минской ремесленной управы.....	104
Глава 6. Социально-трудовые отношения.....	143
Глава 7. Ремесленное ученичество.....	168
Глава 8. Заговор слесарей 1887 г.	179
Заключение.....	197
Список использованных источников.....	199
Приложение.....	215

Введение

Первобытный человек, заостривший кусок кремния и превративший его в скребок или рубило, уже был ремесленником. Современный работник в сфере информационных технологий, собравший или отремонтировавший компьютер, тоже своего рода ремесленник. Не будет преувеличением сказать, что ремесло сопровождает человечество на протяжении всей его сознательной истории, является ровесником охоты и собирательства и старше сельского хозяйства. В процессе долгого исторического развития ремесленный труд был организован в разных формах. На первых порах он был вплетен в общую деятельность человека, подтверждая синкретизм первобытной культуры. В эпоху неолитической революции, приведшей к разделению труда внутри племен и между земледельческими и кочевыми племенами, ремесло отделяется от сельского хозяйства. С развитием городов и государств наступает пора цеховой организации городского ремесла. Промышленная и научно-техническая революции свели к минимуму его значение в качестве вида промышленности и закрепили за ним место в сфере услуг, малого бизнеса и культуры.

Выбранные исследователем масштаб и угол зрения позволяют увидеть разные аспекты ремесленной деятельности. Чем больше масштаб, охватывающий длительные исторические периоды и протяженные географические регионы, тем рельефнее можно увидеть эволюцию ремесленных изделий, технологий, специальностей, форм организации, удельного веса в экономике. Уменьшая масштаб и приближая методическую лупу ближе к предмету исследования, что влечет за собой сокращение исторического времени и места действия, с большей ясностью можно увидеть конкретные человеческие лица, их социально-трудовое взаимодействие, конфликты. Большой масштаб полезен для рассмотрения экономических характеристик ремесла, создания институциональной картины с обилием цифр, процентов, диаграмм и графиков. Меньший масштаб позволяет развернуть фрагмент социальной ткани человеческих взаимоотношений, выстроить событийный и биографический нарративы.

При этом ценность подобного исследования повышается, если оно вписывает свой малый предмет в более масштабную общую картину, и тем самым по-веберовски раскрывает значение отдельного явления для общего развития, балансируя между индивидуализирующим и генерализирующим способами мышления, находя в индивидуальном характерное и в общем типичное.

Цель данного исследования состоит в выявлении на масштабном фоне городской предпринимательской активности цеховой организации и управления минского ремесленничества и реконструкции значимых социально-трудовых отношений.

Объектом исследования выступает ремесло, как область применения трудовых усилий, организационно-технологический экономический уклад. Предметной областью является социальная сфера ремесленного производства. Географическим ареалом стал Минск. Если главные тенденции социально-экономического развития прослежены на протяжении нескольких веков, то хронологические рамки основных событий, связанных с жизнью минского ремесленничества, приходится на вторую половину XIX в.

Белорусская историография давно и плодотворно занимается изучением промышленного развития белорусских земель. По сути дела первый анализ экономического положения уже содержался во вводных статьях и комментариях к статистическим сборникам, опубликованным Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи [34–38]. Детальные экономические зарисовки и глубокие наблюдения о городском и сельском хозяйстве белорусских земель представлены в таких многотомных изданиях, как «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении» [94], «Россия: Полное географическое описание нашего отечества» [117]. Экономическая история была одним из направлений научной деятельности выдающегося историка М.В. Довнар-Запольского. В его «Истории Белоруссии» содержатся разнообразные данные и меткие оценки уровня экономического развития Беларуси [90]. Современные обобщающие издания, например

«Гісторыя Беларусі» в шести томах, учебная литература достойно продолжают эти традиции [87, 114, 145, 153].

В исследовании М.Ф. Болбаса представлен институциональный анализ развития домашней, ремесленной, мелкой капиталистической, мануфактурной и фабричной промышленности белорусских губерний в пореформенный период [71]. Работы А.П. Грицкевича [89], А.М. Лютого [113], В.В. Чепко [144] посвящены изучению социально-экономического развития городов Беларуси в разные периоды, начиная с XVI до первой половины XIX в. Авторы уделили большое внимание состоянию городского ремесла. В трудах А.П. Игнатенко [98], А.Э. Лютой [112], А.К. Титова [142–143] исследуется эволюция ремесленного производства в XVI – первой половине XIX в. В монографии З.Е. Абезгауза, анализирующей положение рабочего класса Беларуси в начале XX в., показано состояние крупной и средней промышленности в это время [65]. В белорусской и российской историографиях сложилась богатая искусствоведческая традиция изучения различных ремесел в качестве вида декоративно-прикладного искусства.

Краеведение Минска, опираясь на внушительный массив литературы, регулярно пополняется новыми изданиями: и поражающими совершенством полиграфии, дающей возможность представить визуальный материал, и поднимающими яркие сюжеты из жизни города. В широком ряду книжной продукции, не затмевая друг друга, соседствуют и скромные брошюры, содержащие историко-экономические очерки [66], и подробнейшие фактографические фолианты [115], и узкоспециальные исследования, например, транспорта [93] и собрание городской мифологии [84]. Отметим незаурядное энциклопедическое исследование З.Ф. Шибeko и С.Ф. Шибeko «Минск. Страницы жизни дореволюционного города» на русском и белорусском языках [149, 151]. На основе богатой источниковой базы авторам удалось по крупицам воссоздать образ города, представив сословно-классовые портреты горожан, описав городскую среду, транспорт, здравоохранение, просвещение, культурную жизнь, разнообразные городские общества, восстановив многочисленные старые минские адреса. С не меньшими подробно-

стями воссоздан облик города в историко-документальной серии «Память», посвященной Минску [120–121]. Книга А.К. Титова содержит документальные очерки о 12-ти ремесленных цехах Минска XVI–XVIII вв. [142].

Как видим, существующая историография касается выбранной в данном исследовании тематики отдаленно и фрагментарно.

Использованные для написания монографии источники можно разделить на следующие группы.

Многочисленные показатели городской жизни, включая состав населения, состояние промышленности, транспортной инфраструктуры, количество городских строений представлены на основе статистических материалов [34–38]. К особому виду статистических материалов можно отнести «Памятные книжки Минской губернии», содержащие перечни государственных и общественных учреждений и должностных лиц, так называемый «адрес-календарь» по всем ведомствам, и разнообразную статистическую и справочную информацию о жизни губернии и губернского центра [39–62]. В этой литературе приводится множество данных о численности ремесленников, но необходимо понимать их относительность. В силу объективных причин ремесленное производство трудно подвергается четкой фиксации.

Правовое положение ремесленного сословия нашло детальное отражение в законодательстве: «Жалованной грамоте городам» 1785 г. [32] и ремесленном уставе [33], переходившем из закона в закон.

Важнейшим источником для написания работы стал фонд №10 Национального исторического архива Беларуси (НИАБ). Это фонд Минской общей ремесленной управы Минского уезда Минской губернии за 1838–1902 гг. Первая опись включает в себя 960 дел, вторая – 13. Согласно правилам делопроизводства того времени городская ремесленная управа должна была вести следующие виды документации, или по терминологии того времени «виды книг»: книга постановлений, приходно-расходная книга, книга для записи мастеров, подмастерьев, учеников, книга для избрания лиц в цеховые должности, переписка о найме учеников и выдаче свидетельств,

свидетельство управы и жалобы, выдача свидетельств окончивших срок ученичества, наряд бумагам по разным предметам, жалобы разных лиц на дурную работу, наряд бумагам о снабжении цехов казенными печатями. Трудно сказать, насколько точно соблюдала эти правила Минская ремесленная управа потому, что сохранившиеся в фонде дела, несмотря на их огромное количество, не всегда соответствуют вышеприведенному перечню и весьма фрагментарны, не выстраиваясь в единую хронологически последовательную цепочку. Многие записи в делах крайне неразборчивы, составлены небрежно, другие напротив, восхищают каллиграфическим почерком, педантизмом в фиксации деталей. В целом именно эти записи являются по существу единственными письменными свидетельствами деятельности ремесленных цехов. Занятые тяжелым трудом, часто неграмотные, не писали ремесленники дневников и мемуаров. Их замкнутая жизнь, редко выходящая из своих рутинных берегов, мало интересовала репортеров-газетчиков, журналистов. Как писал З.Ф. Шибeko, «еврейские ремесленные рабочие и ученики были, как правило, темными, неграмотными... Рабочие и ученики получали жалкие гроши, работая фактически за хозяйскую пищу и ночлег. Это были совершенно бесправные люди, находившиеся в полной зависимости от предпринимателя. Нужда и желание открыть свою мастерскую заставляли их выдерживать жестокие испытания...» [149, с. 38]. Солидаризуясь с призывом французских историков-анналистов «вернуть истории ее достоинство», попытаемся вернуть достоинство этим людям.

Глава 1. Предприимчивый город

*Воля и труд человека
дивные дива творят.*

Н.А. Некрасов

Город – особая форма организации пространства для совместного проживания и деятельности в отличие от сельского поселения. Появившись в глубокой древности совместно с государственной организацией, город знаменовал собой переход от первобытности к эпохе древнего мира. С тех пор и повелось, что деревня воспринимается постоянной стабильной хранительницей традиций, город же, напротив, видится предприимчивым динамичным производителем инноваций. Деревня олицетворяет собой патриархальность, город воплощает модернизацию. Деревня символизирует собой феодализм, город же связан с капитализмом.

В древних мифах рождение и развитие городов объясняется особенными обстоятельствами, незаурядными происшествиями, волей богов и подвигами героев. Например, одним из подвигов героя шумерского эпоса, легендарного лугаля (правителя) Урука Гильгамеша было возведение стены вокруг города длиной 9 км и толщиной 5 м. Присоединив к своему государству ряд других городов, в одном из них – Лагаше он построил ворота, которые были названы его именем. В эпосе есть поучительный эпизод. Уже на склоне своих дней, потеряв только что найденный цветок жизни, который съела неожиданно подкрававшаяся змея, Гильгамеш возвращается в свой родной город Урук и понимает, что не цветок жизни мог даровать ему бессмертие. Бессмертия он уже достиг. Он укрепил город, окружил его мощной городской стеной, развил его культуру. И именно этот город переживет его и сохранит историю о нем и его приключениях [70, с. 254].

Шумерский бог Мардук в беспощадной битве одолел первых злых богов, начавших строить всяческие козни, надел на себя «таблицу судеб» и приступил к созидательной работе по упорядочению мироздания. Добрые боги земли и неба – аннунаки, помо-

гавшие своему спасителю, в знак благодарности возвели город Вавилон. Мардук стал его верховным божеством [70, с. 258, 260].

Согласно древнегреческой мифологии покровительницей городов выступала богиня Гера – одна из жен Зевса. Боги соревновались между собой за место верховных божеств городов. Самым престижным городом, покровительствовать которому могли лишь сильные боги, конечно же, была будущая столица Эллады. Спор вокруг нее разгорелся между богом моря Посейдоном и богиней войны Афиной. Посейдон обещал подарить жителям города лошадей и источник соленой воды. Афина предложила оливковые рощи. Лошади не были приспособлены к скалистой местности Аттики, и соленая вода не интересовала жителей морского побережья. Другое дело оливки. Они шли на приготовление вкусного и полезного оливкового масла, моющих средств, их применяли в светильниках. Принявшие этот дар горожане назвали свой город в честь умной и щедрой богини – Афины. Величайшим правителем Афин был герой Тесей. Тесей освободил Аттику от дикого быка, опустошавшего окрестности Марафона. Приведя покоренного быка в Афины, он принес его в жертву богу Аполлону. Освободил Тесей Афины от позорной дани юношами и девушками критскому чудовищу Минотавр, обитавшему в огромном дворце Лабиринте. Убив Минотавра, Тесей выбрался из Лабиринта по нити клубка, данного ему Ариадной – дочерью царя Крита – Миноса. Приняв управление Афинами после смерти своего отца Эгея, не дождавшегося его из похода на Крит и бросившегося в море, Тесей снискал славу мудрого и смелого правителя. Он разделил афинский народ на три класса: эвпатридов – благородных, замещавших все государственные должности, геоморов – земледельцев и демиургов – ремесленников [107, с. 177–186].

Об основании города Рима повествует легенда, в центре которой мальчишки-близнецы Ромул и Рем, которых во избежание наследственных споров отнесли к реке Тибр в надежде, что они там погибнут. Но их нашла и выкормила волчица, а затем взял к себе пастух. Братья выросли разбойниками. Узнав историю своего происхождения, Ромул убил дядю, который повелел так расправиться с ново-

рожденными. Затем братья решили, что на том месте, где их нашла волчица, они возведут город. Однако, точно определить это место было трудно. После долгих поисков Ромул поведал, что боги дали ему знак, и стал священной бороздой размечать границы будущего города. Уязвленный Рем, перепрыгнув через борозду, стал глумиться над братом. В порыве гнева Ромул убил Рема, построил город, назвав его в свою честь Римом, и стал его первым царем [70, с. 188–189].

В восточнославянских мифах также обращается внимание на создателей городов. «Повесть временных лет» сообщает, что родные братья—князья Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь «сотвориша град» и назвали его в честь старшего брата Киев. Имена тех легендарных героев сохранились в названиях гор Щековица, Хоривица и речки Лебедь. Основание Бреста и происхождение его названия запечатлены в легенде о купце, который для вывоза своего товара, едва не сгинувшего в болотных топях, приказал наместить гать из бересты. В «Повести временных лет» упоминается князь Святополк — сын киевского князя Владимира. Его израненного и ослабевшего после битвы дружинники на носилках отнесли в ближайший город Берестье.

Рождение Минска обросло несколькими преданиями. Согласно одному из них, на месте будущего города поселился богатырь-знахарь Менеск. На реке Свислочь он построил большую каменную мельницу о семи колесах. В этой мельнице мука молотась не из хлебных зерен, а из камней. По ночам там слышались какие-то странные крики, музыка, песни и пляски. В полночь разъезжал Менеск на своей мельнице и набирал дружину из храбрых сильных людей. Они потом селились рядом с мельницей Менеска, и из них образовался целый народ. Он и обустроил город вокруг мельницы своего богатыря [84, с. 8].

С одной стороны, в мифах подчеркивается важная роль городов. Появление города становится новой вехой в истории народа. С другой стороны, поскольку город рождается и растет при обстоятельствах не всегда благодородных, а порой и весьма греховных, которые творятся и богами, и полубожественными героями, и обычными

людьми, то и город наполняется пороками и злодеяниями, и благодаря своим размерам, концентрирует их в большей степени, чем за его пределами. Поэтому боги вынуждены наказывать горожан. Ярким примером является легенда о Вавилонской башне. Вавилоняне, возгордившись собственной силой, вознамерились построить башню высотой до неба. Узнав об этом, бог решил наказать их за чрезмерные амбиции. Наказание было изощренным. До строительства все народы говорили на одном языке, теперь же бог дал людям множество разных языков. Не понимая друг друга, они вынуждены были отказаться от дерзновенного плана.

Идеи греховности города нашли отражение в Библии. Приведем известную библейскую историю. В начале сотворил Бог небо и землю. Земля была безвидна и пуста, тьма витала над бездною, Дух Божий носился над водою. Всевышний приступил к трудам своим. В первый день он отделил свет от тьмы, чтобы был вечер и было утро. Во второй день создал «небесную твердь», в третий – позаботился о суше и о том, чтобы на земле была зелень, «сеющая семя по роду», на четвертый день окружил землю планетами, в пятый произвел всякую живность, в шестой – сотворил человека по образу и подобию своему. Человек не смог жить в одиночестве. Рядом с Адамом появилась Ева. Вскоре у семейной пары родились дети Каин и Авель. Так началась история человечества, которая отнюдь не была праведной и мирной, скорее кровавой и беспощадной. Каин убил Авеля, и Бог сделал его скитальцем на земле, отворачив от лица своего. Каину ничего не оставалось делать, как учиться выживать самостоятельно, действовать. Он построил первый на земле город – Енох, ставший первым государством. Именно от него «наполнилась земля злодеяниями», что вызвало гнев Всевышнего. В наказание он устроил всемирный потоп [69].

Рождение и развитие городов, несомненно, несут в себе глубинную тайну, сопряжены с божественным и дьявольским, всегда на грани доброго и злого. Именно эта двойственность и выводит город за пределы повседневной рутины. Город становится местом действий, предпринимательства, творчества, открывает людям новые горизонты. Что же такое город? Что его отличает от сельского посе-

ления? Вопрос далеко не праздный, и не имеющий однозначного ответа.

Что такое греческий полис? Его, как правило, называют городом-государством. Однако, Аристотель подчеркивал, что многие из греческих полисов не более чем сельские поселения небольших размеров. В славянской и русской традиции городом принято считать огороженное, укрепленное поселение. Всякое ли? А если это огороженный острог? А если крупное поселение не огородили, не возвели крепостную стену? Будет ли это город? С совершенствованием государственного управления статус города определялся властями. До этого поселения признавались городами населением города и его соседями, т.е. по существу общественным мнением. Других, более точных критериев, по-видимому, не существует.

Что, несомненно, отличает город от сельских поселений, – так это число и плотность населения. Города похожи на разбросанные в удобных местах, плотные, яркие, самых причудливых форм и конфигураций кристаллы в слабом разреженном «растворе» общественной жизни. Плотность населения давно признается учеными существенным фактором цивилизационного развития. Имея в виду небольшие островки цивилизации в огромном море неосвоенного человеком пространства, французский географ Видаль де Ла Блаш писал: «Люди не распространялись по земле, подобно масляному пятну, с самого начала они собирались вместе, как кораллы, нагромождались последовательными слоями в определенных точках отелей человеческого населения» [73, с. 27–28]. По замечанию французского историка Фернана Броделя, только «по-настоящему густые человеческие массы» создают цивилизацию [73, с. 28]. Подобным образом в пейзаже теперь уже цивилизации можно представить себе и города.

Именно рост городов с густым и плотным населением привел к появлению первых цивилизаций, вырвавших человечество из первобытности. Все цивилизации древнего мира были преимущественно городскими, урбанизация определяла вектор их развития. Высокую оценку городу в качестве движущей силы цивилизации дал немецкий философ О. Шпенглер. Он писал: «... любая политическая и

экономическая история может быть понята только в том случае, если понять город, все более отмежевывающийся от деревни и в конечном итоге лишаящий ее всякой ценности как образования, которое определяет ход и смысл более высокой истории вообще. Мировая история – это история города» [148, с. 116].

Что же происходило в городе, давая ему столь весомые преимущества? Очевидны минимум три сферы городской деятельности, в которых город опередил деревню. Это политико-административное управление, духовная и культурная жизнь, и торговля, ремесло, промышленность, т.е. власть, религия и экономика. Этими компетенциями в какой-то мере обусловлена трехчастная структура древних городов. Например, в древнем русском городе, как правило, были: укрепленный центр, место проживания князя с дружиной – детинец (от слова «дед» – место сбора старейшин); место, куда свозили дань, вершили суд и другие общественные дела – погост; поселение ремесленников и торговцев – посад. В структуре азиатского города выделялась ставка правителя – укрепленная цитадель, вокруг нее располагался шахристан, где проживала аристократия, за ней следовал рабад для торгового и ремесленного люда. Три группы людей, на которых поделил Афины Тесей, также вписываются в подобную структуру: правители, земельная аристократия и ремесленники.

Правитель со своим ближайшим окружением или основывал, или жил в городе. По словам Ф. Броделя, «не существовало городов без власти, одновременно и защищающей, и принуждающей, какова бы ни была форма такой власти, какая бы социальная группа ее ни воплощала. А если власть существовала вне пределов города, то в нем она приобретала дополнительное измерение, получала совершенно иное по характеру поле деятельности» [73, с. 448]. Впоследствии правитель именно из горожан черпал кадры для своего властного аппарата, которые постепенно эволюционировали в профессиональных политиков и государственных чиновников. Долгий процесс развития государства, государственного и политического управления исследовал М. Вебер. Он подчеркивал, что зачатком профессиональной политики и политических корпораций был «го-

род как политический союз», причем именно западный город, «появившийся первоначально в культурном ареале Средиземноморья». Только для Запада, первоначально для ареала средиземноморской культуры характерен город-государство, в котором развивался политический вождизм, сначала в образе «свободного демагога», затем «парламентского партийного вождя», укоренившегося только на Западе [79, с. 648, 653]. Политика почти всегда была городским феноменом. Г. Себерг отмечал, что город является своего рода механизмом, с помощью которого правители могли консолидировать и удерживать власть [95, с. 187]. Принимая идею о городской сущности феномена политики, О. Шпенглер пошел еще дальше, утверждая, что «политика все больше концентрируется в немногих столицах, а все остальные сохраняют лишь видимость политической жизни. Ничего здесь не изменило и античное дробление мира на города-государства. Уже во время Пелопонесских войн настоящую политику вершили только Афины и Спарта. В конечном итоге античная история разыгрывалась на римском форуме» [148, с. 117].

В религиозно-культурный центр город превращает естественное взаимодействие мыслящих и чувствующих людей, живущих рядом. Их жизненный путь во многом задается верой. Крупнейшие метаморфозы в жизни человеческого общества сторонники теологических теорий объясняют не экономическими, политическими, природно-географическими и прочими причинами, а решением религиозных задач. Важнейшая предпосылка появления городов и развития цивилизации – это неолитическая революция, переход от присваивающего хозяйства охотников и собирателей к производящей экономике скотоводов и земледельцев. Как пишет А.Б. Зубов, «скотоводство и земледелие возникли не из экономической, а, скорее всего, из религиозной необходимости. Осев на земле, создав деревню, неолитический человек начинает необычным образом погребать умерших ... он захоранивает кости в полу своего жилища». Со временем происходит еще одна духовная революция. Умерших перестают хоронить в домах. Их стали хоронить на кладбищах. «Дом живых отделился от дома умерших» [96, с. 40, 41]. С этого времени разделяются дом и храм. Раньше центром религиозной жизни было

жилище. Об этом можно судить по количеству религиозных предметов, которые находят при археологических раскопках жилых домов. Теперь же для поклонения Богу строят храмы. Очень часто городом становилось то поселение, которое отличалось пышностью храмов, при которых жили жрецы, и особенно главный жрец – правитель-первосвященник. Именно такое совмещение религиозных и властных полномочий было распространено в те далекие времена. Множество храмовых комплексов, дворцы для правителя-первосвященника и его ближайшей родни, жилища многочисленного обслуживавшего персонала: от жрецов и военачальников до мелкой челяди, склады, амбары, мастерские ремесленников, площади для рыночной торговли и т.д. Вот и завязался город, зажил своей особой жизнью. Появление городов, государств, цивилизаций вполне логично объясняется решением не экономических, а религиозных вопросов. Дискутируя с положением, что первые древние цивилизации, например, древнеегипетская, возникали по причине необходимости строить ирригационные системы, А.Б. Зубов задает вопрос: «на что в результате использования ирригационных систем тратил средства житель Древнего Египта: что он, объедался хлебом или строил дома культуры? Он строил гробницы, пирамиды, храмы. Египтянин периода Древнего царства тратил на религиозные цели 80% своей жизненной энергии, как и человек западноевропейского мегалита. А те народы, которые махнули рукой на Бога, не создали ни цивилизации, ни государства, ни письменности». Человек религиозный *homo religiosus* – это и есть *homo sapiens*. «С колоссальным напряжением сил работая над духовной задачей, сознавая свою грешность, слабость, ущербность, стараясь преодолеть ее, человек как бы побочно создает весь тот мир, в котором мы живем сейчас» [96, с. 53–54].

Религия способствовала укреплению государственной власти, что выражалось в деперсонализации власти правителя, постепенном превращении его из личности в символ, в институт организации и управления. Престижу и авторитету власти религия придала сакральные свойства. Решающий рывок от протогосударственных форм к реальному государству происходит как следствие сакрали-

зации власти правителей. Все это происходит и оформляется в городе. Показательно, что Русь начинает свое приобщение к христианству с городов. Крещение Киева князем Владимиром в 988 г. стало символом сакрализации Русского государства, обретения им духовной силы и государственной мощи.

Благодаря религиозной основе город резко вырывается вперед в культурном плане. Это блестяще показал О. Шпенглер. Первобытный человек становится религиозным, живя во враждебной ему природе и пытаясь что-то отвоевать у нее для себя. Религиозность оседлого земледельца основывается на чувстве сопричастности с природой, сотрудничества, совместного с ней созидания и преобразования. Сажать растения – это значит не отбирать, а создавать. Враждебная природа становится другом, сырая холодная земля – матушкой-землею. Крестьянский дом, по словам О. Шпенглера, – это величайший символ оседлости. Он сам по себе является растением, глубоко пустившим корни в свою собственную почву. В нем живут добрые духи домашнего очага – Веста, Янус, Лары, Пенаты. Таковы предпосылки любой культуры, вырастающей как растение из своего родного ландшафта и заостряющей духовную связь человека с землей. Дух преобразования, заложенный в земледельце, естественным образом продолжается в горожанине и достигает своих крайних форм. Поле, посаженное крестьянином, неестественно для природы, но органично вписывается в природный ландшафт. Крестьянские дома, деревни с похожими на холмы крышами, с дымом из труб, с колодцами, заборами, домашними животными дополняют и продолжают породивший их природный ландшафт. Ритм жизни крестьянина и даже его внешний облик были соразмерны природе. Город тоже возникает как «растительное существо». Добрые духи домашнего очага превращаются в каждом городе в покровительствующих ему богов и святых. Но если маленький провинциальный город еще созвучен своей местности, то большой город уже не зависит от нее. Силуэт города противоречит линиям природы. Город хочет отличаться от природы, быть другим, выше и лучше ее. Высокие острые готические крыши, огромные барочные купола и украшения, мощеные камнем улицы желают выделиться из природно-

го ландшафта, не иметь с ним ничего общего. В городах совершается подлинная история стиля, моды. Деревня безмолвствует и упорно сохраняет свои древние традиции и формы. Город превращается в центр культуры – того искусственного мира, который предстает как совокупность человеческого творчества. Как подчеркивал О. Шпенглер, «чем для крестьянина является его дом, тем для культурного человека становится город» [148, с. 109].

Логическим следствием, завершением, исходом и неизбежной судьбой культуры является цивилизация. Шпенглер предлагает считать цивилизацией «самые крайние и искусственные состояния». Если культура, наполненная духовностью, содержательна, обращена к душе человека, то цивилизация формальна, больше заботится о телесном комфорте, наполняя мир разнообразными удобствами. Культура так отличается от цивилизации как греческая душа от римского интеллекта. «Чистая цивилизация, как исторический процесс, представляет собой постепенную разработку (уступами, как в копиях) ставших неорганическими и отмерших форм» [147, с. 43, 44]. Зарождаясь, как центр культуры, город становится центром цивилизации, превращая остальную страну в провинцию, питающую город своей культурой и человеческим материалом. «Древние корни существования засыхают под каменными массами городов» [148, с. 113]. Город становится своеобразным «переработчиком» естественного в искусственное, реального в символическое, природного в духовное. Дух максимально удален от естественного, природного. По словам О. Шпенглера, он свободен. Свободен от всего. «Дух – это типично городская форма понимающего бодрствования» [148, с. 113].

Подобную переработку город осуществляет и в экономике. Четкого разделения труда между городом и деревней никогда не существовало. Разделение всегда было гибким, склоняясь то в одну, то в другую сторону. Это подтверждается тем, что порой города возникали раньше сельских поселений и уже потом сами создавали вокруг себя деревни. Такова история городов Иерихон и Чатал-Хююк в Малой Азии, многих городов, создаваемых переселенцами в Новом Свете, в Сибири [73, с. 452–453]. Первоначально в городах со-

храняется и развивается аграрная экономика. Горожане засевают огороды и поля, их дома утопают в садах, по вечерам улицы наполняются домашними животными, важно шествующими с пастбищ. Ф. Бродель рисует более приземленную картину, отмечая, что внутри и вне своих стен города имели пояс садов и огородов, а чуть дальше – поля, иной раз с трехпольным севооборотом, как было, скажем, во Франкфурте-на-Майне, Вормсе, Базеле или Мюнхене. «В средние века щелканье бича погонщика было слышно в Ульме, Аугсбурге или Нюрнберге рядом с самой ратушей, а свиньи свободно разгуливали по улицам, настолько грязным и ухабистым, что переходить их приходилось на ходулях, либо же перебрасывать деревянные мостки с одной стороны на другую. Во Франкфурте накануне ярмарок поспешно устилали главные улицы соломой или стружкой. И кто бы подумал, что в Венеции еще в 1746 г. приходилось запрещать разведение свиней в городе и монастырях» [73, с. 454]. Многие города так и оставались аграрными, в Европе их называли «сельскими городками». Многие погружались в аграрную экономику периодически в связи с кризисами, социально-политическими катаклизмами, во время или после войн, как, например, в связи с опустошительной Тридцатилетней войной. Кстати, захватчики, планируя свои атаки против городов, старались учитывать занятость горожан на сельскохозяйственных работах, когда город оставался практически беззащитным. Например, в 1540 г. алжирские пираты захватили Гибралтар в то время, когда жители покинули город для сбора винограда. Но и горожане, наученные горьким опытом, порой шли на сельскохозяйственные работы под охраной вооруженных отрядов. Так было во Франции и Германии во время многочисленных религиозных войн [73, с. 455].

При этом те же горожане в свободное от сельскохозяйственных забот время, как правило, зимой, занимались ремеслом. Столь важное для Флоренции суконное производство, еще в XVI в. было исключительно зимним занятием. В том же XVI в. на период сбора урожая оставляли свое ремесло горожане Фландрии, Англии [73, с. 455]. Точно так же как город не оставлял сельское хозяйство, деревня не бросала промысловую деятельность, она никогда не оста-

вася без своих ремесленников. В кризисные времена, когда многие города наращивали у себя аграрную экономику, деревня взваливала на себя больше ремесленных занятий. В слабоурбанизированных странах деревня была вынуждена все делать сама и поэтому была в состоянии решать крупные промышленные задачи. Так было, например, в России, Индии, Китае.

Таким образом, в эпоху аграрной доиндустриальной цивилизации города и деревни занимались по сути одной и той же аграрной и ремесленной деятельностью, подчас конкурируя между собой. Так что же все-таки притягивало к городам, возвеличивало их в экономическом смысле, помимо того, что они были политическими и культурными центрами? Почему главный городской ресурс – люди – шли именно из деревни в город, а не наоборот? Почему только в городе, а не в деревне, накапливалось волнующее человеческое море, способное к творчеству? Экономически дорогу в город прокладывал рынок.

Как бы ученые не структурировали экономику: на производство и потребление, на материальную жизнь, нацеленную на самообеспечение, и собственно экономическую деятельность, в основе которой лежит товарное производство, они не могли обойтись без вычленения сферы обмена. Из биологии и физиологии в экономику пришло понятие «обращение». В современной экономической науке синонимом этой сферы выступает термин «рыночная экономика». Ф. Бродель исследовал грандиозную многоэтажную конструкцию хозяйственной деятельности, начиная от этажа самодостаточной материальной жизни со средними этажами товарной экономики и высшими этажами капитализма, убедительно показав, что все лестничные пролеты между этажами есть не что иное, как разные уровни и механизмы рыночного обмена.

Мир рыночного обмена чрезвычайно многообразен и кристаллизуется в самых разных формах, начиная от простой встречи двух людей для обмена результатами их непосредственного труда и, заканчивая биржами, где в шуме залов и в тиши кабинетов производятся сложные математические вычисления, выносящие одних на вершины могущества, а других безжалостно сбрасывающих с него.

Самыми устойчивыми и долговременными являются простейшие рынки. Они сопровождают человечество с самых ранних этапов его становления. Они и сегодня с нами, зазывая нас своей неугомонной толчеей, шумом, выкриками торгующихся, острыми запахами свежих продуктов. Ф. Бродель любит эти рынки на протяжении многих столетий. Рассуждая об их необычайной устойчивости и незаменимости, он принимает во внимание и низкие цены, и «свежесть поставляемых ими скоропортящихся видов продовольствия, привозившихся прямо с близлежащих огородов и полей». «Ибо простейший рынок, где продают главным образом «из первых рук», есть самая прямая и наглядная форма обмена, за которой легче всего проследить, защищенная от плутней». В «Книге ремесел» Буало (1270 г.) утверждается: «Ибо есть резон, чтобы съестные припасы попадали прямо на открытый рынок и можно было бы видеть, доброго ли они качества и честно ли изготовлены или нет... ибо к вещам... продаваемым на открытом рынке, имеют доступ все: и бедный и богатый» [74, с. 4].

А дальше, по словам Ф. Броделя, рынки множатся и специализируются. И происходит это в городах. Только город может создать необходимые для рыночного обмена условия, прежде всего множество продавцов и покупателей. Организуются редкие сезонные ярмарки, более частые ежемесячные или еженедельные городские базары, открываются ежедневно работающие рынки и лавки. Рынок становится центром экономического взаимодействия и разнообразных человеческих отношений. Первоначально робко зацепившись в городском пространстве, там, где пустили, строго наказывая за нарушения, рынок вскоре уверенно приживается, пускает корни и вырастает в сильный живой организм. Теперь уже рынок сбрасывает все на своем пути для расширения собственной площади, по словам Ф. Броделя, взрывается в городском пространстве, слишком стесненном, чтобы его сдерживать [74, с. 6]. Рынок переливается на любую освободившуюся территорию. Не хватает земли, он переходит на мосты, как было модно в итальянских городах, на замерзшие зимой реки, по которым было удобно подвозить на санях товары, как бывало в русских городах. Теперь уже рынок организует город-

скую среду. Он перекраивает под себя улицы со складами и ремесленными мастерскими. К нему, как к магниту тянутся выстраиваемые жилые дома, гостиницы, трактиры. Рыночная площадь теперь центр города. Рядом с ней и при ней располагается городское управление. От рыночной площади радиусами и кругами расходится городская жизнь. Случайно забредший в город путник может и не дойти до резиденции правителя, и храмом может полюбоваться лишь издали, но вряд ли он сможет пройти мимо рынка. Есть версия, что такой городской рынок впервые завели у себя финикийцы. Современные им древнегреческие города, как правило, имели рынок на агоре – центральной площади. Там же на агоре проходили и знаменитые народные собрания. На рыночной площади проходили вече древнерусских городов.

Из рыночной торговли постепенно шаг за шагом вырастал слой профессиональных торговцев, начиная от простых разносчиков, продавцов небольших лавок и заканчивая богатейшими купцами-негоциантами. Также рос и совершенствовался необходимый для торговли символический атрибут – деньги, по замечанию Ф. Броделя, «самоочевидный «расширитель» рынка, если только не обязательное условие его деятельности» [74, с. 216]. Первоначально торговец и деньги вмешивались в процесс естественного товарообмена только в качестве посредников. Даже приходя по морю на караванах торговых судов, купец с деньгами всего лишь замыкал на себя привычные торговые потоки. Однако, с определенного момента роль купцов и денег принципиально меняется. Из слуг и посредников рынка они превращаются в его организаторов и господ, да и не только рынка, но и всего общества. Приобретая силу воздействия, они становятся капиталом, который в зависимости от сферы приложения выступает торговым, финансовым, промышленным, но всегда активным, предприимчивым, преобразующим – его величеством Капиталом. Такой капитал быстро возносится с нижних этажей материальной жизни и товарной экономики на верхние, туда, где именно он начинает править бал. Такой порядок вещей уже можно назвать капитализмом.

Когда это происходит? Речь идет не о конкретных датах, а по сути о рождении капиталистической цивилизации. Согласно концепции баррикад Уинстона Дэвиса, традиционное общество может быть представлено в виде трех концентрических кругов. Внутренний круг воплощает экономику и экономические ценности. Средний круг является своеобразной «иммунитетной баррикадой», которую традиционное общество воздвигает для «предохранения» от доминирования экономики. Она состоит из разнообразных табу, традиционной религии, этики, права, философии, народных верований, обрядов и т.д. Наконец, внешний круг включает общество с его ценностями, статусными ролями, властными отношениями, политической организацией. Институты среднего и внешних кругов надежно держат экономику под контролем. По схеме Дэвиса экономическое развитие на путях капитализма и рыночной системы может начаться лишь при сломе этих баррикад. Причем этот слом может произойти двумя путями. С одной стороны, враг традиционного общества в лице модернизации, сам взбирается на валы и вторгается в цитадель традиционного общества. С другой стороны, барьеры начинают стареть и ветшать сами, защитники традиционных ценностей слабеют и сдают свои позиции. Экономика выходит из своего внутреннего замкнутого круга и, словно бурный поток воды при наводнении, сметая все на своем пути, перемешивает и реформирует все общество [123, с. 90–91]. Главенство экономики становится все более весомым: она определяет развитие в целом, воздействует на другие порядки. Но это уже не традиционная, а капиталистическая и рыночная экономика.

О. Шпенглер начало капиталистической цивилизации связывает с пробуждением души города. «Как только рынок превращается в город, он перестает быть просто перекрестком торговых путей, ведущих по сельской местности, и становится абсолютно новым миром внутри стен, для которого просто производящая жизнь «где-то вне» его стен является всего лишь средством и объектом, из которого берет начало совершенно другой поток. Самое главное отличие заключается в том, что истинный горожанин не является производителем в первоначальном, «земном» смысле этого слова. У него

отсутствует внутренняя связь с землей и с имуществом, проходящим через его руки... Имущество превращается в товар, обмен – в товарооборот, товарное мышление заменяется денежным» [148, с. 615]. Благодаря такому денежному мышлению город становится денежным рынком. Город хранит в себе денежные сундуки и подбирает к ним ключи. Город держит свою цепкую руку на пульсе денежной системы обращения, чувствует ее нерв и управляет ею. «Протекающий через город поток денежных стоимостей начинает пронизывать, одухотворять и подчинять себе поток товаров. Таким образом, торговец из органа экономической жизни превращается в ее хозяина» [148, с. 618]. Если раньше деньги помогали встрече производителя и потребителя, становились посредником в их обменном взаимодействии, то теперь торговый капитал подчиняет себе производящую экономику и сферу потребления. Торговый капитал вынуждает производителя позаботиться о предложении, а потребителю навязывает спрос, таким образом держит в форме и тех и других, заставляя их, в конечном счете, продавать и покупать то, что выгодно ему, что дает ему выручку, прибыль, выгоду. Торговое посредничество возвышается до уровня монополии и главной сферы всей экономической жизни. Того, кто овладел подобным стилем мышления, О. Шпенглер называет «мастером денег». «По этому пути идет развитие любой культуры» [148, с. 619]. Это путь капиталистической цивилизации.

Деньги в ней становятся «формой духовной энергии, в которой концентрируется воля правителей, политические, социальные, технические формообразующие силы, тоска по жизни высокого полета. Б. Шоу был абсолютно прав, когда писал: «Всеобщее почтение, испытываемое по отношению к деньгам, – это единственный подающий надежду факт нашей цивилизации... Деньги и жизнь неразделимы... Деньги – это сама жизнь». Таким образом, – продолжает Шпенглер, – цивилизацией мы называем ту стадию развития культуры, где традиции и личность теряют свое непосредственное значение и любая идея, чтобы быть реализованной, должна быть прежде всего переосмыслена в деньгах. Если на ранних стадиях человек был богатым потому, что имел власть, то теперь он имеет власть

потому, что у него есть деньги. Лишь деньги возводят дух на трон» [148, с. 620].

История любой культуры начинается как традиционное общество, в которое проникает дух денежного мышления, дух капитализма. Между ними происходит отчаянная борьба, выливающаяся в форму войн, крестьянских восстаний и т.д. Впервые денежный дух одержал полную победу над традицией в Западной Европе. Родилась западная капиталистическая цивилизация, со временем покрывшая весь мир. По словам О. Шпенглера, «фаустовское денежное мышление «открывает» целые континенты, использует энергию воды великих рек, мускульную силу населения огромных ландшафтов, залежи угля, дикие леса, законы природы и превращает их в финансовую энергию, которая впоследствии находит себе выход в форме прессы, выборов, бюджетов и армий, служащих для претворения в жизнь планов правителей» [148, с. 621–622].

Но где концентрируется это денежное мышление, этот дух капитализма? Равномерно ли распространена капиталистическая цивилизация, или в ее растворе есть свои кристаллы, максимально вобравшие в себя основные свойства? Капитализм концентрируется в городах. «Любая высокоразвитая экономика может быть только городской» [148, с. 620]. Поскольку сам капитализм вырос из иерархии и ею держится, он ее постоянно воспроизводит. Не все города одинаково сильны на поприще денежных капиталистических операций, а лишь некоторые, непостижимым образом выросшие до этого. Мировая капиталистическая экономика – это отнюдь не всеобщая кооперация, а дело крупнейших мировых городов и более всего мировой столицы. Как О. Шпенглер выделял мировые политические столицы, так же он определяет и мировые экономические столицы: «Судьбы, в том числе и экономики, в этом случае решаются в немногих центрах сосредоточения денег: в Вавилоне, Фивах, Риме, Византии, Багдаде, Лондоне, Нью-Йорке, Берлине или Париже» [148, с. 620]. Перспектива любого города – мировой капиталистический город, однако, далеко не каждый город может им стать.

В XIX в. мировой капиталистический город – это не только торговый, финансовый, политический, культурный, центр. Это и индустриальный, научный, культурный, политический, финансовый, торговый, центр. Это и индустриальный, научный, культурный, политический, финансовый, торговый, центр.

стриальный центр. Если раньше по образному выражению Ф. Броделя капитализм был у себя дома лишь в сфере обращения, а в сфере производства заходил нечасто как гость, то в XIX в., пережив промышленную революцию, капитал освоил и производство. Города стали меняться, впуская в себя не только ремесленные мастерские, лавки, банки, но и принципиально новые громады промышленных зданий – заводов и фабрик, заполненных машинами и новыми для себя массами людей – пролетариатом. Вслед за деньгами город породил еще одного тирана, которому всецело подчинился сам и подчинил всех других – машину. Техника как искусство и результат создания разнообразных приспособлений, облегчающих жизнь и труд, появилась у человечества издревле. Но ранняя техника была соразмерна природе, максимум, что она могла себе позволить, так это посоревноваться с природными силами, не более того. Современная техника вторгается в природу, открывает ее тайны и покоряет ее. Создателем такой техники по мысли Шпенглера является «фаустовский изобретатель – единственное в своем роде явление». Всю мощь своих талантов он направляет на открытие. «Открыть – значит снять покров с чего-то невидимого, перевести его в мир света внутреннего глаза, чтобы поставить себе на службу. Вся наша культура – это культура первооткрывателей» [148, с. 641]. Открыть не для познания, не для постижения истины, не для совершенствования себя, чтобы соответствовать природе, а для покорения, чтобы поставить на службу. Как пишет Шпенглер, «ученые начинают насильственно с помощью рычагов и винтов выпытывать у природы ее тайны, и сегодня мы видим результат этого в виде усеянной фабричными трубами и буровыми вышками земли» [148, с. 641]. Нарисовал О. Шпенглер и образ современного чародея: «рабочий у распределительного щита с рычагами и надписями путем нажатия пальцем может вызвать к жизни могучие силы, не имея даже представления об их сущности» [148, с. 638]. А это ведь и есть образ индустриального пролетариата: чародея у станка, бедняка в фабричном бараке, бесправного чужака на улице города. «Таков символ всей человеческой техники, – продолжает О. Шпенглер. – Весь образ видимого мира вокруг нас, созданный нами с помощью

критики, анализа, в качестве теории...». Щит, к которому можно прикоснуться, добиться определенных действий, но при этом не постичь тайны и не приблизиться к истине [148, с.638–639].

Мировые города и тем более мировые столицы всегда легко разглядеть на карте мира. Они впечатляют своими масштабами, восхищают архитектурными силуэтами, сочетающими основательность классики и полет фантазии новейших веяний, в них сосредоточены атрибуты современной цивилизации, их людское море разнолико и разноязычно, они поглощают все, что есть лучшего у других. С точки зрения современной социологии функциями мирового города являются: формирование и распространение новых потребностей, жизненных запросов и привычек населения, своего рода стиля жизни, концентрация больших масс предприимчивых и лично развитых людей, выразителей нового стиля, развитие соответствующих этому новых сфер производства товаров и услуг [78, с. 9].

О Древнем Риме, как о мировой столице античного мира, О.Шпенглер писал, что он встал в центре потоков золота, оживших под влиянием античного капитала. Потоки золота текли из провинций в Рим и обратно, разыскивая новые области, запасы обработанного золота которых еще не открыты. Брут и Кассий на длинной веренице вьючных мулов доставляли в Рим золото из храмов Малой Азии. Гай Грах с гордостью говорил о том, как амфоры с вином, поставлявшимся из Рима в провинции, возвращались обратно, наполненные золотом [148, с. 633]. Мировая столица всегда держится походами за богатством чужих народов. В каждую последующую эпоху меняется лишь вещный облик этого богатства. В эпоху античности это было золото и рабы, в средние века в почете был и строевой лес, и мех, и зерно, во время великих географических открытий настал черед пряностей, в период промышленной революции пришли уголь и металлы, сейчас наступила эпоха нефти и газа.

Никому не удавалось надолго удержаться на вершине могущества. Перечень мировых городов и мировых столиц весьма внушительен. В XIX в. в эпоху господства индустриального капитализма бесспорной столицей мировой капиталистической системы был Лон-

дон. В брошюре 1910 г., написанной по поручению сельскохозяйственного отдела Русско-Английской торговой палаты, ее автор Н.А. Крюков так писал о масштабах английского аграрного рынка. «Подобно магнитному полюсу, направляющему к себе магнитные стрелки, Англия является торговым полюсом, к которому летят на всех парах пароходы, несутся на всех парусах суда, мчатся железнодорожные поезда, нагруженные продуктами человеческого труда, приложенного к земле-кормилице. Англия – это мировая ярмарка, открытая круглый год шесть дней в неделю. Здесь чванный янки, гордый мексиканец, черный как сажа негр центральной Африки, унылый инородец Сибири, чукча Берингова моря, богач-земледелец южной России, псковский мужик – все могут найти знакомые им плоды, произведения их родных гнезд. Красное дерево и северная ель, клыки африканского слона и рога холмогорской коровы, перья гордого страуса и пух смиренной курочки, шкура котика с Берингова моря и великолепное руно ангорской козы, пшеница с Волги и из Калифорнии, шерсть австралийского барана и щетина вологодской свиньи, мясо овцы, гулявшей в Новозеландии и быка, жившего на Миссисипи, перышки канарейки и ласточки, жившей на Иване Великом, хлопок из Каролины и Египта, шелк китайского червяка и пенька Зондских островов, индийская ваниль и ростовский лук, японский лак и архангельская смола – все здесь на этом всемирном торжище к услугам гостей-покупателей» [106, с. 11–12]. А если мы попробуем представить масштабы лондонского промышленного рынка, рынка услуг, например, финансовых... Лондон сыграл едва ли не главную роль в британском величии. Как заметил А.Дж. Тойнби, «ни в какой другой стране Запада единственный город не затмевал настолько полно все остальные». Ф. Бродель добавляет: «... в отличие от слишком обширной, внутренне разделенной Франции, разрывающейся между Парижем и Лионом, Англия имела только одну голову, но громадную» [75, с. 386–387].

Рожденная городами мировая капиталистическая экономика всегда иерархична и ранжируется на центр, полупериферию и периферию, что было обосновано в трудах французского историка Ф.

Броделя и школы миросистемного анализа И. Валлерстайна. Первоначально центрами капиталистического развития были пояса европейских городов: ганзейские, итальянские, затем роль центра уверенно переходит к нациям-государствам: Испании, Португалии, Нидерландам, пока, наконец, в борьбе с Францией в XIX в. на пьедестал лидера мировой капиталистической экономики и международного системы не восходит Англия. Ф. Бродель подчеркивал, что капитализм и капиталистический центр создаются национальными экономиками и городами, причем городами, как самостоятельными субъектами, а не только элементами национальных экономик. Западную Европу, где на протяжении эпохи нового времени концентрировался центр мировой капиталистической системы, Ф. Бродель не случайно назвал «сердцем Европы», пояснив, что это западная оконечность континента, «по эту сторону воображаемой линии Гамбург – Венеция». «Эта привилегированная Европа слишком была открыта эксплуатации со стороны городов, буржуазии, богачей и предприимчивых сеньоров» [74, с. 277]. Но почему именно она?

Город с его «волнующимся человеческим морем» всегда влияет и задает ритмы развития. Как заметил О. Шпенглер, даже малые города в конечном счете «побеждали» прилегающую сельскую местность, наполняли ее «городским сознанием» [147, с.449–450]. Однако для такого влияния необходимы минимум три условия. Первое, это численность городского населения, чем оно больше, тем влиятельнее город. Для французской статистики город – это поселение с минимум 2 тысячами жителей, для английской с 5 тысячами.

Возможности для радикального изменения образа жизни в отдельном городе наступают тогда, когда численность его населения достигает 20–25 тысячи человек. По меркам начала XX в. это средние города. Малые города, города-села могут так и не выйти из аграрного образа жизни.

Городов должно быть много. Только при наличии определенно процента городского населения в стране возможны стартовые условия для модернизации. 10% признаются «первичным уровнем эффективности». Англия имела 10% городского населения в 1500 г.,

английские колонии в Америке в 1700 г. В Голландии – «стране городов» в 1515 г. был достигнут уже 50%-й уровень городского населения [73, с. 452]. Чем выше процент, тем создается более влиятельное и результативное для капиталистической модернизации «городское напряжение».

Но есть еще одно, третье условие. Важно, чтобы города располагались близко друг к другу. Тогда расстояния не затрудняют общение и не требуют развитой транспортной инфраструктуры. Известный норвежский политолог С. Роккан предложил концепт пояса городов, ставших звеньями на торговых путях между Северо-Западной и Южной Европой. Это в основном были голландские и западногерманские прирейнские и североитальянские города. Пояс городов выполнял функцию канала распространения культурных, гражданских, экономических достижений. Он явился ядром и двигателем Западной Европы, определившим ее национально-территориальное деление и капиталистическую структуру. Интересно, что сила «городского напряжения» внутри пояса была настолько высокой, что она не позволила подчинить себя еще одной власти. Германия и Италия оставались раздробленными вплоть до конца XIX в., при этом капиталистическая экономика и культура были в них высокоразвитыми. Национальные экономики в национальных государствах создавались за пределами пояса городов. Сильные государства своей активной политикой компенсировали отсутствие необходимого «городского напряжения» [109]. Однако, капиталистические национальные государства возникли только западнее (Англия, Франция, Испания, Португалия с отдаленными колониями на других континентах) и севернее (Скандинавские страны) пояса городов, там, где уже было собственное «городское напряжение», не вошедшее в пояс городов. Это было свое множество близлежащих друг к другу городов, связанное густой транспортной инфраструктурой. Восточнее формировались империи с единой территорией (за исключением Германии без отдаленных колоний на других континентах), к которым можно отнести и Германскую, и Австро-Венгерскую и Российскую. Чем дальше на восток, тем все более редкой становилась городская сеть, слабее транспортная ин-

фраструктура. Люди с великим трудом отвоевывали у огромного пространства место для полноценной жизни.

Отметим еще один фактор богатства западноевропейских городов. Многие из них, но прежде всего самые богатые, были связаны с международными торговыми путями, которые с развитием капитализма переместились в Атлантику. Их монопольные торговые компании, купеческие дома имели интересы в Азии, Африке, Америке. Такие города становились узловыми пунктами мирового движения капитала. Именно там, по словам Броделя, «на вершинных видах экономической деятельности» и выросал капитализм, который всегда тяготеет к монополии, к вершинам общественной и экономической иерархии.

В XIX в. те города, которые удержались на плаву в бурных волнах модернизации, превратились в центры капитала, индустриального, банковского, торгового предпринимательства. Капитал кардинально преобразовал архитектурный облик городов. За центром, плотно застроенным роскошными жилыми, офисными, общественными зданиями в стиле модерн, растеклись промышленные районы. Городской пейзаж оттенили мрачные громады производственных помещений и рабочих бараков, прорезали шоссе и железные дороги. В городское небо вонзились дымящиеся трубы заводов и фабрик. Городская повседневность наполнилась новой индустриальной культурой.

У исследователей не было особых сложностей в определении центра мировой системы капитализма, но всегда оставалась тайна в объяснении причин его выделения. Почему именно в броделевском «сердце Европы» сконцентрировалась существенная плотность людей в городах, и образовалась достаточно густая сеть городов? Почему именно эти горожане накопили серьезные богатства и, почувствовав интерес к предпринимательству, стали пускать их в оборот? Почему моря и океаны, окружавшие их, оказались не враждебными стихиями, а превратились в налаженные торговые пути? Помимо благоприятных природно-географических условий, дружественного для людей пространства на эти вопросы других четких ответов пока нет. Городская жизнь, как и всегда, окружена тайной.

Что же другие территории и города, например, Европа восточнее линии Гамбург – Венеция? О. Шпенглер резко заметил: «Все остальное – это провинциальная экономика, которая совершается в узком кругу и даже не осознает в полной мере своего зависимого характера» [148, с. 620].

Провинциальный город во все времена принципиально отличается от мирового. Он живет другой жизнью, размеренной, тихой, спокойной. Резиденции его правителей и религиозные храмы не велики по масштабам и не поражают вычурной роскошью. Они соразмерны скромным городским возможностям и удачно обозначают и украшают его центр. Городской рынок не демонстрирует диковинок мировой этнографии, самое большее, на что он претендует в периоды сезонных ярмарок, так это на выборочное представительство близлежащих регионов. За рыночной площадью разворачивается спокойная городская повседневность. Бесконечными рядами тянутся одно-, максимум двухэтажные дома, чем дальше от центра, тем более погруженные в сады и огороды. Каменные домики центра плотно прижаты друг к другу, обращают на себя внимание не повторяющимся цветом штукатурки, формами окон, неброскими украшениями, причудливыми изгибами двориков и арок. Каменные кладки как-то сами собой без резких переходов сменяются деревянными, вполне деревенскими видами. Далеко не в каждом доме угадывается ремесленная мастерская на первом этаже или глубоко во дворе. Груды угля и руды, сброшенные извозчиком перед домом, пока еще не убранные хозяином, стук молота, да гортанные выкрики крепких мужиков намекают, что где-то здесь разворачивается таинство кузнечнойковки. По регулярно спешащим к простенькому деревянному домику модницам можно догадаться о пользующейся известностью портнихе. Просыпанные на каменной мостовой древесные стружки, неожиданно резко зазывающие свежим лесным ароматом, намекают, что мы приближаемся к владениям плотника или бондаря. Пьянящие ароматы ванили и корицы подсказывают дорогу к булочнику. Порой эти признаки точнее обозначают присутствие городских мастеровых, чем даже вывески, истершиеся от

непогоды, или прикрытые тяжелой от налившихся плодов яблоневой веткой.

Некоторым городам необычайно везло: к ним приходила железная дорога. Особо избранные города, оказавшиеся на перекрестке дорог, могли пересечь две, а то и три железнодорожные магистрали. И тогда город, подпитанный капиталистическим духом, словно оживал, просыпался. Вокруг железной дороги организовывалась вокзальная сфера услуг и производственно-транспортная инфраструктура. Капитал, который раньше сторонился столь удаленных от экономической авансены мест, теперь уверенно приходил, привлеченный открывшимися транспортными возможностями. То на одной, то на другой окраине сооружались фабричные корпуса, и собаки и петухи из близлежащих домов уже не могли соперничать с призывным воем фабричных сирен. Тихий и давно сложившийся центр тоже приходил в движение, находя на своих казалась бы давно сформировавшихся солидных улицах место для новых банков, магазинов, управлений, контор, училищ, клубов, консультаций. Город, словно тесто на опаре, приходил в движение, выходил из привычных берегов, перемешивался предпринимательской активностью, похлопывался и придавливался властью, стремящейся загнать его в форму, застывал на какое-то время, потом снова бурлил. Описывая многообразие и сложность городской конструкции гигантского масштаба, американский архитектор Кевин Линч подчеркивал: «Будучи в общих очертаниях какое-то время стабильной, эта структура вечно изменяется в деталях, а ее рост и форма поддаются контролю только частично. Здесь не бывает окончательного результата – только непрерывная последовательность состояний. Искусство формирования городов – особое искусство, обособленное и от архитектуры, и от музыки, и от литературы» [111, с. 15].

Город всегда пребывает в многообразии различных состояний. Он сродни мозаике, в которой где-то намечается четкий рисунок, а где-то идут лишь едва заметные контуры, пятна и переливы тонов. Ричард Сеннет небезосновательно сравнил город с природной экологической системой. В определенные периоды городская система пребывает в равновесии. Достаточной мощью для нарушения рав-

новесия обладает капитализм. Именно он разрушает баррикады традиционности, вводит в городскую среду новые реалии. И тогда задачей города становится, по словам Р. Сеннета, «взаимоприспособление через разобшение» [132]. И город своими, только ему известными городскими способами, справлялся с этой задачей.

Так происходило и с экономикой. В XIX в. капитализм столкнул в городе практически все развившиеся к тому времени промышленные организационно-технологические уклады: ремесленный, мануфактурный, основанные на ручном труде, и фабрично-заводской с применением машин-двигателей и машин-орудий. Французский ученый Юбер Буржен предложил четырехчастную модель промышленных секторов. К первой категории он отнес разобщенные, размещенные в виде туманностей крохотные семейные ремесленные мастерские. Вторая категория – это те же мастерские, но связанные между собой. Их уже можно назвать рассеянными мануфактурами. Третья и четвертая категории – это соответственно централизованные мануфактуры и фабрики [74, с. 293–296]. В случае конкретного города и определенного отрезка времени вполне можно установить картину количества, качества и удельного веса в городской экономике всех укладов. Сложнее определить общие тенденции. Во всяком случае, как шутил Ф. Бродель, пускай В. Зомбарт хоть раз восторжествует над К. Марксом. Уклады, сменяя друг друга, не становятся сразу на место прежних. Обильный эмпирический материал по многим европейским странам не фиксирует четкого и логичного перехода от ремесла к мануфактуре и от мануфактуры к фабрике. Не было обязательной и естественной последовательности [74, с. 297]. Можно вспомнить метафору К. Маркса об экономической пирамиде, найдя в ее основании старинное традиционное ремесло, а на вершине новейшие фабрики. Но растущая доля фабричного производства, разоряющего домашнее ремесло, рисует в воображении более внушительный сектор для машинной индустрии, чем верхушка пирамиды. Экономические уклады сосуществовали, порой мирно, порой доводя дело до жесткого противостояния.

Но при этом ясна тенденция уверенного роста фабричной промышленности. По словам Ф. Броделя, «крупная промышленность окружила нас со всех сторон» [74, с. 293]. Капитал научился извлекать из нее прибыль, размеры которой были беспрецедентны. В XIX в. индустриальный капитализм вступил в свои права. Получив столь решительный удар, ремесло не сразу легло на лопатки. Оно продолжало существовать. Как пишет Ф. Бродель, «главнейшая черта такой ремесленной предпродушленности – это ее значение, важность как основного массива; тот способ, каким она, оставаясь подобной себе, сопротивлялась капиталистическим новшествам. Тогда эти последние порой облепляли какое-нибудь полностью специализированное ремесло, и в один прекрасный день оно как созревший плод падало в руки предпринимателей, располагавших крупными средствами» [74, с. 294]. В перерывах между столь драматичными моментами наступало равновесие, то самое «взаимоприспособление через разобшение» на экономическом уровне. Так даже в самых развитых странах ремесло в качестве экономического уклада просуществовало вплоть до XX в., прежде чем достойно уйти в сферу малого бизнеса, услуг, искусства и традиционной народной культуры, в которых пребывает до сих пор.

Глава 2. Промышленная панорама белорусских городов в XIX – начале XX в.

Смысл жизни нашей – непрерывное движение.
Якуб Колас

В настоящее время в Беларуси насчитывается 113 населенных пунктов, имеющих статус города: из них 10 городов областных центров и областного подчинения, 102 города районного подчинения и столица Минск [88]. Множество городов имеют долгую историю, возникнув во времена Древней Руси в Полоцком и Туровском княжествах как огороженные (город) укрепленные поселения и княжеские резиденции. Недаром Русь называли «страной городов». Помимо политико-административных и оборонительных функций города играли роль духовных, культурных, экономических центров. В них сосредотачивалось ремесленное производство и осуществлялись торговые операции. В период феодализма, когда центр экономической тяжести переместился в сельское хозяйство, феодальные белорусские города Великого княжества Литовского и впоследствии Речи Посполитой сохраняли перечисленные функции и самое главное особый городской образ жизни. Князья ВКЛ и короли Речи Посполитой даровали белорусским городам Магдебургское право.

В конце XVIII в. после трех разделов Речи Посполитой белорусские земли, на которых проживало около 3 млн. человек, вошли в состав Российской империи. С включением белорусских земель империя приобрела в целом небольшое городское хозяйство, которое она попыталась упорядочить по своим меркам, по образцу российских городов. На города было распространено действие «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., известной как «Жалованная грамота городам». Грамота фиксировала принципы организации городского управления в виде городского головы, городского собрания, общей городской думы и шестигласной думы от шести разрядов городского общества: владельцев городской недвижимости, гильдейского купечества, цеховых ремесленников, городских и иностранных гостей, именитых граж-

дан и посадских. Купцы, проживавшие на белорусских землях, при вхождении в гильдии, получали право свободной торговли на всей территории Российской империи. Идея подобного городского управления вполне соответствовала духу Магдебургского права, которое, конечно же, нуждалось в корректировке и развитии. «Жалованная грамота городам» и становилась таким развитием, не неся в себе радикальных перемен. Переход к ней в ряде белорусских городов осуществлялся медленно, с течением времени. В таких городах продолжали действовать городовые магистраты, учрежденные со времен получения городом Магдебургского права. Магистраты состояли из двух коллегий: лавы – суда по уголовным делам и рады, ведавшей гражданским судом, полицией, надзором за торговлей, отбыванием рекрутской повинности, контролем за цехами, сбором налогов и т.д. Также магистраты включали в себя избираемых должностных лиц: 2-х бургомистров, 4-х ратманов, 2-х человек, избираемых в сословные суды, кагальных (ведавших делами еврейской общины) и старост. Все эти должностные лица избирались городским купечеством и мещанством. В судопроизводстве вплоть до 1830–1840-х гг. применялось законодательство России и Статут Великого княжества Литовского. В соответствии и с Магдебургским правом, и с «Жалованной грамотой городам» городское управление по сути находилось в руках зажиточных горожан, владевших движимой и недвижимой собственностью, а не сословными титулами. Согласно «Жалованной грамоте городам» дворянство допускалось в городское общество, если оно владело городской недвижимостью [32]. Таким образом город поддерживал у себя капиталистические отношения.

В соответствии с «Жалованной грамотой городам» запрещался частновладельческий статус городов, т.е. «держание» их феодалами. Мещанство городов признавалось особым сословием, юрисдикция над ним феодалов отменялась, оно не могло быть приравнено к крестьянам, поэтому, например, не должно было отбывать барщину. Частновладельческие города были широко распространены в Беларуси. По подсчетам историков, в общей сложности в XVI–XVIII вв. более 40% белорусских городов являлись частновладель-

ческими [89, с. 5]. Ряд городов были секвестрированы у владельцев, например, за участие в восстании 1830–1831 гг. город Старый Быхов был конфискован у князей Сапег. Некоторые частновладельческие города выкупались государством. Этот процесс продолжался еще в 1840–1850-е гг. Например, в 1843 г. были выкуплены Ошмяны, в 1846 г. – Слуцк, в 1850-е гг. – Друя, Сенно, Докшицы, Несвиж [113, с. 16–17].

Административно-территориальное деление Российской империи, которое было распространено на белорусские земли, предполагало ранжирование городов. После долгой административной чехарды, продолжавшейся более 30 лет с 1772 по 1802 г., во время которой административные единицы неоднократно перекраивались, в соответствии с административной реформой 1802 г. белорусские земли в основном в пределах территории современной Республики Беларусь, были включены в пять губерний: Виленскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую. Губернии делились на уезды по 20–30 тыс. населения в каждом. Города были поделены на следующие ранги: столица, губернский, уездный и безуездный или заштатный город (т.е. не имевший своего уезда или округа). Таким образом, пять белорусских городов, давших названия губерниям, приобрели статус губернских городов, в границах современной Республики Беларусь без Вильно – четыре. В целом по реформе 1802 г. в границах современной Беларуси общее число городов составило 42: из них 4 губернских, 36 уездных, 2 заштатных города. На протяжении XIX – начала XX в. количество городов существенно не менялось. Происходили лишь незначительные реорганизации. В конце 1850-х гг. в Беларуси числилось 42 города: 4 губернских, 32 уездных и 6 заштатных. Накануне Первой мировой войны насчитывалось 45 городов: 4 губернских, 31 уездный и 10 заштатных. Представление о количестве городов и численности населения в них дает таблица № 1 в приложении. В Виленскую губернию, учитывая современные границы Республики Беларусь, входили 4 уездных города: Вилейка, Дисна, Ошмяны, Лида и 2 заштатных: Друя и Радошковичи. Впоследствии Вилейка и Дисна вошли в Минскую губернию, Лида – в Гродненскую.

Помимо городов и сел в Российской империи еще выделялись неземледельческие или городские административно-промышленные поселения, но не города. Они подразделялись на следующие виды: местечко, посад, отдельно стоящее промышленное заведение, духовное или религиозное поселение, военное поселение. В Беларуси были распространены местечки. В России они определялись как польские торгово-промышленные центры без крепости, заселенные преимущественно евреями [119, с.283]. М. Довнар-Запольский подчеркивал, что местечки «вообще ошибочно было бы включать в состав городского населения» [90, с.324]. В середине XIX в. в Беларуси насчитывалось 383 местечка. Причем к концу 1830-х гг. только 15,5 % местечек были казенными, остальные принадлежали частным лицам – помещикам [113, с. 18]. В 1897 г. было уже 464 местечка, в которых проживало 679 тыс. человек, примерно столько, сколько в городах [71, с. 26]. Местечки занимали важное место в хозяйственной жизни, играя роль соединительного, преимущественно торгового звена между городом и деревней. Еще не город, но уже и не деревня местечко связывало горожан и селян, став при больших расстояниях удобной перевалочной базой для торговых потоков.

В начале XIX в. белорусские города оставались преимущественно доиндустриальными, выполняя роль административных, культурных, торговых и ремесленных центров. Промышленность делала в них первые робкие шаги, проходя мимо отдельных, в некоторых задерживаясь лишь ненадолго, но во многих приходилась ко двору, осваивалась, тянула за собой разнообразную предпринимательскую активность. По данным историка А.М. Лютого, в начале XIX в. промышленные предприятия отсутствовали только в четырех белорусских городах: Браславе, Вилейке, Бабиновичах и Копысе [113, с. 130]. В остальных было хотя бы несколько ремесленных мастерских. Количество и динамику ремесленного производства в ряде белорусских городов в дореформенное время передает таблица № 2 в приложении.

Общая численность сельских, местечковых и городских ремесленников в конце XVIII в. составляла 25 тыс. человек, к середине

XIX в. она выросла до 39 тыс. человек [112, с. 19]. Однако, рост численности ремесленников в XIX в. – это, как правило, свидетельство недостаточного развития фабрично-заводской промышленности.

В целом показатели экономического развития были крайне низкими. В Российской империи со слабым развитием капитализма экономическое взаимодействие только налаживалось, единый капиталистический рынок делал первые неуверенные шаги. Регионы еще жили самостоятельной хозяйственной жизнью со старыми давно налаженными торговыми связями, которые русские капиталы пока не в силах были переориентировать. Как подчеркивал М.В. Довнар-Запольский: «С присоединением Белоруссии к России в структуре хозяйства не произошло таких существенных изменений, которые могли бы повлиять на общий ход народно-хозяйственной жизни» [90, с. 302]. Он отмечал «общую бледность хозяйственной жизни» белорусских территорий [90, с. 302]. Притчей во языцех стала их непомерная бедность. Довнар-Запольский, ссылавшийся на русского крепостника, привыкшего видеть бедного крепостного великорусского мужика, писал: «... и этот крепостник стал в изумлении перед бедностью белорусского крестьянина» [90, с. 302].

В экономическом районировании Российской империи белорусский регион в составе Минской, Витебской, Могилевской и Смоленской губерний характеризовался как земледельческий с преобладанием барщинного помещичьего хозяйства. И это при крайне неблагоприятных почвах и климатических условиях. Несмотря на скудные урожаи, лишавшие крестьян нормального питания, помещики продавали сельскохозяйственную продукцию на европейский рынок. Основными товарными видами являлись рожь, гречиха, овес, ячмень, картофель. Гродненская и Виленская губернии литовского региона, наряду с относившимися к этому региону прибалтийскими губерниями: Ковенской, Эстляндской, Лифляндской и Курляндской составляли один хозяйственный район. Для него было характерно интенсивное земледелие, ориентированное на европейский рынок. Сельскохозяйственная продукция белорусского и литовско-прибалтийского регионов вывозилась через Ригу и Ре-

вель – наиболее значительные после Петербурга балтийские порты. По словам помещика Энгельгарта, описавшего бедность крестьян Подвинья, «когда баржи с хлебом направлялись по Двине к Риге, то сотни голодающих и полунагих крестьян толпились на берегу реки и на пристанях, прося у судовщиков хлеба» [90, с. 308]. Низкопроизводительное, бедное сельское хозяйство, не обеспечивавшее на достаточном уровне крестьянина Беларуси, дополнялось весьма скромной незначительной промышленностью. Витебскую губернию, например, один из авторов 1830-х гг. относил к «самым мало-промышленным странам России» [90, с. 303].

На протяжении XIX – начала XX в. на белорусских землях получили развитие все три характерные для того времени вида промышленности или организационно-технологических способа производства: ремесло, близкие к нему мелкие капиталистические предприятия, мануфактура, фабрично-заводская промышленность. Развивались они не только в городах. Более того в первой половине XIX в. город отнюдь не лидировал в промышленной сфере, а горожане не являлись распространенными предпринимателями. До отмены крепостного права ряд законов Российской империи разрешил крестьянам заниматься предпринимательской деятельностью. Например, в соответствии с указом 1782 г. крестьянам можно было записываться в купечество, по положению 1804 г. можно было переходить в городские сословия, специальные правила 1812 г. разрешали крестьянам торговлю. Если вышеперечисленные указы касались только государственных крестьян, то в 1818 г. вышел «Указ о распространении права учреждать фабрики и заводы на всех казенных, удельных, помещичьих крестьян и вольных хлебопашцев». Однако в реальной жизни крепостная зависимость существенно сдерживала любую активность крестьян. Пробриться через произвол помещика и получить у него разрешение было крайне тяжело. На белорусских землях крестьянское предпринимательство не получило широкого развития [87, с. 121].

В первой половине XIX в. самым распространенным и успешным было дворянское предпринимательство по созданию мануфактур и фабрик на территории своих поместий, на которых трудились

крепостные крестьяне. После отмены крепостного права шире стало распространяться купеческое, мещанское, крестьянское предпринимательство с применением наемного труда. Росло число мелких предприятий, мануфактур, заводов и фабрик в городах. Вслед за Россией, повинуясь динамике капитализма, Беларусь превращалась из страны сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка в страну плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. В пореформенной империи белорусские губернии стали специализироваться на торговом картофелеводстве, зерноводстве и скотоводстве. Росла легкая и пищевая промышленность, металлообработка, строились транспортные системы, прежде всего водные каналы и железные дороги.

Динамика фабрично-заводской промышленности показывает, что в Беларуси на рубеже XIX – XX вв. состоялся промышленный переворот и начался процесс капиталистической индустриализации. В 1900 г. фабрики давали почти половину (46,8%) всей промышленной продукции. Если учесть мануфактурное производство, то вместе с фабричным оно давало 61% всей промышленной продукции [71, с. 86]. Это свидетельствовало о состоявшемся преобладании крупного производства над мелким. По промышленному развитию белорусский регион достиг средних показателей по Российской империи. По словам М. Довнар-Запольского, Беларусь в области промышленности «начинала даже равняться со всей остальной Россией» [90, с. 394]. В 1913 г. белорусские фабрики составляли 11 % всех фабрично-заводских предприятий Российской империи (без горных заводов), а белорусский пролетариат составлял 3,5 % российского [90, с. 392]. Россия же по ряду промышленных показателей уверенно приближалась к промышленно развитым странам. Так, например, за 1860–1880 гг. выпуск промышленной продукции возрос во всем капиталистическом мире на 86%, в том числе в Англии – на 56%, Франции – на 65%, Германии – на 78%, США – на 113%, России – на 113% [71, с. 87].

Но это была капля в море. Высокий процент промышленного роста свидетельствовал всего лишь о начале процесса капиталистической индустриализации. Россия превращалась в аграрно-

индустриальную страну. И Беларусь была далеко не в первых рядах этого движения. Весьма красноречивыми в этом отношении являются показатели состава населения по занятиям. Так в 1911 г. на 1 тыс. населения в Гродненской губернии 690 человек занимались сельским хозяйством, лесоводством, рыболовством, охотой и только 113 обрабатывающей и горной промышленностью и ремеслами. Среди белорусских губерний Гродненская оказалась самой промышленно развитой. В Витебской губернии 74,7 % занимались сельским хозяйством и 8,2 % были заняты в промышленности. В Минской губернии соответственно 74,8% и 8,9%, в Могилевской – 79,5% и 7,1% [38, с. 85]. Вновь обратимся к М. Довнар-Запольскому, который отмечал, что «промышленность еще не достигла размеров крупного экономического фактора. Пока ясна только тенденция этого развития». Не было преодолено отставание от остальной России. Как свидетельствовал Довнар-Запольский, если в 1908 г. производительность русской промышленности на одного жителя в среднем составляла 30 руб., то в 3 губерниях Беларуси – только 6 руб. [90, с. 392]. По мнению П.Г. Чигринова, в «российском промышленно-хозяйственном комплексе конца XIX – начала XX вв. Беларусь была сравнительно отсталым районом» [145, с. 246]. Беларусь по экономическим показателям оставалась аграрным, а по социальным – крестьянским регионом.

Вопрос о причинах низкого уровня промышленного развития не стал предметом оживленных дискуссий в белорусской историографии. Напротив, он считается вполне решенным. Историки единодушно придерживаются ряда положений. Конечно же, отмечается сдерживающий фактор крепостного права. Только его отмена стимулировала развитие крестьянского, мещанского и купеческого предпринимательства и формирование масштабного рынка наемного труда. Важной причиной является слабость внутреннего рынка, который не мог поглотить предлагаемую промышленностью товарную массу. Считая экономическое положение крестьянства тяжелым, М.Ф. Болбас подчеркивал, что «оно не обладало высокой покупательной способностью» [71, с. 96]. В качестве одного из первостепенных признается фактор недостатка капиталов, прежде всего

отсутствие значительных капиталов у купцов и мещан. А что же привело к таким особенностям процесса первоначального накопления капитала, которые, по словам А.М. Лютого, отрицательно сказались на развитии промышленности? Среди них Лютый называет господство магнатов в экономической жизни региона, наличие большого числа частновладельческих городов, конкуренцию русских купцов, частые военные действия на территории Беларуси в XVIII – начале XIX в., приводившие к упадку хозяйственной жизни и др. [113, с. 121]. Общим местом стала ссылка на наличие черты еврейской оседлости, в результате которой еврейское население сосредоточило в своих руках всю мелкую торговлю и промыслы, оттеснив от этих занятий белорусов.

Но по большому счету все эти причины являются лишь следствием глубинных процессов капиталистической модернизации, в результате которых в XVI – XVIII вв. состоялось «европейское экономическое чудо» и западноевропейские страны стали лидерами мировой капиталистической системы. Страны центральной и восточной Европы, в том числе Речь Посполитая и Российская империя, оказались на периферии мировой экономики капитализма. Ее то вызовов и не выдержала Речь Посполитая, разделенная более сильными соседями. Беларусь вместе с Россией, очутившись за пределами центра мировой капиталистической системы, попали в волну лишь вторичной модернизации. Поэтому вопрос о слабости их промышленности есть по сути вопрос, почему капиталистическое сердце Европы оказалось не в восточной, а в западной части? Учитывая природно-географические и пространственные особенности западноевропейского и восточноевропейского регионов, логично обратиться к миру городов и городского напряжения, необходимого для развития капиталистического предпринимательства. Белорусские города располагались восточнее европейских поясов городов, мировых городов, вдали от Атлантики и мировых торговых путей. Количество городов, численность городского населения, близость их друг к другу, определявшая плотность городской сети существенно уступали западноевропейским. Такие города не мог-

ли обеспечить быстрой и опережающей капиталистической модернизации.

В белорусских губерниях городского населения в сравнении с сельским было крайне немного, в среднем около 12%. По сути дела только на рубеже XIX – XX в. были достигнуты упомянутые выше, пресловутые 10%, создающие достаточный эффект «городского напряжения» для модернизационных изменений. Они-то и стали происходить. В 1911 г. в Витебской губернии городское население составило 18,5%; в Гродненской – 12,3%; в Минской – 9,7%; в Могилевской – 8%. Это были типичные показатели для Российской империи. По данным статистического ежегодника России за 1911 г. городское население России составляло 13,7%, сельское – 86,3%. По Европейской России, куда относились белорусские губернии, эти показатели составили 13,1 и 86,9% соответственно, по Привисленским губерниям, куда относились Польша и Прибалтика – 23,3 и 76,7%, по Сибири – 12 и 88%. Из 99 губерний и областей Российской империи только в 14 городское население составляло более 20%. Это существенно отличало все еще аграрную Россию от ряда промышленно развитых стран Запада. Например, в Англии городское население составляло уже 78%, в Норвегии – 72%. В Германии – 56,1%, в США – 41,5%, во Франции – 41,2% [38, с. 34–36, 61].

В начале XX в. города было принято делить на четыре основные группы: 1) города-села с менее 5 тыс. жителей; 2) малые города (5–20 тыс.); 3) средние (20–100 тыс.); 4) большие (более 100 тыс.). В начале XX в. во всей Российской империи насчитывалось всего 22 больших города, из них только два: Петербург и Москва с более чем миллионным населением. Среднестатистическим считался средний город. Средняя людность города определялась, например, в 1910 г. в количестве 24,9 тыс. жителей [119, с. 287–289]. В Беларуси только губернские центры и некоторые города (Полоцк, Брест, Пинск, Бобруйск, Гомель и др.) достигли этих показателей. А ведь именно такая численность 20–25 тыс. человек является основой для модернизации.

Самой серьезной проблемой для городов оставались огромные расстояния между ними. С эпохи средних веков в Западной Европе

сеть городов росла и густела. Если в середине XIX в. среднее расстояние между европейскими городами было от 10 до 28 км, то в начале XX в. уже от 8 до 15 км, в Италии и Англии – 10 км. При такой сети любое сельское поселение оказывалось от города в 10 – 15 км, что составляло день нормального пешего пути. Город был доступен для любого крестьянина, который мог прийти туда и торговать продуктами своего нехитрого труда. Другое дело расстояния на необъятных просторах России. В Европейской России (без Польши и Финляндии) в 1857 г. среднее расстояние между ближайшими городами составило 87 км, в Сибири – 516 км, в 1914 г. соответственно 83 и 495 км. Один из российских статистиков А. Бушен писал по этому поводу: «При такой редкости поселений нетрудно объяснить себе весьма неутешительный факт русского экономического быта – дурное состояние путей и в особенности второстепенных проселочных дорог, дороговизну сообщений и вследствие этого несовершенство сельского хозяйства и промыслов вообще. Большие расстояния затрудняют поддержку путей сообщения, даже там, где они устроены, заставляют мужика пренебрегать лучшим сбытом своих произведений на рынках, которые от него слишком далеко. Таким образом, главное условие для экономического успеха – быстрота сообщений и обмена – в России пока находит коренное препятствие в рассеянности ее населения» [119, с. 286].

Собственно это и есть описание экономического пространства, периферийного для центра мировой капиталистической системы. Пространство – весьма серьезный аргумент объяснения. По словам Ф. Броделя, оно «затрагивает разом все реальности истории, имеющие территориальную протяженность: государства, общества, культуры, экономики» [75, с. 1]. Ф. Бродель попытался конкретизировать специфику того пространства, где располагались белорусские земли. В отличие от мировой экономики, которая простирается на всем земном шаре, является рынком всего мира, Бродель ввел понятие мир-экономика, понимая под ним экономически самостоятельную территорию, которой ее внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство [75, с. 2]. Единство мира-экономики достигается не единообразием, а иерархией частных

экономик: богатых и бедных, центральных и периферийных. Разность потенциалов между ними и составляет то международное разделение труда, которое обеспечивает функционирование и мира-экономики и мировой экономики в целом. Но есть еще понятие границ мира-экономики. По мнению Ф. Броделя, общим правилом границ миров-экономик является то, что они «предстают как зоны мало оживленные, инертные». Такое положение усугублялось труднопреодолимыми природными преградами: горными грядами, пустынями. Пересекать такую границу как с той, так и с другой стороны «было выгодно с экономической точки зрения лишь в исключительных случаях». В основном потеря на обменах превышала прибыль [75, с. 6]. Четко определить миры-экономики, если их границы не обозначены природой, практически невозможно. Их территории подвижны, а границы не ясны, все зависит от конкретной экономической конъюнктуры. Интересно, что белорусские земли в начальный период новой истории попадали либо в периферию европейского мира-экономики, либо в пограничье между европейской и российской мирами-экономиками, что по сути было одним и тем же. Ф. Бродель писал, что в XVII в. восточная граница европейского мира-экономики проходила на востоке Польши; она исключала из него обширную Московию. Последняя была для европейца краем света [75, с. 7]. Сохранилось множество описаний неосвоенного российского пространства, дикой природы которого будь-то лесной, болотистой или степной и пустынной еще не касалась рука человека. Страна непроходимая – таково впечатление одного испанца, который, предаваясь воспоминаниям о путешествии из Вильно в Москву через Смоленск около 1680 г., утверждал, будто «вся Московия – сплошной лес» [75, с. 7]. Европейца, привыкшего к обустроенному уюту своего малого пространства, это пугало и манило одновременно. С одной стороны, он укреплялся во мнении о своем превосходстве над варварами, с другой стороны, чувствовал мощь и силу этих варваров, питаемую не привычными для него деньгами, машинами и прочими атрибутами цивилизации, а чем-то принципиально иным: природным и духовным.

С включением в XIX в. в пространство российского мира-экономики белорусские земли первоначально очень медленно, во второй половине XX в. в результате мощного индустриального рывка, вышли на авансцену советской экономики, став ее сборочным цехом. Для Беларуси географией предопределено быть либо на востоке Западной Европы, либо на западе евразийской экономики. С точки зрения географии это может быть простой игрой слов, с точки зрения экономики и политики разница существенна. Восточное положение закрепляет периферийность, западное открывает возможности для развития и роста, но при условии развития и западного и евразийского миров-экономик.

Но вернемся к огромным расстояниям российского мира-экономики. Важно еще раз представить себе их масштабы, порой становившиеся поистине враждебными для человека. Людям постоянно требовалось осваивать и обустривать свое пространство, в противном случае «пространство непрестанно брало реванш, навязывая возобновление первоначальных усилий» [75, с. 7]. Существенной особенностью этого пространства была его удаленность от морей и мировых морских торговых путей. Россия с огромным трудом, в долгой череде войн со Швецией и Турцией пробивалась к вожделенным Балтийскому и Черному морям. Польшу же ее блистательный портовый Гданьск, как его называли «зеница ока Польши», буквально переkreшил в соответствии с требованиями европейского рыночного спроса. Получилось, что не государство использовало город в своих экономических интересах, а город подчинил себе государство и страну. Подобным образом урожаи белорусской деревни после Ливонской войны стала выкачивать Рига [131, с. 62–63]. В таких условиях и белорусские и российские города вынуждены были довольствоваться сухопутными и речными путями, завязывавшими вокруг себя лишь локальные и региональные рынки. Ф. Бродель писал: «На суше и вдоль течения рек столетиями и столетиями организовывались цепочки локальных и региональных рынков. Судьба такой локальной экономики, функционировавшей сама собой сообразно своим рутинным приемам, заключалась в том, чтобы периодически бывать объектом интеграции, приведения к «ра-

зумному» порядку, к выгоде какой-то одной господствующей зоны, какого-то одного господствующего города. И длилось это столетие или два, пока не появлялся новый «организатор»» [75, с. 17].

Но, в конце концов, дело заключалось не в организаторе. Он мог и вовсе не появиться. Дело заключалось в естественной необходимости по-своему формировать свое пространство, исходя из собственных условий и цивилизационно-культурных представлений, которые не могли не появиться в течение столетий такого общественно-природного взаимодействия. Вполне объяснимо, что здесь уже множество общественных институций не соответствовали формам западной капиталистической цивилизации. Подчеркнем, не соответствовали регионально, а не стадияльно. Как заметил Ф. Бродель по поводу России, она «не была жертвой ни поведения, которое она бы избрала сознательно, ни решительного исключения, пришедшего извне. Она имела единственно тенденцию организоваться в стороне от Европы, как самостоятельный мир-экономика со своей собственной сетью связей» [75, с. 482]. И еще один показательный отрывок из Броделя: «... ясно, что в противоположность тому, что произошло в Польше, ревнивая и предусмотрительная царская власть в конечном счете сохранила самостоятельную торговую жизнь, которая охватывала всю территорию, и участвовала в ее экономическом развитии» [75, с. 485].

На западе Российской империи, в том числе в белорусских губерниях, проблему больших расстояний между городами определенным образом «решали» местечки, взяв на себя функции соединительных звеньев между селами и городами в оформлении локальных рынков. Но это было решение скорее транспортных и торговых проблем, но отнюдь не проблем капиталистического предпринимательства.

Среднестатистический российский и белорусский город так и не стал к началу XX в. капиталистическим индустриальным городом. Он не смог оттянуть на себя преобладающую массу промышленности. Так большинство ремесленников Беларуси (около 63%) были местечковыми (в Гродненской губернии 59%, Витебской – 62%, Минской – 69%) и только 37% – это городские ремесленники [71,

с. 57]. Не стали достоянием города и мануфактуры, среди которых преобладали вотчинные. Сначала по их количеству лидировала Могилевская губерния, на рубеже XIX – XX вв. – Минская. Даже фабричное производство находило себе первоначальный приют отнюдь не в городах. Показательно, что первые паровые машины в Беларуси были установлены в 1825–1827 гг. на суконных предприятиях в местечках Коссово Слонимского уезда и Хомск Кобринского уезда.

Сложнейшее металлургическое производство, требовавшее значительных сырьевых и людских ресурсов, тоже начинало развиваться на селе. Металлообрабатывающая промышленность лидировала в 1860 г. по количеству всех фабричных рабочих (43%, 1326 чел.). На крупнейшем белорусском заводе в селе Старинка в 1853–1863 гг. работало от 700 до 900 человек. Под стать ему были заводы в Борисовщине и Налибоках. В 1850-е гг. на всех трех заводах были установлены пудлинговые (доменные) печи, заменившие старинный кричный способ получения железа в мелких руднях. На них уже производились паровые машины. Заводы принадлежали помещикам, работали на них крепостные крестьяне. Отмена крепостного права серьезно подорвала их трудовые ресурсы. Старинковский завод вообще был закрыт в 1867 г. [71, с. 76–77].

Второе место по оснащенности паровыми машинами после металлообработки занимало винокурение – самая распространенная отрасль белорусской промышленности. В 1900 г. во всей фабричной промышленности Беларуси винокурению принадлежало 72 % паровых двигателей, 54 % их мощности, 29% всех рабочих и 69% суммы производства [71, с. 78]. Основная масса винокурен тоже находилась в селах по причине долго действовавшего феодального принципа пропинации, в соответствии с которым только крупный землевладелец имел право на производство алкогольных напитков.

Самыми технически оснащенными были признаны три белорусские фабрики, опять-таки сельские: Добрушская бумажная фабрика в Могилевской губернии, и суконные фабрики в Альбертине (Гродненская губерния) и Поречье (Минская губерния) [87, с. 201].

По данным М.Ф. Болбаса, в начале пореформенного периода промышленность Беларуси размещалась преимущественно вне го-

родов (87%). Только на предприятиях Минска, Могилева, Бреста сумма производства была большей, чем в их уездах. За 40 пореформенных лет сумма произведенного городской промышленностью выросла в 34 раза, сельской только в 14,5 раза. Тем не менее, в 1900 г. в городах производился всего 31% всей промышленной продукции [71, с.112]. Как писал В.И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России»: «... фабричная промышленность имеет, по-видимому, тенденцию с особенной быстротой распространяться вне городов; – создавать новые фабричные центры и быстрее толкать их вперед, чем городские; – забираться в глубь деревенских захолустьев, оторванных, казалось бы, от мира крупных капиталистических предприятий. Это в высшей степени важное обстоятельство показывает нам, с какой быстротой крупная машинная индустрия преобразует общественно-экономические отношения» [110, с. 523].

Низкий уровень развития городской промышленности Беларуси, не соответствующий реальным возможностям, отмечали и современники. А. Киркор, писавший для географической серии «Живописная Россия», изданной в 1882 г., свидетельствовал, например, что в Гродно «торговые и промышленные обороты не соответствуют тому значению, которое должен бы иметь город по своему географическому положению». «Брест в торговом отношении мог бы иметь громадное значение» [94, с. 194]. В «Памятной книжке Минской губернии» за 1878 г. отмечалось, что в Минске «крупных оптовых торговцев нет. В торгово-промышленном отношении Минск уступает первенство Пинску и другим из своих городов» [43, с. 8].

И промышленность и города остро нуждались в транспортной инфраструктуре. В 1870-е гг. развернулось интенсивное железнодорожное строительство, медленнее шло освоение водных путей. Толчок, данный дорогами развитию промышленности, был вполне сопоставимым, если даже не более существенным, с отменой крепостного права. Как тогда говорили: «Капитализм приехал в Россию по железной дороге». Железные дороги и каналы, соединившие речные системы, стали кровеносными артериями промышленного организма, по которым перемещались необходимые материалы и готовая продукция. К 1900 г. 80% всех белорусских рабо-

чих и 77% суммы производства белорусской металлообрабатывающей отрасли были сосредоточены в 23 железнодорожных мастерских, располагавшихся в городах [71, с. 77]. С.Ю. Витте, бывший при российском императоре Александре III министром путей сообщения, отмечал, что в конце XIX в. «железнодорожная промышленность развивалась гораздо быстрее, нежели общий экономический подъем страны» [82, с. 65].

П. Семёнов в «Живописной России» так писал о роли транспортных путей в Литовском Полесье, включавшем Виленскую, Ковенскую и Гродненскую губернию: «Благодаря прорезавшим Литовскую область в разных направлениях и пересекшим прежние водные пути железным дорогам, вся область покрылась превосходною сетью удобных торговых сообщений. Это обстоятельство дает Литовской области такое выгодное транзитное положение между Востоком и Западом, какого она никогда не имела» [94, с. 232]. В отношении Белорусского Полесья, к которому были отнесены Минская, Могилевская, Витебская и Смоленская губернии, он также отмечал: «Проведение прекрасной сети железных дорог еще более подняло экономическое благосостояние страны и крепко связало ее в ее экономических интересах с остальными частями России» [94, с. 490]. Это залог будущего развития. По словам П.Семёнова, «... для Белорусской области наступит лучшее время и, несмотря на скудость своей почвы, обделенность дарами природы, Белорусская область займет в своей родной русской земле принадлежащее ей по праву происхождения место не между ее пасынками, а между родными ее сынами» [94, с. 490].

А пока на рубеже XIX–XX вв. капиталистическая модернизация лишь начиналась. Ее главным двигателем в условиях Российской империи стал отнюдь не город, а государство, решавшее многочисленные экономические задачи. Под воздействием государственной экономической политики раннеиндустриальный город накапливал в себе необходимый эффект напряжения.

Глава 3. Индустриальный облик Минска к началу XX в.

*Красуйся Минск, цветы, моя столица,
В глуби Европы милый уголок!
Здесь рада всем старинная земляца,
Где путь лежит на Запад и Восток.*
Н. Стах

Есть столицы, которые создавались по приказу: Санкт-Петербург, Вашингтон, Оттава, Канберра, Бразилиа и др. Но большинство столиц мира выростали до столичного статуса в течение длительного времени. К последним относится и Минск, на протяжении своей долгой истории занимавший видное место среди белорусских городов. Впервые упомянутый в летописи в 1067 г. как рубежный город Полоцкого княжества, ставший местом битвы между киевскими и полоцким князьями, Минск вскоре становится центром самостоятельного княжества. Не всегда ясны вассальные обязательства и статус Минщины в Великом княжестве Литовском. В основном Минское княжество было уделом, принадлежавшим Гедиминовичам. В грамоте великого князя Литовского Казимира от 1447 г. перечислялись 15 «лучших» городов, среди которых был назван и Минск. Численность «лучших» городов превосходила численность средних, которые тогда насчитывали 1,5–3 тысячи жителей [145, с. 118]. В 1499 г. Минск получил Магдебургское право. В 1566 г. было образовано Минское воеводство и Минск получил статус воеводского города. В этом качестве он пребывал в составе Речи Посполитой. В 1793 г. российская императрица Екатерина II своим указом на «новоприобретенных землях», отошедших после разделов Речи Посполитой, учредила Минскую губернию. Вплоть до 1917 г. Минск являлся губернским городом, а также центром одноименного уезда Российской империи.

Заметной была экономическая роль Минска. Неслучайно, согласно одной из версий название Минск происходит от слова «мена». Возможно, город вырос вокруг менового пункта (торгового рынка). По мнению известного белорусского археолога

Г.В.Штыхова название Минску дала река Менка, впадающая в Птичь недалеко от современного города Дзержинска. Археологи обнаружили там древнее поселение. С точки зрения Э.М.Загоруйского Менкой или подобным названием, но с корнем «мен», именовалась маленькая, давно исчезнувшая речка, впадавшая в Свислочь. Как бы то ни было, но та или другая река свое название, вероятно, получила от торговли, шедшей на ее берегах. Скорее всего город был одной из торгово-перевалочных баз в цепи древнерусских городов на торговом пути «из варяг в греки». Воды Свислочи и других малых рек бороздили весельные и парусные суда. Чего только не доставляли они для торговли-«мены». Из древнерусских княжеств везли меха, мед, другие продукты леса, рыбу. Византийские купцы выставляли на продажу сукно, шелк, пряности, сушеные фрукты, вино, стекло, ковры, гвозди, оружие. Дух предпринимательства издревле был в этих местах.

С упадком известного торгового пути сворачивается и торгово-экономическая жизнь Минска. Историкам пока не доступны письменные свидетельства экономической деятельности города вплоть до XV в. Но о высоком уровне ремесленного мастерства говорят памятники материальной культуры. В XV–XVII вв. Минск в качестве торгового города вновь всплывает из небытия. Акт о предоставлении Минску Магдебургского права от 14 марта 1499 г. содержал специальную статью о правилах торговли. Об экономическом положении городов в Великом княжестве Литовском можно судить по размеру выплачивавшегося в государственную казну налога. В 1551 г. высшая ставка составляла более 100 коп денег. Ее платили Минск, Брест, Витебск, Могилев, Пинск [145, с. 119]. В документе 1488 г. сообщается, что «... один из минских купцов некто Лука Терешкович на речных судах, вмещавших от 36 до 54 тонн груза, возил свои товары в города, расположенные на Березине, Днепре, Припяти и их притоках» [84, с. 138]. В XVII в. Минск считался крупным торговым центром. Он располагался на пересечении чуть ли не 15 сухопутных торговых путей: среди которых выделялись Логойский, Виленский, Слуцкий, Борисовский и другие тракты. Более того Минск был речным портом [84, с. 136]. И это при об-

шем упадке городской торговли на фоне роста вывоза зерна из аграрной периферии капиталистической Европы.

Долгое время представление о Минске, как о портовом городе, считалось легендой, пока этому не стали находить архивные подтверждения. Документ 1633 г. упоминает «порт на реке Свислочи, с давних пор им (минским мещанам) служащий». По свидетельствам Р. Борового район улицы Торговой предположительно «являлся основным звеном в речной торговле древнего Минска». Таким образом улица Торговая являлась «портовой улицей». В те времена улица находилась в предместье Лавы на правом берегу Свислочи и доходила до современного ресторанного комплекса «Журавинка». Реальность этого порта подтверждается и таким косвенным фактом. Еще во второй половине XIX в. в этом месте располагались причалы для лодок, причем не только прогулочных, но и пришедших с разными грузами с низовий Свислочи. В 1820-е гг. был разработан инженерный проект, который позволил бы сделать Свислочь судоходной на протяжении более чем 130 км. Но он не был реализован. Нетрудно представить, что за век или полтора до этого Свислочь была более полноводной и в Минский порт свободно заходили груженые товаром купеческие струги. Из Русского государства они везли дорогие меха, более простые овчины, кожаные изделия. Не редкостью были восточные товары: пряности, вино, шелка. Из Западной Европы шли металлы, сукно, пиво [84, с. 137–139]. Минск снискал известность и в широко распространенной ярмарочной торговле. Ярмарки / кирмаши – это форма организации сезонной временной торговли. Некоторые из ярмарок длились в течение нескольких недель в году. К концу XVIII в. минская майская ярмарка относилась к числу самых крупных, наряду с ярмарками в Шклове, Бешенковичах, Зельве и Островно [145, с.170].

С XVI в. появляются первые документальные свидетельства о ремесленных цехах Минска. Безусловно, ремесленники и раньше играли существенную роль в экономике города и составляли значительную часть его мещанства – городского сословия. Но именно в XVI в. с началом структурирования европейской капиталистической экономики в аграрных странах появилась необходимость го-

сударственной организации крестьянского и ремесленного труда. Крестьян привязывали к земле с помощью крепостного права, ремесленников объединяли в цеховой организации. Как писал Ф. Бродель: «В Польше, в Венгрии, в Чехии «вторичное закрепощение» действительно возникло к выгоде сеньоров и магнатов, которые с того времени стали между крестьянином и рынком и господствовали даже над снабжением городов, в тех случаях, когда последние не были попросту их личной собственностью. В России главным действующим лицом было государство» [75, с. 486]. И в Польше, и в России магнаты и государство пытались встать между непосредственным производителем и рынком, защитить крестьянина и ремесленника от рынка и капитализма, выступая в роли посредника. Но именно такое посредничество в виде крепостного права и цеховой организации соответствовало тенденциям капиталистического развития, привязывая аграрную периферию к финансовому и индустриальному центру. Если на западе Европы капитализм уже безжалостно рвал узы сеньориального порядка, то на востоке Европы именно капитализм их завязывал. Капитализм тогда был представлен прежде всего торговым капиталом купцов.

Ремесленные цехи в Западной Европе получили развитие с XII по XV вв. В XV в. великая пора цехов уже миновала. Но упорно сохранялись их пережитки, например, в Германии. Во Франции всплеск развития цехов в XVII в. соответствовал желанию монархии, озабоченной единообразием, контролем и более всего налогообложением [74, с. 310]. Не без влияния Магдебургского права, пришедшего из Германии, а в большей степени по причине географического соседства примеры именно немецкого цехового устройства и некоторые названия переходили к белорусским цехам. Даже само понятие «цех» пришло от немецкого *zече, zeichen, zünfte*, что означает и знак, и стяг, и цех.

Устройство цехов было однотипным. В цех, как правило, входили мастера одной или нескольких смежных профессий. Мастера – владельцы ремесленных мастерских – ежегодно избирали старшину-цехмистра и казначея. Слово «мастер» тоже скорее всего пришло из немецкого языка. В немецком же оно происходит от латинского

magister – учитель, педагог, наставник. Так в Древнем Риме называли опытных учителей-наставников, которые передавали свои знания и опыт ученикам. В средние века в соответствии с Магдебургским правом магистратами называли органы городского самоуправления. Слово «магистр» перешло в науку, став обозначением владельца научной степени. Немецкое слово «мастер / мейстер» в белорусском языке трансформировалось в слово «майстра». В представлении людей мастер – это специалист, профессионал, достигший высот в своей профессиональной области. Мастер цеха имел право нанимать подмастерьев – «товарищей», «челядников». У мастера в обучении могли находиться ученики – «хлопцы». Формально каждый подмастерье мог стать мастером. Для этого нужно было несколько лет отработать на мастера, затем пройти двухлетнюю или полуторогодовую стажировку в других городах (так называемую вандроўку). После этого в цех представлялось образцовое изделие своего ремесла: во французской цеховой практике это называлось «шедевром», в белорусской – «зрабить штуку» – показать искусство. Также подмастерье организовывал для членов цеха пирушку-братчину и вносил денежный залог. После этого можно было получить свидетельство мастера и приобретать собственную мастерскую... если оставались средства. В реальности все это было под силу сыновьям и другим родственникам богатых мастеров. «Простого стана человеку», честно отработавшему подмастерьем, скопить необходимую сумму было практически невозможно. В цехах всегда существовало имущественное неравенство.

Мастера преимущественно работали на заказ, но также выходили и на рынок, торговали в розницу в собственных лавочках и на ярмарках – кирмашах. Цех строго регламентировал закупку сырья, объем производства, качество изделий, применяемые технологии. Не допускались никакие единоличные инновации, изменения могли быть введены только общим постановлением цеха. Цехи беспощадно преследовали внецеховых мастеров – «портачей». Но последние только множились, находя приют во дворах магнатов и шляхты. Их изделия, изготовленные не по правилам, а исходя из опыта и смекалки, порой были качественнее и дешевле цеховых товаров.

Цехи имели в своем распоряжении приходские церкви. В них они проводили общие цеховые собрания и пиры – «братчины». В каменных церковных подвалах хранились цеховые документы, символы, ценные инструменты, сырье, готовые изделия, что было безопаснее, чем в деревянных домах, наиболее распространенных в тогдашних городах. Цех имел свою символику, прежде всего хоругвь, так как в городском ополчении составлял особый отряд – хоругвь. Хоругви подчас становились настоящими произведениями искусства. В них на ярком фоне стремились запечатлеть и святых – покровителей ремесла, и характерные инструменты, ставшие символами цеха. Хоругви являлись предметом особой гордости цеха, их выносили на торжественные мероприятия и хранили с особым тщанием. Ремесленники одного цеха старались селиться рядом друг с другом, в одном районе города, еще лучше на одной улице. От этого соседства в наследство городам достались соответствующие профессиям названия улиц: Кузнечная, Пушкарская, Каретная, Обойная и мн. др.

Первым письменным свидетельством о цеховой организации Минска считается привилей от 16 июля 1569 г. В нем отмечается: «а кождый ремесник в месте нашем тамошним менском мешкаюим ижъ бы в цех уписавши ся робил». Принципы цеховой организации и управления в привилее не расписаны, не встречаются понятия мастеров, подмастерьев и др., но сказано о старосте цеха: «на каждое ремесло старост обравшим, абы кождый ... от сего часу в цех уписавши ся робил» [142, с. 7]. Даже по двум приведенным отрывкам видно, как составители привилея подчеркивают обязательность для каждого ремесленника вступления в цех и принадлежности к нему без каких-либо исключений.

Одним из первых документов на основании конкретных цехов в Минске является привилей от 2 декабря 1591 г. Он был утвержден и подписан именем войта минского Григория Тарлецкого, а также бурмистрами Лукашем Пашкевичем, Иваном Бабурским в присутствии бурмистров, радцев и лавников «старой рады места Менскага». Согласно привилею в Минске был основан цех восьми ремесел, связанных с металлообработкой: кузнецов, котляров, слесарей, спе-

циалистов по выработке конской сбруи, пушкарей, мечников, ножевщиков и «з-за малой лічбы містроў у месце» злотников (золотых дел мастеров). Указанным привилеем был утвержден устав этого знатного и уважаемого цеха. Также цех и устав были подтверждены королевским привилеем от 20 ноября 1592 г. по просьбе делегированных от минских металлистов на сейм в Варшаву злотников Павла Михайловича Кнезиковича, Станислава Ростковича и слесаря Михаила Савицкого. Это еще раз подчеркивает высокий статус в ремесленной, да и городской иерархии профессий, связанных с металлообработкой. В соответствии со специальным королевским документом цех получил разрешение иметь свою печать, хоругвь, бубен (барaban) и оружие, необходимое для обороны города. У цеха был цеховой дом, где все это хранилось, проводились цеховые собрания. Дом был освобожден от постоев войск, депутатов, судей, воевод [142, с. 11].

Возможно вторым, провозглашенным по такой же процедуре цехом, был цех портных. 10 декабря 1591 г. его устав был одобрен на заседании минского магистрата, «на врадзе ратушу менскага». В привилее от 20 ноября 1592 г. говорилось, что к королю Сигизмунду III Вазе обратились мастера портновского ремесла Томаш и Стефан Василевичи, Яков Лукьянович Слинкович, Юда Дурнякович и Павел Иванович с просьбой подтвердить принятый ранее устав их цеха [142, с. 27].

Так же поступали и ремесленники других профессий. К концу XVI в. было известно до 200 ремесленных профессий. В крупных городах их насчитывалось до 50. Время от времени цехи проходили очередные процедуры подтверждения их существования, документации и регалий. То было время взлета ремесленничества и цеховой организации. Других промышленных укладов на белорусских землях не существовало. Не была всесильной и вездесущей торговля. Хотя верхушку городского общества и составляли купцы, тоже объединенные в свои организации – гильдии / братства, имевшие монополию на оптовую торговлю. Следом за ними в городской иерархии шли мастера-ремесленники, которые обладали довольно высоким статусом в городе. Значительными были поступления от цехов

в городскую казну для выплаты городского налога. Минск выплачивал городской налог по самой высокой ставке.

Однако экономические условия в Речи Посполитой были далеко не безоблачными. В стране и городах царила сложная криминальная обстановка. Бесчинствовали воры, грабители, попрошайки разных мастей, тоже объединенные в свои «цеховые» организации. Не отставали от грабителей – лупежников (от польского слова «луп» – нажива от грабежа) вооруженные отряды шляхты. Они нападали на ремесленные мастерские и склады, порой даже разбивали целые купеческие обозы, вступая в сражения с вооруженной купеческой охраной. В Речи Посполитой, в отличие от других стран, в том числе России, систематической борьбы с разбоем на государственном уровне не велось.

Разрушительное влияние на экономику оказывали многочисленные внутренние и внешние войны, в которых регулярно участвовала Речь Посполитая. Особенно тяжелыми для городов стали казачья война 1648–1651 гг. и русско-польская война 1654–1667 гг. По подсчетам некоторых авторов, в Беларуси погибла едва ли не половина населения [145, с. 147]. Деревни и города опустели. Вслед за выходом русских войск торгово-ремесленное население многих белорусских городов, как добровольно, так и принудительно, переселялось в Россию. В 1656 г. доверенные лица московских властей начали вербовку мастеров оружейных дел Минска для переезда в Москву. В 1667 г. суздалец Петр Болотников был направлен в Минск для закупки пищалей и вербовки мастеров оружейных дел для русского царя [115, с. 55, 56]. В Москве и ряде русских городов появились целые мещанские слободы, населенные белорусами. Лишившаяся городских доходов польская корона и частные владельцы городов – магнаты, стали в массовом порядке заселять белорусские города еврейскими общинами – кагалами, которым разрешалось заниматься ремеслом и торговлей. Вместе с восстановлением и ростом белорусских городов начал меняться их этнический облик.

Впервые на белорусских землях и в Минске евреи поселились в XIV в. по приглашению князей Великого княжества Литовского,

надеявшихся, что они возродят экономическую жизнь городов после опустошительных набегов татар. Началось движение евреев из Центральной и Восточной Европы и Польши на восток. В XV в. евреи часто становились откупщиками таможенных и других сборов в белорусских городах. Так, например, во второй половине XV в. во время правления Казимира Ягеллончика сбор таможенных пошлин в Минске был отдан на откуп трокскому еврею Михелю Данилевичу. В 1495 г. великий князь Литовский Александр изгнал евреев за пределы княжества, но ненадолго. Став в 1501 г. польским королем, он отменил свое решение, возвратив евреев. После этого движение евреев на восток «возобновилось с особой энергией» [134, с. 18]. В Минске после изгнания евреев питейные и таможенные откупа перешли в руки крещеного еврея Авраама Езофовича, после возвращения евреев выгодное дело было продолжено его братом Михелем. В середине XVI в. таможенные сборы Минска были переданы на откуп группе богатых брестских откупщиков-евреев. Так происходило потому, что минская еврейская община – кагал – входила в состав Брестского округа и соответственно подчинялась брестскому руководству [116].

В 1579 г. король Стефан Баторий предоставил евреям право торговли в Минске. В 1629 г. указом короля Сигизмунда III евреям было позволено владеть «съестными лавками и ларями». С 1631 г. еврейская община Минска входила в состав центрального органа еврейского самоуправления в Польше (ВААД). Король Владислав IV в 1633 г. значительно расширил существовавшие для евреев привилегии. Им позволили заниматься любой торговлей, покупать земли в центре города для жилых домов и магазинов, выделили территорию для нового еврейского кладбища [99].

Большую роль в жизни евреев Минска сыграла грамота короля Яна Собесского 1679 г., продиктованная стремлением восстановить город после разорительной войны. Согласно грамоте во владении евреев оставались каменные и деревянные дома, 10 лавок, 21 место в мясных рядах, 3 дома при молельне, баня и кладбище; предоставлялось право устраивать солодовни, винокурни, заводить лавки для продажи съестных припасов; заниматься различными ремесла-

ми, организовывать цехи, существующие цехи не должны притеснять евреев-ремесленников и взимать с них цеховых сборов; при раскладках с евреев можно взыскивать только в той пропорции, в какой участвуют другие мещане; по субботам и праздникам евреев нельзя вызывать в суд или разбирать их дела; резники могут покупать скот на рынке, на улицах, в домах и деревнях и свободно торговать как в ярмарочные дни, так и во всякое другое время. В грамоте строго предписывалось, чтобы городские власти охраняли евреев от преследований. В 1722 г. король Август II Сильный по просьбе минской еврейской общины подтвердил грамоту Яна Собесского и освободил общину от ряда платежей. Сохранилось несколько распоряжений королей и канцлеров XVIII в., из которых видно, как власти просили минских торговцев-евреев не покидать ярмарки, например, Мирскую, обещая им всяческую защиту, приказывали брестскому кагалу не притеснять минских купцов. Подобные государственные меры не могли не дать результатов. Экономическое значение и численность еврейской общины неуклонно росли. В 1766 г. в Минске насчитывалось 1322 налогоплательщика еврея [116]. По свидетельствам современников в Минске в 1760-е гг. существовало многочисленное «еврейское ремесленное братство». Евреи металлисты производили «молотом разную ремесленную работу, относящуюся к привилегированному слесарному и кузнечному цеху». Множество евреев работали золотых дел мастерами, ювелирами, жестянщиками, латунщиками и др. [137, с. 275].

В Российской империи указом от 23 июня 1794 г. на территории западных литовско-белорусских и части украинских губерний была учреждена черта еврейской оседлости. В ее пределах, т.е. в западных губерниях, разрешалось постоянное проживание еврейского населения. Исключение было сделано для купцов 1-й гильдии и лиц с высшим образованием. До 1844 г. сохранялось кагалное управление. Конечно, находилось множество лазеек, чтобы пройти сквозь черту оседлости. Евреи активно проникали в столичные города и города центральных губерний. Но основная масса, послушная закону, прочно осела там, где было предписано, в том числе в белорусских городах и местечках, и, конечно же, в Минске. Белорусский

город ощутил на себе перенаселенность еврейской беднотой, господство еврейской буржуазии, преобладание еврейских ремесленников.

В 1801 г. поверенный белорусских евреев-мастеровых возбудил ходатайство о разрешении им заниматься ремеслами во внутренних российских губерниях на общих основаниях, поскольку устав о цехах никого не устранил от ремесленного труда, «какого бы рода, веры и поколения он не был». Однако, разрешения не последовало [137, с. 275].

В работах 1860–1870-х гг. российские авторы отмечали, что «ремесла в западном крае находятся главным образом в руках евреев и не достигли цветущего положения». Исследователь Зеленский подчеркивал: «Мы не сделаем большой ошибки, если скажем, что 40–50% еврейского населения Минской губернии (в 1864 г. оно составляло 61 499 при общей численности населения 126 339 человек) занимается ремеслами» [92, с. 21]. Американский историк Саул Гинзбург, родившийся в Минске в 1866 г., писал в воспоминаниях о своем родном городе: «Торговля и ремесла сосредоточены были почти исключительно в руках евреев. Ремесленники почти все были евреи, и христиан, представителей этой профессии, можно было по пальцам перечесть; евреи же занимались всеми прочими отраслями физического труда» [99]. А.П. Субботин так вспоминал о посещении Минска: «Как только мы въехали в улицы города – с первого раза стало заметно, что еврейский элемент имеет здесь сильное преобладание, что все другие стушевываются перед ним. Вот четыре еврея усердно мостят улицу, сидя на корточках и укладывая булыжник, вот два еврея идут по дощатому тротуару и о чем-то оживленно рассуждают, сильно жестикулируя руками. На углу стоят три еврея и тоже ведут разговор, несомненно, деловой, несмотря на раннее утро; дальше группа еврейских мальчишек бежит в школу, причем у некоторых из кармана выглядывает скромный завтрак, состоящий обыкновенно из двух ломтиков черного хлеба, намазанных гусиным жиром. Вот строится дом, и перед вами необычное для жителей внутренней России явление: работают на постройке евреи, месят известку, кладут кирпичи, вон два еврея несут бревнышко. Все это

несколько не вяжется с составившимся у нас представлением о неспособности евреев к физическому труду. Идет старая еврейка с корзиной фруктов на продажу, другая загоняет во двор козу – любимое домашнее животное евреев, в чем они сходятся с бедными мещанами наших глухих русских городов; и те и другие держат козу, как животное дешевое и неприхотливое, которое само находит себе корм, притом же евреи пользуются козьим молоком, давая его своим киндерам, о которых очень заботятся и хлопочут... В Минске всего три русские лавки... Ремесленников неевреев здесь всего несколько человек...» [101, с. 55–56].

Преобладающее число еврейских ремесленников было необычайно бедным. «Из 10 еврейских ремесленников семейства 8 погружены в самую ужасающую нищету» [92, с. 21]. Такие жизненные условия во многом обуславливали низкое качество ремесленного производства. Ремесленник не мог приобрести необходимых инструментов и качественных материалов, торопился быстрее сбыть наскоро сделанный товар. А его покупателем являлся такой же бедный ремесленник, не имевший средств на покупку лучшего изделия. Получался замкнутый круг. Представители администрации в губерниях черты оседлости писали в докладах в столицу: «Весьма много отличных мастеров, произведения которых отличаются изяществом отделки и прочностью работы, но искусство этих мастеров остается почти бесплодным из-за большой конкуренции» [124]. Неоднократно отмечалась и такая немаловажная черта. По словам Афанасьева, «между ремесленниками-евреями нет ни пьяниц, ни буянов. Наблюдается кротость и мягкость в обращении мастеров с подчиненными» [86, с. 22].

В XIX в. численность ремесленников неуклонно росла. С исчезновением из обихода определенных вещей, например, некоторых предметов быта, видов оружия, военных доспехов, не выдержав конкуренции с фабричными товарами, уходили в небытие одни специальности, но при этом появлялись другие. На протяжении XIX в. насчитывалось около 100 ремесленных профессий [113, с. 122]. Ремесленники составляли большую часть мещанского сословия городов и местечек. В 1886 г. одна из комиссий Российской империи

определила, что в 15 губерниях черты оседлости проживают и работают 310 560 ремесленников-евреев. По данным всеобщей переписи населения 1897 г. число иудеев-ремесленников и иудеев, занятых в производстве в целом, составило 555 229 человек. 93% всех ремесленников-иудеев проживали в пределах черты оседлости, где они составляли около 80% от общего числа ремесленников. В официальных документах Российской империи отмечалось, что «этот класс составляет полезнейшее сословие между их единоверцами» [124]. Динамику численности ремесленников Минска можно увидеть в таблице № 3 приложения. Как видим, численность колеблется от 1,5 до 6 тыс. человек. Таковы были возможности и потребности города. При этом в 1897 г. численность еврейской общины Минска составляла 47 562 человека. Это была четвертая по численности еврейская община в пределах черты оседлости [99].

Ремесленники второй половины XIX в. оказались в принципиально новых условиях. Ремесленный уклад был теперь далеко не единственным. Начинается рост мануфактурной и фабрично-заводской промышленности, конкурировать с которой ремесленному производству приходилось все труднее.

Согласно статистическим подходам того времени, важнейшим признаком сравнительно крупного промышленного заведения, отличного от мелкой ремесленной мастерской, являлось наличие работников свыше 15 человек. В соответствии со статьей 32 устава фабричной и заводской промышленности Российской империи «содержатели заведений фабричных и заводских, обязаны доставлять ежегодно земским и городским полициям по приложенной по сем форме краткие сведения для предоставления губернаторам, которые собрав их, доставляют в первых числах января месяца министру финансов» [34, с. I]. Были четко расписаны формы отчетности, принципы отнесения промышленных заведений к фабрикам и заводам. В отношении фабрик, «на которых имеются машины», указывалось, что надо отмечать «какою силой действуют машины: парами, водою, ветром, лошадьми или каким другим движителем». «На ткацких фабриках надлежит показывать число станов, на шляпных число лучков, на стеклянных число печей, на кожевенных число

чанов и т.п.» [34, с. I]. Так формировался корпус статистических данных о промышленности. Редактор Центрального статистического комитета И. Бок отмечал: «Нельзя не удивляться той точности и подробности, с которой закон предписывал уже с начала нынешнего столетия при ничтожном еще в то время развитии промышленности фабричной и заводской, соби́рание статистических сведений о ней. К сожалению, исполнение этих требований, несмотря на продолжительную практику заводов, до крайности неудовлетворительно. Удовлетворительными представляются только сведения, собираемые о заводах и фабриках, обложенных акцизом или податью, для которых существуют особые, специальные формы записей» [34, с. II]. Статистика по белорусским губерниям не была исключением.

К середине XIX в. Минск разросся и похорошел. Поэт и краевед Владислав Сырокомля писал в 1857 г.: «Минск отличается аккуратностью и порядком. Улицы широкие и прямые, дома же не стиснуты между собою, воздух чистый. Камни и бревна домов покрашены одной белой краской, выглядят лучше, чем в Вильно, где пестрота колеров часто портит внешний вид даже самого красивого здания. На улицах нет толчеи, потому что всем здесь просторно, а здания наиболее важного значения не заслоняются другими и выступают во всем своем величии. Наконец Минск и до нынешнего времени почти наполовину каменный. Сосновые одно-, а временами и двухэтажные с кирпичными фундаментами дома стоят на главных улицах рядом с двухэтажными каменными» [102]. Ему вторил в своих воспоминаниях Саул Гинзбург: «Каменные дома составляли значительную часть общего числа строений и весьма редко превышали два этажа. Они сосредоточены были в центральной части города, находящейся на горе. В нижней же части лишь в виде редкого исключения среди деревянных домов и домишек попадалось каменное здание». При этом Гинзбург особо не восхищался красотой города. «Живописностью Минск похвастать не мог, – продолжал он, – лишь кое-где по спуску с горы, в части города прилегающей к реке, попадались красивые виды». Запомнились ему разные виды занятий «отдельных вероисповедных групп населения Минска. Православные преимущественно служили по разным ведомствам. Мещане –

частью русские, частью же поляки, проживавшие на окраинах города, занимались огородничеством, а то и земледелием. Промышленных заведений в годы моего детства в городе почти не было; существовали лишь несколько кожевенных заводов и пара табачных фабрик» [99].

Минск медленно и осторожно впускал в себя промышленность. Вплоть до 1870-х гг. его размеренную и спокойную городскую среду крайне редко тревожили фабричные постройки. В 1820 г. предприниматель Сагол основал завод сельскохозяйственного машиностроения. В 1880-е гг. на нем работало более 30-ти рабочих. В 1833 г. в Минске появился небольшой крупяной и мучной завод. Его владельцем был Гурвич. Даже через 60 лет после своего открытия он все еще обходился минимумом рабочих – меньше десяти. В 1835 г. заработала фабрика Каплана по крашению тканей. В 1895 г. на ней была установлена паровая машина. Число рабочих достигло 20-ти человек. К концу XIX в. Минск наполнился табачными фабриками. Вообще табак и свечи были негласной специализацией Минска в промышленной панораме белорусских городов. Первой из табачных фабрик была фабрика Б.В. Харлипа, открытая в 1845 г. Через 40 лет в 1885 г. она обзаведется паровой машиной. В 1885 г. на ней работало 109 рабочих. По числу рабочих эта табачная фабрика уступала только железнодорожным и вагоноремонтным мастерским. Она выпускала курительный табак, сигары, папиросы, махорку. В 1850-е годы начинается предпринимательская деятельность известного минского фабриканта Х.Я. Дворжеца. В 1850 г. он основал типографию, в 1851 г. – фабрику по производству папиросных гильз. Оба предприятия оказались долгими и успешными, насчитывавшими к концу XIX в. более 70-ти рабочих. В 1895 г. в типографии была установлена паровая машина. В 1850 г. уже упоминавшийся фабрикант Каплан основал в Минске кирпичный завод. К концу века он вырос до крупного предприятия с числом работающих более 70-ти человек. В 1895 г. на нем был установлен паровой двигатель и впервые в городе печь Гофмана с 14 камерами. Практиковалось широкое разделение труда. Существовало около десятка специальностей: глиномятчики, формовщики, нагрузчики, обжигалы и др.

[71, с.258–264]. В соответствии с вышеприведенными данными можно посчитать, что в первой половине XIX в. за десятилетие в Минске появлялось не более 1–2-х промышленных предприятий. Такие вот низкие темпы за десятилетие.

В 1860-е годы темп существенно возрос. В 1860 г. Рипс открыл завод сельскохозяйственного машиностроения. На нем так и не было установлено парового двигателя. В 1863 г. заработали пивоваренный завод Фрумкина и каретное производство Лейбмана. В 1865 г. начали выпускать свою продукцию гончарно-кафельный завод А.Г. Будникова, мыловаренный завод Ш.И. Данишевского, спичечная фабрика С. Шапиро. Также Шапиро владел спичечной фабрикой в Лифляндской губернии, которая производила «безопасные зажигательные спички первого сорта». В 1866 г. в продажу поступили первые тетради фабрики Мунвиза. Согласно данным Статистического временника Российской империи в 1868 г. в Минске насчитывалось 18 предприятий фабрично-заводской промышленности, на которых было занято 37 рабочих и произведено в указанном году продукции на сумму 6 389 рублей [34, с. СХVII]. Все они относились к категории предприятий, не обложенных акцизом.

Промышленная динамика Минска существенно изменилась с приходом железных дорог. 28 ноября 1871 г. был введен в строй участок Смоленск – Минск – Брест Московско-Брестской железной дороги, в 1873 г. участок по Минской губернии Либаво-Роменской железной дороги. Обе железные дороги относились к дорогам общего назначения, построенным и эксплуатировавшимся казною. Западное направление определяло их геополитическое и военно-стратегическое значение. Центральное расположение Минска оказалось тем решающим обстоятельством, благодаря которому именно он стал местом пересечения двух крупнейших дорог. Белорусские губернии вышли на одно из первых мест среди других районов страны по густоте железнодорожной сети. Центром этой сети по праву стал Минск, что резко повысило его торгово-промышленное значение. По данным министерства путей сообщения в 1904 г. по всем железным дорогам европейской России было перевезено 4 523 000 000 пудов грузов, а по Либаво-Роменской и Московско-

Брестской в совокупности 416 400 000 пудов, что составило около 10 % [37, с. 7, 16].

Визитной карточкой капиталистического индустриального города являлись железнодорожные вокзалы. В Минске их было два: Виленский и Брестский. Здание первого привлекало красивой узорчатой кладкой из красного кирпича, башенками, галереями. Деревянное здание Брестского вокзала украшала двухэтажная башня.

Железнодорожный транспорт буквально всколыхнул торговое и индустриальное предпринимательство Минска. Только обслуживание железной дороги выросло в крупнейший индустриальный сектор города. В 1871 г. были открыты вагоноремонтные мастерские с паровым двигателем Либаво-Роменской железной дороги. В 1900 г. на них числилось 133 рабочих. В 1872 г. вошли в строй железнодорожные мастерские и депо Московско-Брестской дороги, также оснащенные паровыми машинами. К концу века в мастерских и депо в совокупности было занято 725 рабочих [71, с. 264]. Железнодорожники занимали верхние позиции в иерархии рабочего класса. Они считались одними из самых образованных, сознательных, дисциплинированных. Забастовки железнодорожников были самыми организованными и результативными, так как оказывали парализующее влияние на экономику больших регионов. Неслучайно первой забастовкой в Беларуси стала забастовка 300 рабочих Минских мастерских Московско-Брестской железной дороги в 1876 г. Крупные забастовки были здесь в 1895 и 1905 гг. Правительство проводило по отношению к железнодорожникам серьезную социальную политику. Они неплохо зарабатывали. Например, в 1911 г. в то время как минский заводской рабочий получал в среднем 15,2 рубля в месяц, то железнодорожники – не менее 32 рублей. Они имели льготы – отпуска, право на бесплатный проезд, на получение обмундирования, жилья. Многие из них проживали в благоустроенных деревянных домах с приусадебными участками в таких предместьях Минска, как Добрые Мысли, Уборки, в поселке Железнодорожном [149, с. 32].

Многие пишущие о Минске подчеркивали преобразующее значение железных дорог. А. Киркор в очерке о Белорусском Полесье

для серии «Живописная Россия» в 1882 г. писал о Минске так: «Минск с древнейших времен славился своею торговлею с Ганзейскими городами и с Восточной Русью. Московские купцы имели здесь свои торговые склады. Большое количество воска, меду, смолы, а также звериные кожи отправлялись отсюда за границу. В торгово-промышленном отношении Минск и по сие время имеет свое значение. В недавнее еще время минские контракты с ярмаркою в мае месяце привлекали много местных помещиков и иногородних промышленников. С проведением линии железной дороги через Минск, соединившей его с центральными пунктами внутренней России, значение контрактов упало, но не менее того Минск, как главный город богатой и многолюдной губернии, не перестал быть довольно значительным» [94, с. 361].

В историческом очерке о Минске, представленном в многотомной серии «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под редакцией В.П. Семёнова, отмечалось, что «Минск – торговый и довольно богатый город. Лежит он на перекрестке двух железных дорог – Московско-Брестской и Либаво-Роменской – и ведет главным образом отпускную торговлю, причем вся торговля сосредоточена на отправке хлеба и лесных материалов по железной дороге. По обеим дорогам отправляется строевой и поделочный лес и дрова в южные города России, преимущественно в Кременчуг, Екатеринослав и Одессу, а также на Либаву и Варшаву. Хлеб же идет через Минск на Либаву для дальнейшего следования на заграничные рынки. В последние годы, особенно со времени заключения трактата с Германией (1893 г.) транспортное движение пассажиров и грузов значительно повысилось на Московско-Брестской железной дороге благодаря скорым поездам между Москвой и Берлином и Веной через Минск. В Москву по этим дорогам через Минск идут металлические изделия, химические товары, различные сорта пряжи, ткани и прочее. Фабрично-заводская промышленность Минска также значительно возросла» [117, с. 34].

К концу XIX в. Минск стал самым многочисленным городом на белорусских землях. В 1897 г. численность его населения составила 91,5 тыс. человек (из них православных 21 тыс., католиков 15 тыс.,

евреев 50 тыс.) [117, с. 29]. В 1911 г. в Минске проживало 110,9 тыс. человек [38, с. 36]. Город уверенно становился промышленным центром белорусско-литовских губерний. Его окраины представляли собой причудливую смесь раскинувшихся вширь огородов и взмывшихся вверх заводских труб. Типичным примером был уже вполне фабричный район – Нижняя Ляховка. По подсчетам М.Ф. Болбаса к 1900 г. в Минске действовало 108 промышленных предприятий фабрично-заводского и мануфактурного типа [71, с. 258–264]. Учитывая, что за 70 лет XIX в. появилось всего 14 предприятий, остальные 94, открытые в последней трети XIX в., – это прямое следствие организующего воздействия железнодорожного транспорта.

В основном это была промышленность местного значения. Она специализировалась на переработке местного сырья: сельскохозяйственных продуктов, минеральных ископаемых, древесины. Продукция этой промышленности преимущественно поставлялась на местные рынки. Масштабы производства и по числу занятых, и по количеству произведенной продукции в натуральном и денежном выражении были небольшими. Превращаясь в промышленный центр белорусских земель, Минск никак не мог соперничать с крупными российскими индустриальными центрами, и уж тем более с мировыми.

Согласно классификационным принципам статистики того времени, утвержденным Венской сессией международного статистического конгресса, фабричное производство подразделялось на 8 групп: 1) машины, орудия, средства для перевозки и инструменты; 2) произведения из неметаллических минералов; 3) металлы и металлические изделия; 4) химическое производство; 5) питательные вещества и прочие съестные припасы; 6) пряжа, ткацкие, вышитые и прочие материалы и изделия из них; 7) произведения из прочих органических веществ; 8) произведения для построек и художественные ремесла. Каждая группа еще подразделялась на классы (34) [34, с. XXII]. В Минске не было разве что химического и прядильно-ткацкого производства. Хотя была фабрика Каплана по крашению тканей, возможно соответствующая и той и другой группе. Ос-

тальные 6 групп были представлены. Трудно определить однозначно лидирующую отрасль, так как можно выделить разные критерии оценки: количество предприятий, число рабочих занятых на них, наличие паровых машин и их мощность, объем производства в натуральном выражении, сумма продаж и т. д. Самыми крупными по количеству рабочих в Минске были железнодорожные, вагоноремонтные мастерские и депо. На всех остальных предприятиях трудилось от одного до нескольких десятков человек. Сотня набиралась на Кошарском машиностроительном заводе, основанном в 1881 г., и табачной фабрике Б.Ф. Харлипа. Интересно, но в Минске не появилось ни одного производства из первых монополистических объединений на территории Беларуси.

Среди лидирующих по количеству предприятий отраслей, конечно же, была группа «питательные вещества и прочие съестные припасы», если отнести к ней привычные нам пищевую промышленность, винокурение, пивоварение, производство и очистку спирта. В общей сложности в Минске насчитывалось 24 предприятия, относившихся к этой группе. Был один казенный, находившийся в ведении министерства финансов, спиртоочистительный завод, 2 винно-дрожжевых завода, принадлежавших Г. Гатовскому и братьям Раковщикам, две пивоварни семейства Леккерт и Фрумкина. Семья Леккерт купила пивоваренный завод «Богемия», открытый в 1894 г. графом К.Э. Чапским. Продукция завода была удостоена похвальной грамоты Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде [149, с. 258]. В Минске работало 5 хлебных или по терминологии того времени булочных заводов. Кстати, владельцами четырех из них были мусульмане Абдуль Рахман, Оглы Сабит, Оглы Ш., Офли. Функционировала крупная скотобойня Унеховского. В 1891 г. построена городская скотобойня, ставшая крупнейшей на белорусских землях [149, с. 135]. Возможно, одним из постоянных заказчиков скотобоев был колбасный завод Гутнера. В лавках города была представлена продукция мукомольных и крупяных заводов Гатовского, Гурвича, Москалюка, Рубинштейна, Слепяна, крахмального завода Ленского. Работали крахмально-паточные заводы «Сокол», братьев Трепель.

Следом по числу фабрик (12) шла табачная отрасль, относившаяся к группе «произведения из прочих органических веществ». Владельцами табачных фабрик были помимо вышеназванного Харлипа: Беньяминов, Гинзбург, Гразовский, Грингауз, Комар, Лозинский, Розенштадт, Розовский, Стисон, Фрейд, Цукерман-Давидзон. К концу века на них в общей сложности было занято 459 рабочих. К ним можно добавить еще 4 фабрики по производству папиросных гильз. Одна из них – самая крупная, на которой трудилось до 60 рабочих, принадлежала известному минскому предпринимателю Дворжецу. Табачная отрасль выглядела весьма внушительно.

Хорошо было развито кожевенное производство. Им было занято 8 заводов, которыми владели А. и В. Имроты, Вильгельмович, Лане, Монтевелинский, Ривкин, Сутин, Черток. Работало два завода по производству и сортировке щетины: Ботвинника и Ратнера. В начале XX в. в Минске было открыто 6 обувных заводов, причем некоторые из них на базе небольших сапожных мастерских.

Более 30 тыс. пудов мыла в год давали три небольших мыловаренных завода Блимовича, Данишевского и Померанца, созданные в 1860–1870-е гг. На заводе Блимовича в 1900 г. был установлен паровой двигатель.

Широкое развитие строительства стимулировало развитие строительной индустрии. В 1898 г. в Минске был открыт завод по производству бетона. Его владельцем был предприниматель Перец. Работало 8 кирпичных заводов. На старейшем из них, основанном Капланом в 1850 г., к концу века была установлена паровая машина. Ежегодно производилось до 3 млн. штук кирпича. На нем трудилось самое большое количество рабочих из всех кирпичных предприятий – 74 человека. Владельцем одного из заводов был известный производитель кож А. Имрот. Также в Минске функционировали изразцово-гончарный завод Авербуха, изразцово-кирпичный завод Поляка, 4 завода по производству кафеля Айзенштадта, Будникова, Каплана, Ратина. На заводе Будникова производилось до 35 млн. штук кафельной плитки в год. В 1898 г. там был установлен паровой двигатель.

Продукция значительно выросшей на белорусских землях за пре-реформенное время лесопильной промышленности находила применение на 6 минских спичечных фабриках Гольдина, Ламперта, Монасевича, Мунвиза, Слиосберта, Шапиро. Интересно, что сходные по параметрам фабрики Ламперта и Слиосберта, на которых было занято по 18 рабочих, производили разные объемы продукции. Так, в 1879 г. завод Ламперта выпустил 1 тыс. ящиков спичек на сумму 3 тыс. рублей, а завод Слиосберта – 4 тыс. ящиков на сумму 9 тыс. руб. Спичечные фабрики Минска обходились без паровых машин. А вот столярно-паркетная фабрика Паклевского, основанная в 1897 г., уже через 3 года в 1900 г. установила паровой двигатель. Кстати, в Минске работала всего одна лесопильня, принадлежавшая Берману. Но она была крупная, оснащенная паровым двигателем.

В 1890-е гг. в Минске приступили к работе 4 обойные фабрики Канторовича, Хаютина, Шифановича, Эпштейна. На фабрике Шифановича была установлена паровая машина.

Среди белорусских городов Минск лидировал в типографской промышленности. Самая первая в Беларуси типография была открыта в Минске Х.Я. Дворжецом в 1850 г. К концу века типография разрослась и модернизировалась, на ней был установлен паровой двигатель. Печатную продукцию выпускали более 70 рабочих. Первая в Беларуси типография с керосиновым двигателем была открыта в Минске Соломоновым в 1874 г. В 1879 г. открылась типография Тасьмана, в 1892 г. – Нахумова. Дополняла типографскую индустрию переплетная фабрика Юделевича.

Репутация Минска как промышленного центра белорусских земель вряд ли состоялась бы без металлообработки и машиностроения. Внедрение машин и технологические изменения в этих отраслях знаменовали собой вторую промышленную революцию на Западе в конце XIX в., тогда как первую составило внедрение машинного производства в легкой промышленности на рубеже XVIII – XIX вв. Все белорусские машиностроительные заводы ориентировались на привозное сырье. В Минске работали три небольших завода без паровых двигателей по производству несложных сельско-

хозяйственных машин и орудий крестьянского труда: Сагола (1820 г.), Рипса (1860 г.), Вартбурга (1900 г.). В 1881 г. в предместье Кошары под Минском (в XVIII в. там находились казармы – польски кошары) Н.Я. Якобсон основал относительно крупный механический завод, на котором в 1900 г. работало 102 человека, сумма производства составляла 112 тыс. рублей. Из-за названия предместья завод стали называть Кошарским. В 1895 г. был открыт Вокзальный машиностроительный и котельный завод, на котором было занято более 90 рабочих и ежегодная сумма производства составляла 110 тыс. рублей. В 1897 г. начал выпускать продукцию механический завод «Технолог» Г.В. Вильбушевича и И.В. Залкинда, на котором трудилось более 30 рабочих и ежегодная сумма производства составляла 25 тыс. рублей. Все три завода были оснащены паровыми машинами. Они производили паровые котлы, керосиновые двигатели, динамомшины, оборудование для мельниц, винокурных и пивоваренных заводов [71, с. 77]. В 1893 г. в Минске открылся филиал Варшавского серебряно-мельхиорового производства [71, с. 258–264].

Успехи промышленности не преминули сказаться на общем благосостоянии города и на улучшении городской среды. В 1898 г. доход Минска равнялся 509 тыс. рублей [117, с. 34].

10 мая 1892 г. в Минске состоялось торжественное открытие конно-железной дороги, прозванной в народе конкой. Лошади вели по рельсовым путям пассажирские вагоны. К тому времени конка уже зарекомендовала себя в Петербурге (1862 г.), Москве (1874 г.), Ростове (1887 г.). Несмотря на сложности, связанные с холмистым рельефом Минска, конка быстро прижилась, став общедоступным видом транспорта. Немаловажным фактором было еще и то, что начиная с 1897 г. конка устойчиво приносила акционерному обществу, построившему и эксплуатировавшему ее, немалые прибыли. Таких высоких показателей и прибылей не имело ни одно промышленное предприятие Минска. Однако в бюджет города поступали лишь крохи – первоначально 300 рублей, оговоренные контрактом. Затяжной конфликт городских властей и акционерного общества отрицательно сказывался на развитии и улучшении конки. Выкуп

конки состоялся в 1912 г. Но осуществлению многочисленных намеченных планов помешала Первая мировая война [149, с. 120–125].

В 1906 г. в Минске появился первый автомобиль – такси. Правда дебют таксиста закончился трагической аварией, что надолго испугало и предпринимателей и водителей. Лишь в 1913 г. к услугам пассажиров было две машины – такси. В 1911 г. на обойной фабрике Канторовича появился первый грузовой автомобиль. Вскоре несколько минских богачей обзавелись собственными автомобилями, главным впечатлением от которых было то, что они пугали лошадей [149, с. 126].

В 1873 г. в Минске на казенный счет был построен водопровод – старейшее коммунальное предприятие города. Водонасосная станция была оснащена паровым двигателем. Поэтому водопровод включался в статистические перечни фабрично-заводских предприятий. Минский водопровод был одним из крупнейших из существовавших в городах Российской империи. А в 1904 г. водопровод имелся в 192 городах [149, с. 127–128].

12 января 1895 г. в Минске приступила к работе электрическая станция. Находилась она недалеко от водонасосной станции на Захарьевской улице на правом берегу Свислочи. Незадолго до этого городской управе удалось по сходной цене приобрести у Либавского казенного порта оборудование для городского электроосвещения. На центральных улицах, в общественных зданиях были установлены лампы накаливания. Центр города заблестал не ночными, но вечерними огнями. Минск вошел в число немногих городов Российской империи с электрическим освещением. С 1907 г. в городе начался отпуск электроэнергии для технических целей [149, с. 131–132].

В 1890 г. между полицейскими частями и административными зданиями в Минске была налажена телефонная связь. В 1896 г. заработала первая в Беларуси телефонная станция общего пользования [149, с. 133–134].

В Минске к концу XIX в. работали три паровые бани: две частные, их владельцами были Левин и Райнес, третья принадлежала

еврейскому обществу. Кстати, паровые бани, оснащенные паровыми машинами, тоже относились к предприятиям фабрично-заводского типа.

Капиталистический рынок, предпринимательство, техника начали преобразовывать город. Из тихого провинциального белорусско-польского города Минск за столетие превратился в торгово-промышленный капиталистический губернский центр на западе Российской империи. Однако капиталистическая индустрия и созданные ею городские удобства по большому счету стали цивилизационной оболочкой, внутри которой сохранялось многообразие прошлых времен. Капиталистическая цивилизация едва затронула, но кардинально не изменила внутренний дух города, глубины его повседневности. Фабрики и заводы, отнюдь не крупные и далеко не самые современные и конкурентоспособные, опоясали Минск по окраинам, но при движении к центру, по все еще порой грязным и неосвещенным улицам, утопавшим в садах и огородах, Минск сохранял свое патриархальное нутро. Промышленным сердцем этого традиционного мира было ремесло. Съежившееся и рвущееся под воздействием фабричной конкуренции ремесло продолжало оставаться серьезным экономическим фактором, а ремесленники – многочисленными городскими обывателями. Как говорил у Ф. Ницше горожанин-европеец: «Здесь можно жить ... и жить дальше. Мы – крепкий люд, и нас не выдернешь из грядки ночью» [111, с. 150].

По словам П. Абрасимова, «дореволюционный Минск представлял из себя преимущественно торгово-ремесленный город» [66, с. 18]. На ремесленный характер Минска обращали внимание социалисты, особенно большевики, не находившие в городе массовых и сплоченных отрядов промышленного пролетариата, готовых по первому зову выйти на забастовку. Известный большевик Вильгельм Кнорин, размышляя о партийной работе, отмечал: «Но в мелкоремесленном и мещанском Минске, где большевистских традиций никогда не было, людям, заброшенным из Питера и Москвы, сразу создать большевистскую организацию было очень трудно» [105, с. 81]. Польский социалист Вацлав Солский, работавший в Минске в 1917 г., писал: «Минск был в это время главным городом

так называемой Западной области... Это была одна из самых бедных областей бывшей Российской Империи. Промышленности там почти не было, в городах работали мелкие ремесленники, преимущественно евреи» [135, с. 36].

Глава 4. Цеховая организация ремесла

При них был порядок не потому, что они его умели установить, а потому, что не сумели его разрушить.

В.О. Ключевский

Пережив в XVI–XVII вв. героическое время подъема, в XIX в. одряхлевшие ремесленные цехи клонились к упадку. Своей долгой историей они словно иллюстрировали известную ремарку К. Маркса о том, что история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, другой раз в виде фарса. Уставы, подтвержденные королевскими хартиями, богато расшитые хоругви, святые покровители, приходские церкви и дома для общецеховых собраний, монопольное положение в производстве, значимое место в городской иерархии цеховых мастеров сменились выполнением общегосударственного ремесленного устава и различных постановлений, толстыми приходно-расходными книгами, очередью цехов для отправления общецеховых собраний и дел, штрафами за неявки на мероприятия, боязнью конкуренции, низким социальным статусом. Единственное, что на протяжении веков осталось неизменным, это труд – постоянный, тяжелый, созидательный, ручной труд ремесленника-творца.

Далеко не сразу в человеческом обществе утвердилось уважительное отношение к физическому труду. В сословно-классовом обществе он считался неременным атрибутом низших классов. Высшие же классы должны заниматься управлением, военным делом. Таков естественный порядок вещей. Как писал Аристотель: «Если бы каждое орудие могло выполнять свойственное ему дело само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, как рассказывают это о статуях Дедала, или как те треножки Гефеста, которые, по словам поэта, сами собою входили в собрание богов, если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры (тонкие изогнутые пластины, приводившие в колебания струны некоторых музыкальных инструментов) сами играли на кифаре, то тогда зодчим при постройке дома не нужны были бы помощники, а господам – рабы»

[81, с. 102]. Общим местом в античной философии стали пренебрежительные высказывания не только о «рабах, выполняющих труд рабов», но и о «кузнецах или каких-либо других ремесленниках», «гребцах на триерах» и противопоставления их «доблестным и достойным» представителям высшего класса. Но при этом, например, Платон, рассуждая о божественной творческой силе, создавшей мироздание, дает ей имя—Демиург [81, с. 102]. В Древней Греции демиургами назывались свободные ремесленники, жившие трудом своих рук, также демиургами называли знатоков, мастеров, художников, творцов в более широком смысле. Античное ремесло было напрямую связано с искусством. Ремесленник, будь то изготовитель статуй, керамической посуды, оружия и т.д., достигший высот в своем мастерстве, был одновременно и художником. Постепенно среди представителей высших классов хорошим тоном стало считаться знание какого-либо ремесла. В качестве хобби государственные мужи занимались земледелием или ремеслом, их жены и дочери с интересом отдавали время рукоделию.

Отрицательное отношение к труду прослеживается в иудейском Священном писании, в частности в Книге Бытия, вошедшей впоследствии в состав Библии. Всемогущий Бог Яхве изгнал Адама и Еву из рая за то, что они осмелились съесть плод дерева познания добра и зла. Наказаны они и все их потомки были трудом «со скорбью» и в «поте лица» во все дни их жизни. «Проклята земля за тебя», — говорит Бог Адаму, поэтому труд должен быть тяжким. Суетным и греховным порождением человеческой гордыни были признаны художественное ремесло, искусство, строительное дело, изобретательство. Такой труд стал достоянием потомков братоубийцы Каина, который сбежал «от лица господня» после своего преступления и построил первый город Енох. Кстати, имя Каин означает «кузнец». Один из его потомков, Юбал, стал «отцом всех играющих на гуслях и свирелях». Другой, Тубалкаин, был «ковачом всех орудий из меди и железа». Наказание за грехи трудом прослеживается и в библейской легенде о вавилонской башне. При этом сам Бог Яхве не чуждается труда. Подобно божеству из учения Платона он приобретает черты универсального мастера: творит небо и землю, ле-

пит из глины первых людей, шьет им кожаные одежды, дает Ною дельные советы по постройке ковчега.

Раннее христианство возникает как религия бедняков, рабов, угнетенных, бесправных. Иисус Христос и его апостолы были выходцами из простого народа, ремесленниками, рыбаками и т.д. Иисус Христос подчеркивал, что «царство божие» открыто прежде всего неимущим и необразованным – «нищим духом». Он призывал к себе «труждающихся и обремененных». Именно таким людям и было уготовано спасение. «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царство божие». Первые христиане были убеждены, что «страшный суд» над проклятым «царством Зверя» совершится уже на протяжении их жизни, поэтому они не придавали значения сопровождавшим их жизненным проблемам, делали упор на веру, а не на земной труд. Христос говорил: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и пить, ни для тела вашего, во что одеться... Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и отец ваш небесный питает их» [81, с. 104–105]. Развиваясь, христианское богословие постепенно наполнялось идеями терпимости к богатству, послушания властям, но настороженное, если не отрицательное отношение к «суетности» труда, познания, экспериментаторства осталось надолго. Лишь со временем христианское богословие стало принимать идеи о необходимости и праведности труда. Но особого божественного оправдания и страстной силы веры положение о спасении трудом достигнет в протестантизме.

Талмудическая литература в иудаизме пыталась придать труду, в том числе и ремесленному, не только экономический, но и религиозный смысл. В ней подчеркивалось, что занятие ремеслом удерживает человека от искушения отнимать собственность ближнего, оберегает от всех тех пороков, которые являются следствием праздности. Религиозный смысл вкладывался в подход к различным профессиям. Например, еврейские мудрецы отличали чистые и легкие ремесла от грубых, связанных с грязной работой. К первым относились шитье, вышивание, нанизывание жемчуга, ко вторым – кожаное, горшечное дело, труд погонщиков, лодочников, лавочни-

ков. Не приличествующими иудеям считались профессии, требующие частого общения с женщинами, например, производство золотых украшений. Религиозные тексты регламентировали способы ведения дела, оговаривали дни, когда ремесленникам нужно всей душой отдаваться работе, а когда должно беззаветно предаваться молитве. Среди знаменитых еврейских мудрецов-талмудистов много было освоивших ремесленные профессии. Простые еврей-ремесленники не всегда следовали книжным советам и выбирали для себя не только чистые, но и грязные ремесла, не гнушались не только торговым, но и ювелирным делом. К таким профессиям, как портные, резники евреи обращались в связи с предписаниями иудаизма. К концу XIX в. среди евреев-ремесленников преобладали портные (25,6%), сапожники (14,4%), столяры (6%) [124]. То же самое наблюдалось и среди минских ремесленников (см. таблицу № 4 в приложении).

Ручной труд определял образ жизни городских ремесленников, оформляя единое пространство их жизни и трудовой деятельности. Отсюда произошла и характерная городская архитектура ремесленных кварталов. Небольшие одно- или двухэтажные дома, где первый этаж или определенные помещения отданы мастерской, лавке, и тут же рядом находится жилье для семьи, места для подмастерьев и учеников. Непременный дворик с закоулками, закутками, галереями, переходами, лестницами для размещения сырья, вывешивания готовых изделий и т.д. Это домашнее пространство, которое, по словам Р. Сеннета, объединяло семью, труд, церемониальные публичные функции, неформальные социальные роли [132]. Капитализм разрывает это пространство: работа на заводе, жизнь в бараке, доходном или загородном доме, управление в офисе, деньги в банке, развлечения в клубе. Все происходит точно по часам. Чтобы добраться до другого места, нужно время. А время – деньги. Зарабатывая на организации инфраструктур связи и транспорта, капитализм превращает время в деньги.

Городским ремесленникам всего мира была присуща цеховая организация. Раньше всего ремесленные цехи возникли в Китае и Индии (как касты сословия шудр – торговцев и ремесленников). Под

напором капитализма раньше всего цехи сошли на нет в Западной Европе, окончательно они были упразднены Наполеоном I. В Русском государстве занятые промыслом часто объединялись в артели – особого рода добровольные товарищеские объединения, основанные на началах самоуправления и солидарности. В крупных городах именитые заказчики часто требовали от мастеров свидетельств о том, что предьявитель «подлинно такого художества мастеровой человек, а не подложный» [140]. Цеховая организация была введена Петром I по иностранным образцам. Инструкцией Главному магистрату 1721 г. было предписано для усовершенствования ремесленного производства разделить ремесла на 40 цехов, установить срок ученичества в 7 лет и ввести обязательное испытание на знание ремесла. Организация цехов была определена лишь в самых общих чертах. На основании указа от 27 апреля 1722 г. в цех записывался каждый желавший заниматься каким-либо мастерством и получивший от старшин свидетельство, что он достоин быть мастером. Мастер мог держать неограниченное число подмастерьев и учеников. Всякому мастеру на произведенном им изделии, исполненном по заказу или на продажу, предписывалось ставить клеймо. Без клейма никто не имел права продавать свой товар. Клеймо ставилось лишь при одобрении работы старшиной цеха. Если старшина находил работу не удовлетворяющей стандартам качества, он мог ее уничтожить. Указом сената от 16 июля 1722 г. было разъяснено, что и не записанные в цех могут заниматься ремеслом, но только по заказу, не для продажи на рынок, или, как говорилось, «на сторону» [141]. Петровские начинания соблюдались без особого тщания. Но цеховое устройство вслед за Петербургом и Москвой постепенно вводилось и в других городах. Таким образом, после разделов Речи Посполитой цехи белорусских городов вполне органично вписались в существующее цеховое устройство Российской империи.

При Екатерине II было разработано ремесленное положение из 117 статей, которое было включено в состав «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» от 21 января 1785 г., известной как «Жалованная грамота городам». Предварялось оно разде-

лом «О выгодах цеховых», в одной из статей которого в частности говорилось, что необходимо «в цехи или ремесленные управы написать всякого, кто в городе ремесло или рукоделие производить желает и кого по городскому положению в мещанское общество причесть можно». Таким образом, цеховые ремесленники относились к мещанскому податному сословию, «промышляющему в городе торгом, ремеслом или промыслом», а потому повинное нести «мещанские подати, службы и тягости». Цеховые ремесленники относились к одному из шести разрядов городского обывательского общества, представители которого в обязательном порядке вносились в городскую обывательскую книгу. Это были следующие разряды: 1) настоящие городские обыватели, имеющие строение, место или землю в городе, 2) записанные в три гильдии в зависимости от размеров капитала, 3) записанные в цехи, 4) иногородние и иностранные гости, 5) именитые граждане, 6) посадские: или родившиеся в городе, или его старожилы. Авторы грамоты посчитали, что цеховые ремесленники могут скопить приличные капиталы, что должно повлечь за собой следующие действия: «Дозволяется цеховым объявлять за собою капиталы, и каждый по таковому капиталу счисляется в гильдии, платя с оною, пользуется теми выгодами, кои каждой гильдии присвоены» [32].

Окончательную форму цеховое устройство ремесленного производства получило в уставе цехов, утвержденном императором Павлом I 12 ноября 1799 г. Устав цехов в своей основе воспроизводил вышеназванное ремесленное положение. Но при этом различал три вида цехов: 1) ремесленные, 2) служебные (прислуга, белошвейки, прачки), 3) рабочие, охватывающие собою всех тех, «кои производят такие работы, для отправления которых особых мастерских учреждать нет надобности или кои промысел свой на открытом воздухе отправляют». Каждый из видов цехов должен был иметь свою управу. Указом сената от 1802 г. «в облегчение податных тягостей» служебные и рабочие цехи были отменены [141]. Цеховое устройство сохранено для ремесленников.

Устав цехов практически без изменений вошел в «Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая I

составленный». Там он значился как свод постановлений ремесленных или устав ремесленный [33]. В 1859 г. по инициативе министерства финансов была образована особая комиссия под председательством А. Штакельберга для пересмотра фабричного и ремесленного законодательства. Комиссии было рекомендовано изучить западноевропейский опыт, что касается ремесла изучить деятельность ремесленных учреждений, их уставы и особенно порядок отмены цехов. К осени 1862 г. проект нового устава о промышленности и пять томов материалов к нему были подготовлены, в течение трех лет была осуществлена их публикация. Однако новая редакция устава о промышленности вошла лишь в свод законов Российской империи 1879 г. Но ремесленный устав практически не изменился. Впоследствии он был полностью включен в устав о промышленности, действовавший с 1893 по 1917 гг. [141].

Статья 1-я ремесленного устава утверждает, что «под именем ремесел разумеются занятия, имеющие предметом обрабатывание вещей посредством ручной работы». Устав предписывает, чтобы губернское правление в соответствии с указаниями министра внутренних дел составляло подробный список городов, посадов и местечек, в которых развивается ремесло и направляло министру необходимые сведения о степени развития ремесленной промышленности», а также направляло свои предложения о форме организации ремесла. Министр внутренних дел утверждал предложения губернского правления о том, 1) в каких городах может быть допущено цеховое устройство, 2) в каких при недостаточном развитии ремесел должно быть введено упрощенное ремесленное управление, 3) а какие населенные пункты при слабом уровне ремесленного развития могут быть приравнены к селениям [33]. Губернское правление однозначно отнесло Минск к городам первой категории, в которых может быть допущено цеховое устройство, тем более, что оно уже существовало в течение более чем трех веков. И это устройство отнюдь не противоречило духу и букве российского закона.

Согласно ремесленному уставу, «в местах, где существует цеховое учреждение или упрощенное ремесленное правление, в цех, или же в упрощенное ремесленное общество должен быть записан вся-

кий желающий производить в том месте ремесло или рукоделие, однако же, цех или ремесленное общество не могут никому запретить дневного пропитания работою». Так ремесленный устав отнял важнейший принцип существования цехов – монопольное положение. Для минских ремесленников была важна статья 4-я устава, в которой говорилось, что «во всех местах, где дозволено постоянное жительство евреям, они могут поступать в цехи ремесленные, или же в ремесленные общества на общем основании. Сверх того учреждаются для евреев в черте общей их оседлости цехи не ремесленные» [33].

Разделение ремесла на цехи производилось городской думой, которая, конечно же, учитывала сложившиеся традиции. Недаром статья 5-я устава утверждала, что «мастерства, рукоделия и ремесла разделяются на столько родов, сколько существует различных к пропитанию оными способов». Согласно статье 8-й, «цех устанавливается из людей, производящих одинаковое ремесло» [33]. Число цехов в городе навсегда ограничено быть не может. Для создания цеха необходимо не менее пяти мастеров. Если нет такого количества, то ремесленники производящие свое ремесло, приписывались к сходному цеху.

Ремесленный устав различает несколько видов цехов. Существовали цехи вечные и временные. Вечными считались те цехи, в которые записывались на неограниченное время с присвоением цехового звания с правами мещанства. Во временные цехи записывались «люди других состояний на некоторое время без перемены своего звания, как то мещане, крестьяне и т.п.». В Минске преобладали вечные цехи и вечноцеховые ремесленники, но начали появляться и временные. Далее цехи подразделялись на сложные или составные, «вмещающие в себя разные роды ремесел» и на единственные, «закрывающие только одно ремесло». Минск соответствовал общей тенденции широкого распространения сложных цехов, что было логичным следствием развития специализации. В цеховой организации Минска часто встречались двойные названия, например: цех перчаточных дел и женских уборов, цехи экипажно-малярный, серебряный и золотницкий, слесарно-кузнечный, кондитеро-

булочный, сальный и мясной, ситно-решетный, столярно-мебельный, стекольно-гребенщинский, цементно-мозаичный, живописно-малярный и т.д. Были и такие довольно экзотические для сегодняшнего дня производства, как альбуминно-кишечное (альбумин – разновидность белка), чернильно-вексельное и т.д. Вообще случались самые неожиданные сочетания профессий. Например, в Москве к фельдшерскому цеху были приписаны табачное мастерство и приготовление румян, к кондитерскому – апельсиное, игрушечное, горчичное [141].

Как и в стародавние времена, ремесленники, принадлежавшие к цеху, разделялись на 1) мастеров, 2) подмастерьев, 3) учеников. Согласно уставу мастером считался тот, «который совершенно знает ремесло свое, пробыл три года подмастерьем, имеет аттестаты мастеров, у коих работал, в состоянии завести мастерскую и иметь столько инструментов, сколько для него и, по крайней мере, одного подмастерья нужно, к безостановочному отправлению работы, и притом должен мастер цеха быть беспорочного поведения» (ст. 115). Только мастер имел право нанимать подмастерьев, обучать ремеслу учеников и иметь над своей мастерской вывеску. Мастер не мог нанимать более 15 подмастерьев. В противном случае он уже переходил в другой статус – владельца предприятия. Как было указано в статье 123-й ремесленного устава, «если же держит более 16 работников то, кроме того, обязан записаться в третью гильдию» [33]. В любом случае мастерская с подмастерьями и учениками была по своей сути типичным капиталистическим предприятием с наемными работниками, которых мастер мог, как угодно, эксплуатировать, но при этом меньше платить и ограничивать в других правах.

Торговать произведенными изделиями мастер мог «в жилище своем или на площади, а не в нарочно заведенных лавках» (ст. 117). Лавки дозволялось открывать тем, кто несет «платежи повинностей по третьей гильдии», т.е. стал купцом третьей гильдии. Лицам, которые не имели звания мастера, но могли заниматься ремеслом «для дневного пропитания», не разрешалось открывать заведений с вывеской.

Вывеска была предметом особой гордости мастера, да и цеха в целом. Посредством вывески мастер обозначал свое присутствие в городском пространстве. Складывалась особая мода на вывески. Броская рекламная стилистика, призванная удивить и зазвать, была характерна для магазинных витрин и вывесок. Лаконичностью и дорогим шиком отличались вывески адвокатов, дантистов, преподавателей и других «частнопрактикующих» профессий, окружавшие парадные подъезды богатых жилых домов. Накладные металлические буквы на металлической сетке были фирменными вывесками фабрик, заводов, складов. Согласно обязательным постановлениям, изданным Минской городской думой в 1891 г., специальные правила устанавливались для вывесок питейных заведений. Вывески трактирных заведений и пивных лавок должны быть выкрашены «двумя поперечными полосами, из коих верхняя – красная, а нижняя – синяя». «Для рейнского погреба и погреба русских виноградных вин вывеска должна быть выкрашена в синий цвет» [45, с. 156].

Собственная мода была на вывески ремесленных мастерских. Они были более примитивными и наивными по исполнению, но при этом отличались особой трогательностью и выразительностью. Вывески слесарно-ремонтных мастерских изобиловали детальными изображениями ремонтируемых предметов – от велосипедов до примусов. Порой создатели вывесок пытались объединить все разрозненные предметы единым замыслом. Тогда получался бравый велосипедист, держащий в руке зажженный примус. Багажник его велосипеда стараниями художника превращался в красиво оформленную витрину. На вывесках кузнечных мастерских чаще всего можно было увидеть подковы, фрагменты кованных решеток, а порой и кузнеца, подковывающего лошадь. На вывесках столяров рисовали рубанок с живописной горкой игривых стружек, табуретки с фигурными ножками, на вывесках бондарей – бочки, бочонки, ушаты разных размеров. Вывески мужских парикмахерских демонстрировали процесс бритья: намыленный клиент и парикмахер с бритвой в руке. Иногда на вывеске изображались две головы: одна лохматая и небритая с надписью «до», и вторая, завитая с чистым вы-

бритым лицом, лихо подкрученными усами, подписанная «после». Вывеска женской парикмахерской, как правило, имела даму с невероятно пышной прической. Если позволяло место, за ней изображался маленький мастер со щипцами для завивки. Дамские мастера позволяли себе более пространные надписи, например, «зайдите и убедитесь». На вывесках прачечных чаще изображался процесс глажения, чем стирки. Рисовалась гладильщица, под утюгом которой держала четкие формы мужская сорочка с накрахмаленным воротником и манжетами. Мастерские портных обозначались реалистичными рисунками изделий, которые там шились, начиная от строгих военных мундиров, сложнейших женских платьев, и заканчивая многочисленными аксессуарами [126, с. 42–43].

Во всех городах наблюдалась показательная тенденция: более дорогие, обслуживавшие богатых клиентов заведения, будь то парикмахерские, ателье, рестораны избегали рисованных вывесок с фигурами (их еще называли фигуративными), предпочитая лаконичные надписи абстрактных названий или фамилии владельцев из металлических накладных букв. Несведущему человеку даже не было понятно, что это за заведение: ресторан или дамский салон. Общедоступные и дешевые заведения, напротив, общались со своими клиентами посредством броской и понятной уличной живописи. Среди обязательных постановлений относительно вывесок, изданных Минской городской думой в 1891 г., было и такое: «Все вывески в городе разных других наименований на стенах и балконах должны быть прикреплены прочно. Вывески-же, не прочно укрепленные, или с грамматическими ошибками, не допускаются» [45, с. 156].

Каждый цех управлялся цеховой управой, которая состояла из цехового старшины, не менее двух товарищей старшины или помощников, присяжных маклеров, гласных и депутатов. В управах малочисленных цехов были представлены далеко не все перечисленные категории, даже старшина мог не иметь помощников. Обязательным был цеховой сход. Цеховой старшина, старшинские товарищи, присяжные маклеры, гласные и депутаты собирались на ежегодном сходе из числа мастеров, записанных в цех. Результаты

избрания передавались на утверждение ремесленной управе и затем городской думе, которая «дозволяла им заседание, буде за ними нет явного порока». Выборы были важнейшим цеховым институтом. Цеховые мастера относились к ним со всей серьезностью. Перед проведением выборов цеховые мастера произносили специально разработанное для таких случаев клятвенное обещание (см. документ № 1 в приложении), затем ставили под его текстом свои подписи. Тексты клятвенных обещаний в местах упоминания религиозных формул были разными для христиан и иудеев. Это была процедура приведения к присяге выборщиков. Выборщики голосовали шарами: белые шары, опущенные в белый ящик, стоявший на левой белой стороне комнаты для голосования, означали одобрение, соответственно неодобрение выражалось черными шарами, опущенными в черный ящик, расположенный в правой черной стороне комнаты. Более торжественно обставлялась процедура приведения к присяге избранных на должности. Они произносили другое, специально для них разработанное клятвенное обещание (см. документ № 2 в приложении), и ставили под его текстом свои подписи. В конце 1880-х гг. даже появился отпечатанный типографским способом текст такого клятвенного обещания.

Распоряжение о проведении ежегодных цеховых выборов принимала Минская общая цеховая управа. Накануне этого события мастера цеха писали стандартное заявление: «В виду того, что служебный срок действующего по нашему цеху старшины давно уже истек, имеем честь покорнейше просить Минскую общую ремесленную управу учинить распоряжение о немедленном возобновлении выборов на избрание старшины по цеху» [21, л. 40].

Порой приходилось назначать досрочные выборы. Например, 10 июня 1880 г. умер цеховой старшина парикмахерского цеха Антон Шаховский. При жизни он не успел оставить никаких распоряжений, в том числе относительно цехового сундука и печати. Этот вопрос обсуждался на заседании Минской ремесленной управы, которая постановила, не ждать очередного схода для выборов старшины, а назначить довыборы, а до них «вскрыть цеховой сундук и на-

ходящиеся в нем дела передать по описи мастеру Илье Берману. Донести Минскому губернатору и Минскому правлению» [1, л.12].

Бывали случаи, когда выборы проводились крайне нерегулярно. Например, в 1889 г. спохватился бондарный цех, вспомнив, что выборов цехового старшины у них не было в течение 6 лет [21, л. 43].

Не всегда выборы проходили достойно, в соответствии с правилами, и выборщики были согласны с их результатами. В августе 1889 г. в ремесленную управу поступило прошение от мастеров мужского портного цеха, в котором они не соглашались с прошедшими у них 17 августа 1889 г. выборами. В начале пространного текста мастера перечисляли правила выборов: «По закону (ремесленному уставу) выборы старшины и старшинских товарищей каждого цеха должны возобновляться ежегодно посредством баллотирования мастеров подлежащего цеха, под председательством цехового старшины, который собирает их для сего на сход и распускает оный, ударяя по столу молотком трижды, и таковые выборы утверждаются общею ремесленною управою». Состоявшиеся у них 17 августа 1889 г. выборы они посчитали неправильными по следующим причинам: «а) они произведены не под председательством старшины Быленкевича, который в оных не участвовал, и даже на оные по болезни не являлся; б) не только не все, но даже 2/3 числа наличных мужских портных мастеров на те выборы не явились, а участвовали в оных много лиц нецеховых и не имеющих на звание мастеров аттестатов». В прошении было отмечено, что эти лица заявили, что были приглашены портным Доном Фридбергом, который по интересной случайности был избран товарищем старшины. Продолжим перечень причин: «в) в означенных выборах находились и руководили лица, вовсе не подлежащие к упомянутому цеху (парикмахеры, сапожники); г) сказанные выборы производились до глубокой ночи, произошли большие беспорядки, шум, крик, ссора, много портных ушли до окончания. Многим голосующим было непонятно, за кого они бросают шары. Просим не утверждать сих выборов, а в самом скором времени назначить новые. Если просьба будет оставлена без внимания, то будем обращаться к губернскому правлению» [21, л.110].

Цеховые старшины председательствовали на собраниях своих цехов, «имели первое место». Знаком их фирменного отличия была трость с изображением значка цеха. За свою работу они, а также старшинские помощники, получали жалованье из цеховой казны. Цеховой старшина и старшинские товарищи «стараются о благоуспешном состоянии ремесла, о приращении искусства в ремесле, о добром порядке и согласии ремесленников, и для того им самим надлежит поступать справедливо и беспристрастно во всех делах, в чем и присягою обязаны. Они же отвечают за всякие учиненные цехом упущения, злоупотребления или неисполнение ремесленных постановлений». Цеховой старшина и старшинские товарищи должны иметь информацию о количестве, месте жительства ремесленников своего цеха и их семей, «в благосостоянии или бедности они находятся». В случае смерти кого-либо из членов цеха, сообщают об этом ремесленной управе, следят за сохранением имущества. Важнейшая их обязанность – собирать с ремесленников все надлежащие подати, следить за исполнением других повинностей и сборов, в том числе и в отношении рекрутского набора. Они разрешают споры между ремесленниками, контролируют казну, «смотрят за доброю инструментов и работы мастеров», оказывают помощь больным, проводят испытания для записывающегося в цех, переводят учеников в подмастерья и подмастерьев в мастеров, собирают ремесленников на сход. По поводу обязанностей цеховых старшин закон содержал явно устаревшую и противоречащую современным реалиям, норму – наблюдать за тем, чтобы «не имеющие цехового права, не отправляли присвоенного оному ремесла и, усмотрев таковых, приносили на них, где следует, жалобы» [33]. Но ведь цех уже не мог никому запретить «дневного пропитания работою».

Не всегда цеховой старшина отвечал предъявляемым требованиям, и самое главное ожиданиям цеховых мастеров. Нередки были жалобы мастеров на своего старшину в ремесленную управу. Как правило, в случае серьезных и подтвержденных обвинений принималось решение не о назначении нового старшины, а в соответствии с ремесленным уставом о выборах. Исполняющий обязанности на-

значался лишь на срок до выборов. Не везло со старшинами цеху портных. Например, 13 августа 1880 г. ремесленная управа разбирала прошение мастеров портного цеха «о нерадении, самоуправстве по службе и неаккуратности исполнения служебных обязанностей старшины означенного цеха Д. Фридберга и устранения его от этой должности». Возможно именно он упоминался в связи с цеховыми выборами 1889 г. Приняли постановление о назначении новых выборов, до которых «передать дела Мовше Чертову» [1, л. 22]. Буквально через три месяца уже после состоявшихся выборов цех портных вновь «обвиняет старшину управы назначенного цеха Александрова». Это дело ремесленная управа разбирала 13 ноября 1880 г. [1, л. 53]. 10 декабря 1880 г. ремесленная управа обсуждала жалобу медного цеха на старшину Илью Быльника. Его обвиняли в том, что он ведет дела «совершенно самостоятельно, никому не подчиняясь. Неправильно идут сборы, выдаются квитанции». В двух последних случаях управа отклонила претензии и сохранила старшин [1, л. 61]. Некоторое время цеховым старшиной был мастер кожевенного ремесла Август Вильгельмович Имрот, впоследствии открывший в Минске один из первых кожевенных заводов и ставший известным предпринимателем. Будучи старшиной он привлекался к суду за растрату общественных денег, но дело удалось замять [149, с. 57]. Время от времени ремесленной управе приходилось разбирать жалобы на цеховых старшин со стороны. Например, 21 августа 1880 г. обсуждалось заявление дворянина Михаила Дарагана, который «усмотрел, что старшина колбасно-мясного цеха Тихонов собирал от мастеров по 5 руб. неизвестно на какие нужды». Как только поступило заявление, ремесленная управа приказала опечатать все цеховые документы и произвести разбирательство. И теперь управа вынесла постановление, что ничего не подтвердилось. «Заявлений на Тихонова от цеха не было. Поскольку заявление Дарагана касается его личных интересов, хода ему не давать» [1, л. 41]. Вот так и развивались служебные отношения в цехах: порой в согласии и взаимном уважении, порой в долгих и глубоких конфликтах, порой в мелочных дрызгах и склоках.

При каждом цехе полагалась подмастерская управа из подмастерского выборного и двух поверенных, которая готовила для цеховой управы материалы по делам подмастерьев и учеников. Каждый цех имел у себя ремесленные постановления, цеховой значок, печать цеховой управы, казну, счета приходов и расходов. Цеху разрешалось иметь место для проведения сходов и для хранения всего вышеперечисленного. Ремесленный устав подчеркивал, что «в управной горнице имеются за замком с тремя ключами шкаф и стол с ящиком... Один ключ должен быть у цехового старшины, другие ключи у каждого старшинского товарища по одному» (ст. 68). Также цех хранил у себя документы от городской думы, весы, меры, пробы, необходимые для производства ремесла. При цеховой управе состоял присяжный маклер, который вел письменные дела, оформлял протоколы собраний. За это ему полагалось вознаграждение, «не отягчающее излишне» состояние цеховой казны. Маклерам цеховых управ, так же как и городовым и частным маклерам разрешалось свидетельствовать контракты, заключаемые мастерами с подмастерьями и учениками.

Согласно статье 55-й «каждый цех должен повиноваться городской думе, жить в городе мирно и сохранять с прочими цехами тишину и доброе поведение». Цель цехов законом определялась вполне афористично – «усовершенствование промысла», «умножение в оном мастерства и работы». Для этого цеховые ремесленники в соответствии со статьей 16-й ремесленного устава могли: иметь в мастерской наемных подмастерьев и от их работы получать себе выгоду, работать за плату на фабриках и заводах, учить за плату или иную выгоду своему ремеслу учеников, отдавать в наем свою обустроенную мастерскую и инструменты, за плату производить вещи из материалов заказчиков. Но главной задачей цехового ремесленника объявлялось делать «ручную работою разные вещи их мастерства и тем иметь себе содержание». Ремесленникам по-прежнему запрещалось применение машин в их производстве. Каждый цех имел правила своей профессиональной работы, согласно ремесленному уставу «особенные обряды каждого ремесла». Они проходили долгую процедуру утверждения. Составленные в цехе

правила передавались в городскую думу, которая рассматривала их на предмет соответствия ремесленному уставу. Затем «для уважения и представления» правила направлялись в губернское правление, которое имело своей задачей сохранение «единообразия порядка и обряда во всех городах». Только после этого возвращенные в городскую думу правила передавались в ремесленные управы по принадлежности. Согласно уставу ремесленники должны были трудиться 10 часов в сутки с 6 часов утра до 18 часов вечера с перерывом на получасовой завтрак и полуторачасовой обед. В сознании рабочих эта норма запечатлелась как время работы «с шести до шести», утвержденное еще Екатериной II. В реальности трудились и больше. Нередким был и 16–18 часовой рабочий день.

Цеховую организацию городского ремесла венчала общая ремесленная управа, в которой согласно общему губернскому уложению и городовому положению было сосредоточено общее управление цехами. Минская общая ремесленная управа была очевидно учреждена на основании указов сената от 21 апреля и 3 мая 1795 г., хотя непосредственных свидетельств этого пока в архивах не обнаружено [118, с. 100]. В состав общей ремесленной управы входили ремесленный голова и старшины цехов. Для отправления текущих дел цехи устанавливали между собой в начале года очередь на месяц для присутствия на заседаниях управы. Например, в 1880 г. очередь начиналась со старшины сапожного цеха и заканчивалась старшиной кушнерского цеха. Всего в очередь было поставлено 20 цехов. В случае неявки без объяснения причин налагался штраф в размере 50 копеек, уплачиваемый в ремесленную казну [1, л. 1]. При разбирательстве спорных дел в зависимости от числа цехов в городе на заседаниях ремесленной управы должны были присутствовать двое, четверо или шестеро цеховых старшин (ст. 18). Согласно статье 23-й ремесленный голова избирался всеми цеховыми старшинами и двумя выбираемыми для данного случая гласными от каждого цеха. В Минске в выборах ремесленного головы участвовали старшины и гласные далеко не всех цехов. Составлялись специальные списки, в которых выдерживалась очередность. Например, в списке старшинам и гласным существующих в Минске це-

хов, имеющих право участвовать в выборах Минского ремесленного головы 26 июля 1889 г. перечислены 30 цехов. [21, л. 32–33]. После указания, когда и куда являться выборщикам, следует характерная дисциплинарная приписка: «под опасением за неявку законной ответственности». Данные о результатах выборов представлялись в городскую думу, которая утверждала избрание ремесленного головы «буде за ним нет никакого порока» и позволяла ему «вести заседание». О городах с еврейским населением, что было важно для Минска, было пояснение, что на выборах хотя бы один из гласных от цехов должен быть христианином.

Ремесленному голове предъявлялись определенные требования: он должен быть цеховым мастером, уметь читать и писать и, «как поведением, так и знанием своим соответствовать сделанной ему доверенности и для этого избирается из таких, кои заслужили себе честное имя и доверие, имеют право гражданства, отправляли уже и прежде служение цеха или города, и пользуются правом мастера не менее пяти лет» (ст. 24). Ремесленный устав оговаривал случай, когда у нескольких претендентов оказывалось «равенство одобрительных шаров». Тогда преимущество было за теми, кто находился на этой должности ранее, состоял в числе настоящих городских обывателей, знал иностранные языки. Ремесленный голова имел знак отличия – трость с гербом города, которую ему позволялось носить во всех публичных собраниях. В любом собрании ремесленников он имел первое место и два голоса при голосовании. Ремесленный голова, у которого закончился срок полномочий, который не имел нареканий за свою работу, как говорилось в уставе «закончил с похвалою служение свое», имел право участвовать во всех цеховых собраниях, сидя на первом месте рядом с действующим головой. Цеховые собрания не могли проводиться без разрешения ремесленного головы и в случае его присутствия не могли закончиться без его разрешения. Ремесленный голова заседал в городской шестигласной думе, выражая «голос цехов» и выдвигая предложения «о нуждах и недостатках цехов». Ремесленный устав предписывал выказывать почтительное отношение к ремесленному го-

лове со стороны всех членов общей ремесленной, цеховых и под-мастерских управ, они «должны быть послушны ему во всем» [33].

Среди полномочий ремесленного головы устав особенно обращал внимание на: право созывать цеховых старшин на собрание, принуждать старшин к скорейшему исполнению распоряжений городской думы, вплоть до заключения нерадивых под стражу, контролировать работу цеховых старшин, в случае их нерадения отстранять от должности. Также ремесленный голова имел право осматривать у всякого ремесленника его работу и «за непорядок чинить взыскание», контролировать и проверять общую ремесленную казну и цеховые средства, проверять документацию, контролировать деятельность учеников и в случае необходимости передавать их на учебу другому мастеру. В случае отсутствия или болезни ремесленного головы на его место заступал первый старшина.

Торжественные слова статей ремесленного устава и тем более трость с гербом города отнюдь не свидетельствовали о реальном высоком статусе ремесленного головы среди именитых отцов города. В ряду высокопоставленных лиц губернского и городского правления, состоятельных купцов и фабрикантов ремесленный голова выглядел весьма скромным руководителем одного из многих контрольно-распорядительных городских органов. Между тем ответственность на нем лежала большая, хлопот было много, решать многочисленные проблемы при скудной цеховой казне было затруднительно. Не многие рвались на эту должность. Например, 28 мая 1880 г. Минская ремесленная управа слушала рапорт ремесленного головы Фелициана Шульца, в котором тот «просил уволить его от должности головы, т.к. по старости лет и домашним обстоятельствам не может исполнять такую и допустить на нее Адама Марецкого». Рассматривая этот вопрос, управа обнаружила недопущение сборов в ремесленную казну. При этом Шульц израсходовал 24 руб. «на необходимые надобности управы», вырученные им за печати, розданные цеховым старшинам. Вскрылись сложности с арендой помещения. Подняв документы общего схода от 20 февраля 1880 г., члены управы обнаружили, что уже тогда ставился вопрос о недоимке в общецеховую казну и произведенных расхо-

дах. Однако, Шульц от каких-либо пояснений отказался. «При обследовании денежной книги нашли, что никакого расхода не было». Учтя все обстоятельства, Минская ремесленная управа «приговорила уволить с должности, о чем донести минскому губернатору и губернскому правлению». Далее был подтвержден факт недоимки в ремесленную казну, которую должно было «взыскать». В постановлении было записано, что никто не обязан был платить за казенное лицо, растратившее деньги (значит Шульц по-прежнему в этом подозревался). В заключении постановления следовало: «В должности ремесленного головы утвердить уже допущенного кандидата Марецкого» [1, л. 12–13]. О других кандидатах ничего не сообщалось, скорее всего их и не было. Поскольку обошлись без выборов А. Марецкий подписывал бумаги как «И.о. ремесленного головы».

Сложное хозяйство легло на плечи Адама Марецкого. Но за дело он взялся решительно. Прежде всего он намеревался навести порядок в общеремесленной цеховой казне и осуществить генеральную ревизию цеховой организации. Буквально через месяц после утверждения его в должности 30 июня 1880 г. Минская цеховая управа на очередном заседании имела разъяснения по следующим вопросам: «1) составление предположений о том, каким образом должны быть облагаемы ремесленники при вступлении в цех; 2) определение поступлений каждого года; 3) сбор в пользу цеховой казны и в каком количестве; 4) доходы и расходы, их контроль, уплата старшинам и его товарищам». Далее было принято следующее постановление: «предписать управам существующих в Минске цехов немедленно посредством цеховых сходов составить приговоры по значимым предписаниям, равно посредством старшин и его товарищей каждого цеха произвести в Минске генеральную поверку состоящих в оном мастеров, подмастерьев и учеников с пояснением происхождения и показанием опыта каждого и по каким документам они проживают и производят ремесла и ведомости о том и приговоры каждого цеха представить в ремесленную управу» [1, л. 15]. По архивным документам хорошо видно, как резко возросло количество бумаг в первой половине 1880-х гг. Испещрялись многочисленными записями книги постановлений ремесленной управы и от-

дельных цехов, например, очень представительно выглядела книга постановлений Минской управы портновского цеха за 1880, 1881, 1883, 1884 гг. Регулярно заполнялись, дополнялись, исправлялись книги для записи мастеров, подмастерьев и учеников. В 1883 г. был заведен «Алфавит на записку мастеров всех цехов Минской общей ремесленной управы». В 1890 г. эта инициатива была продолжена заполнением «Алфавитной книги на записку мастеров всех цехов Минской общей ремесленной управы». Тщательно документировались поступившие в ремесленную управу жалобы и спорные дела. По сути дела произошла своеобразная «бумажная реформа» если не сказать «документальная революция». Но она свидетельствовала не столько о бюрократических наклонностях ремесленного головы или выполнении приказов сверху, сколько о позитивных внутренних процессах. Цеховая организация как-то встряхнулась, приободрилась, стала наводить внутри себя порядок. Она словно выходила из запустения и оцепенения. И это прямая заслуга деятельного ремесленного головы Адама Марецкого. На этой должности он пробыл 4 года.

13 июня 1883 г. состоялись очередные выборы минского ремесленного головы, и на эту должность был избран Антон Фелицианович Хмелевский. 14 июня 1883 г. в 9 часов утра в присутствии минского полицмейстера, цеховых старшин и специально приглашенного Адама Марецкого он принес присягу и принял все движимое имущество, денежные книги, казенные печати, бумажные наряды Минской ремесленной управы [8, л. 49]. До этого Хмелевский был цеховым старшиной сапожного цеха. За год до своего избрания он был ответчиком по жалобе на него бывшего ученика, который обвинял его в невыплате якобы заработанных им денег. Тогда управа сапожного цеха признала жалобу несостоятельной по причине отсутствия доказательств [10, л. 1–4].

Очевидно следующим ремесленным головой был Ромуальд Ярошевич. В архивном деле о печнике И.Х. Гурвиче 1887 г. сохранились свидетельства незаконных деяний этого ремесленного головы. В феврале 1886 г. мулярно-горшечный цех исключил из своих рядов мастера Ицку Хаимовича Гурвича, так как «общество убеди-

лось, что он ведет себя порочно и неблаговидными своими поступками причиняет вред и позор обществу нашего цеха». Гурвич не смирился с данным постановлением и повел борьбу за сохранение своего членства в цехе и восстановление доброго имени. В июле 1887 г. уже Минское губернское правление слушало дело о неправильном утверждении приговора Минской общей ремесленной управой. Отмечалось, что «бывший Минский ремесленный голова Ромуальд Ярошевич получил сперва вознаграждение за признание приговора об исключении, ... а затем за признание того же приговора, не заслуживающим уважения». Минское губернское правление приняло постановление передать дело Гурвича на новое рассмотрение в Минскую общую ремесленную управу, а «бывшего ремесленного голову подвергнуть следствию». После производства предварительного следствия Ярошевич «может быть предан суду по настоящему делу» [16, л.1–5].

С 1890 г. Минская ремесленная управа уже упоминается как упрощенная ремесленная управа. Это понятие было введено 16 апреля 1852 г. в проекте изменений и дополнений в свод ремесленных постановлений. Под упрощенным ремесленным управлением понималось такое состояние ремесленной корпорации, при которой отсутствовало деление на цехи, на мастеров, подмастерьев и учеников, признавалось только разделение на ремесленников, «производящих самобытно какое-либо мастерство» и ремесленников, работающих по найму [97, с. 479, 488]. Конечно, ремесленники еще помнили свои цехи, по традиции считали себя мастерами, подмастерьями или учениками, но необходимая отчетность уже не требовала привычных подробностей. Все упрощалось. Изменения в терминологии соответствовали тенденции превращения сословной ремесленной корпорации в профессиональную социально-классовую организацию.

В соответствии с предписанием Минского губернского правления от 13 октября 1890 г. на 25 октября 1890 г. были назначены выборы «на старшину и двух товарищей по упрощенной ремесленной управе». На должность старшины претендовали три кандидата: А. Зелезей – городской голова, А. Будников и Ю. Моенко. Однако, вы-

боры были признаны недействительными. Составленный по их итогам протокол точно передал напряженную атмосферу, царившую на выборах, и серьезные нарушения. Также он интересен фиксацией характерных и непривычных для нас деталей выборов того времени. «Ящиком баллотировки распорядился Моенко. Когда началась баллотировка замечены были ящики перемещенными, то есть в левую белую сторону вставили черный ящик, а в правую черную сторону белый ящик. Заметили это Мовша Чертов и Шимон Фриде. Также стояли при ящиках Яновский и другие лица. Заметившие эту перемену Чертов и Книжников произвели шум, схватили ящик, который они разломали, потушили огонь и все, преимущественно евреи, подняли крик. По поводу этого бунта выборы и баллотировка прекращены. Кроме того, все евреи заявили, что в ящиках находится больше шаров, чем следует по списку клавших шары, так как каждый клал по три – пять шаров. Все евреи это заявляли, особенно Чертов и Фриде. По вскрытии ящика в присутствии господина пристава 2-й части оказалось в коробке для черных 12 шаров, в коробке для белых 12 шаров, всего 24 шара. В списке лиц, бросавших шары 28 человек» [27, л. 5].

Перевыборы были проведены 28 ноября 1890 г. На должность старшины баллотировался единственный кандидат – тогда старшина мясно-колбасно-сального цеха Юлиан Августович Моенко. На должности двух старшинских товарищей претендовали четыре кандидата: уже упомянутый Ю.А. Моенко, К.В. Любвицкий, Д.Х. Бомштейн и А.К. Шапиро. По причине пристального внимания к выборам и со стороны самих ремесленников, и со стороны властей, к присяге было приведено беспрецедентно большое количество выборщиков – 512 человек. В данном архивном деле отсутствуют результаты выборов на должность старшины. Но за Моенко в качестве товарища старшины не проголосовали, что косвенно свидетельствует в пользу его избрания на более высокую должность. Из четверых кандидатов на должность старшинских товарищей был избран лишь один кандидат – Бомштейн (429 шаров «за» и 83 – «против») [27, л.13–14].

Старшиной упрощенной ремесленной управы в 1892–1896 гг. был уже упоминавшийся в качестве цехового старшины и впоследствии предпринимателя Август Вильгельмович Имрот [46, с. 8]. С 1895 г. старшиной был Иван Адамович Шатрунов. Последним старшиной упрощенной ремесленной управы вплоть до ее упразднения был Киприан Казимирович Шолковский (см. таблицу № 7 в приложении).

В ремесленном уставе отмечалось, что общая ремесленная управа должна иметь дом цехов, «приобретенный или нанятый за ее счет». Устав даже предписывал, чтобы в присутственной комнате ремесленной управы висело зеркало. Не лишним было перед заседанием привести себя в порядок после напряженной работы. У Минской ремесленной управы собственный дом отсутствовал. При небогатой казне она могла себе позволить лишь аренду помещения. Пока нет свидетельств и о том, смотрелись ли цеховые старшины в зеркало перед заседанием. При обсуждении отставки ремесленного головы Ф. Шульца в 1880 г. члены управы обнаружили следующий факт. В рапорте об отставке Шульц просил отдать 40 руб. Залману Перельману за занимаемое под управу помещение в его доме. При этом в документах управы не было обнаружено никакого контракта с Перельманом о найме помещения. Не обнаружилось и сведений о расчетах. Управа постановила «в просьбе Шульцу отказать» [1, л. 12–13]. Очевидно не редкостью были случаи взаимовыгодного улаживания дел, да и просто махинаций. К сожалению, в найденных документах Минской ремесленной управы не встречается информация о судьбе дома Перельмана и расчетах с ним. В конце 1890-х гг. официальным адресом Минской ремесленной управы стал дом 24/27 по Соборной площади [45–52]. В точном соответствии с уставом Минская ремесленная управа имела печать с изображением герба города, собственные фирменные бланки, внушительный ряд книг и дел, которые составляли ее небогатое движимое имущество.

Отмена крепостного права и последовавшие за ней буржуазные реформы нанесли серьезный удар по цеховым корпорациям. Капиталистическое предпринимательство не желало считаться с уста-

новленными когда-то правилами. В 1860-е гг. свободное ремесленничество, побеждая в конкурентной борьбе, стремительно разрушало цехи в прибалтийских губерниях. В эти же годы были упразднены ремесленные управления в большинстве городских поселений Юго-Западного края. В 1880-е гг. министерство внутренних дел закрыло цехи, состоявшие из временно-цеховых ремесленников, в ряде городов Минской, Гродненской и Киевской губерний. В 1891 г. прекратили существование ремесленные управления в Виленской, Ковенской, Гродненской и некоторых других губерниях. В 1893 г. министерство внутренних дел провело анкетирование о состоянии цехов, в результате которого выяснилось, что цеховая организация полностью отсутствовала в восьми губерниях Европейской России, в том числе Виленской и Витебской. В течение 1902–1903 гг. министерство внутренних дел упразднило ремесленные управления и цехи в 107 городах. В это число попал и Минск, цеховая организация которого и Минская упрощенная ремесленная управа были расформированы решением хозяйственного департамента Министерства внутренних дел от 11 января 1902 г. Все дела были переданы Минской городской управе [118, с. 100].

Но не все цехи ушли в небытие. К 1905 г. цехи с вечно-цеховыми ремесленниками еще существовали в 34 городах Российской империи. Они были переданы в ведение Министерства торговли и промышленности. Министерство выступило с инициативой реформировать их в свободные ремесленные общества. Для обсуждения этого вопроса в 1911 г. в Санкт-Петербурге был проведен 2-й всероссийский съезд по ремесленной промышленности. В 1916 г. цехи еще сохранялись в 29 городах, пока не погибли в горниле революционных битв и революционного упразднения сословного устройства общества [119, с. 503–504; 110].

Глава 5. Цехи Минской ремесленной управы

... *Тайны ремесла людей мастеровых.*

С.В. Михалков

Статистические сведения о состоянии ремесленной промышленности в Российской империи разрознены и противоречивы. В.И. Ленин был вообще категоричен, отметив, что «вследствие крайне неудовлетворительного состояния нашей экономической статистики никаких точных данных о степени распространения ремесла в России не имеется, отдельные же указания на эту форму промышленности разбросаны едва ли не по всем описаниям крестьянского хозяйства, по исследованиям так называемой кустарной промышленности, попадают даже и в официальной фабрично-заводской статистике» [110, с. 329]. Большое внимание ремеслу уделяла земская статистика. Однако до 1911 г. земств в белорусских губерниях не было. В середине XIX в. около ста ремесленных специальностей объединялись в четыре группы: 1) выпечка хлеба, изготовление кондитерских изделий, приготовление пищи; 2) пошив одежды; 3) производство предметов домашнего обихода; 4) прочие ремесленники. В губернских центрах к последним были отнесены часовщики, переплетчики, настройщики музыкальных инструментов и др. [71, с. 53]. Некоторые авторы называли последних «ремесленниками класса ученых», а сами ремесла – «учеными ремеслами» [124].

Многочисленные строительные рабочие, общее количество и число специальностей среди которых неуклонно росло в условиях динамичного развития городов и промышленности, из цеховой организации еще в 1802 г. были исключены. Ремесленный устав пояснял: «От записки в цех или же в ремесленное общество освобождаются ... мостовщики, землекопы, каменщики, каменотесы, плотники, штукатуры» [33].

Представим перечень цехов в Минске по материалам Минской ремесленной управы с учетом перечисленных четырех групп.

Самой разнообразной по числу профессий, цехов и производимых изделий была группа «производство предметов домашнего

обихода». К этой группе можно отнести металлообработку, производство изделий из древесины, гончарное, стекольное производство, выделку кож и т.д. Одним из самых многочисленных и влиятельных в металлообработке был слесарно-кузнечный цех. В документах 1850-х гг. он значился как слесарно-ковальский, кузнечный, с 1870-х гг. он, как правило, назывался слесарно-кузнечным цехом. Конечно, в XIX в. наследники Гефеста или Вулкана (в римской традиции) порядком подрастеряли романтический и таинственный ореол бога огня, бога-кузнеца, с которым никто не мог сравниться в искусстве ковать. Их непосредственным конкурентом стала мощная металлургическая промышленность, переживавшая во второй половине XIX в. технологическую революцию. Что могли ремесленники в своих тесных кузницах и маленьких слесарных мастерских противопоставить набиравшим силу мартеновскому, бессемеровскому или томасовскому способам литья стали, чугунным горнам с нижним дутьем, 50-тонным паровым молотам Несмита, Моррисона, Конди, падающим на стонные шаботы-основания? Всепожирающим молохом назвал заводское металлургическое производство конца XIX в. А.И. Куприн в одноименной повести «Молох». Описание технологии производства стальных рельсов, Куприн закончил наблюдением: «Сложным движением пятнадцати станков управлял всего один человек, помещавшийся над паровой машиной, на возвышении вроде капитанского мостика» [108, с. 47]. Конечно, Куприн описывал совсем не минские масштабы, но три минских машиностроительных завода тоже были оснащены паровыми двигателями. И, тем не менее, кузнецы-ремесленники держались, не давали себя «вырвать из грядки». Они занимали свою нишу – производство предметов потребления, а не средств производства.

Они были наследниками самого первого минского цеха восьми ремесел. В 1762 г. было подписано соглашение о включении в христианский слесарно-ковальский цех евреев, «што рамясло сваё молотам робяць» [142, с. 14]. С тех пор этнический состав цеха начал меняться гораздо быстрее, чем собственно кузнечное и слесарное дело. Изначально все работники, связанные с металлом, назывались кузнецы, в славянской традиции ковали, те, кто кует, т.е. ударами

молота придает требуемую форму куску металла. На протяжении многих веков белорусские ковали в сыродутных печах с ручными мехами выплавляли тестообразный железный ком, сильно загрязненный шлаком, – крицу. Затем выколачивали из нее железо. Существовало множество способов изготовления из кричного или сварного железа разнообразных изделий. Знали ковали и сталистое железо, и сорта стали, называемые булатом, харалугом. В зависимости от того, что делалось из металла, ковали разделялись на специальности: скобочников, гвоздочников, ножевщиков, денежников, бронников, оружейников, пушкарей, мечников. В средние века особенно ценились изготовители вооружения: шлемов, кирас, кольчуг, лат, щитов, сабель, мечей, пик, аркебуз, боевых топоров, стрел, пушек, ядер и т.д. Вот в чем крылось могущество старинного цеха восьми ремесел. С переоснащением войск и распространением фабрично-заводского вооружения кузнецы, потеряв множество военных специализаций, перешли на мирные изделия, стали ковать «не меч, но плуг». В XIX в. белорусские ковали уже не плавиле железо в малых домницах, а закупали необходимые металлы на рынке и ковали металлические части сельскохозяйственных орудий: сошники, плуги, серпы, грабли, вилы, косы, лопаты; инструменты для ремесленников, в том числе и для своих братьев – кузнецов; бытовые предметы: ножи, гвозди, скобы и др. Кузнецы отливали декоративные решетки для заборов, дверные ручки, крючки, кубки, кружки, тарелки, блюда, ритуальные предметы, являвшиеся настоящими произведениями искусства. Редко какой кузнец не ковал подковы и не подковывал лошадей. В небольших кузницах располагались кузнечный горн с воздуходувными мехами, наковальня с набором подкладок фигурного профиля, набор молотов, молотков и молоточков с профилированными бойками, кузнечные клещи, кусачки, циркули, щипцы, зубила, шарнирные ножницы, резцы, напильники, сверла, пилы, гвоздильни, бородки, обсечки, разные литейные формы (тигли, льячки) и мн. др. Управлял этим обширным хозяйством мастер кузнечного ремесла с несколькими помощниками – подмастерьями и учениками.

В XV–XVI вв. от кузнечного ремесла постепенно отделяется слесарное. Слово «слесарь» происходит от немецкого слова *schloss-er* – замочник, изготавливавший методом холоднойковки замки. Кстати, слесари минского цеха восьми ремесел в качестве шедевра на аттестат мастера должны были сделать два замка: 1) навесной замок для дверей с двумя скобами и двумя ключами, состоящий из 24 деталей, 2) внутренний замок для сундука или шкатулки из 20 деталей. Все детали должны быть выкованы самостоятельно. Интересно, что в соответствии с законом того времени только слесарям разрешалось в Минске отпирать замки по просьбе хозяев, их сломавших или потерявших ключи. Подчеркивалось, что поскольку отпирание замков нарушает безопасность, делать это можно только с разрешения мастера цеха (если этим занимается его товарищ или ученик) и в присутствии хозяина этого места [142, с. 20–21].

Со временем слесари расширили ассортимент изготавливаемой ими металлической продукции. Слово «слесарь» стало обозначать специалиста по ручной обработке металлов, включая операции по сборке и разборке разнообразных машин и механизмов. За ними прочно закрепились ремонтные функции. Среди минских слесарей было много настоящих профессионалов, в том числе и в достаточно редких областях, например, по ремонту аппаратуры для кинематографа, по изготовлению медицинских инструментов.

В разные годы XIX в. в Минске были известны кузницы Абрама Лейбовича Шкляна по Первому Госпитальному переулку, Павла Юльевича Лехерта на улице Сторожевской, Семена Ганича по Плебанскому переулку на берегу Свислочи, Шимона Сагановича на Губернаторской улице [120, с. 385].

В 1890 г. к слесарно-кузнечному цеху относилось 61 заведение, которые разделялись на следующие виды: слесарно-кузнечные (29), кузнечные (24), механические (2) мастерские. Также функционировали специальные мастерские Минского общества сельскохозяйственного склада (1), водопроводной станции (1), Минского начального еврейского ремесленного училища (1) и др. Работала одна оружейная мастерская, располагавшаяся на улице Захарьевской в

доме Гольдберга, владельцем которой был Давид Иосифович Журавский [26, л. 75].

В конце XIX–начале XX в. широкую известность у зажиточных горожан снискала механическая мастерская А.З. Богданова (ул. Захарьевская, 93, дом Стабровского). В ней ремонтировали пишущие и швейные машинки, велосипеды, граммофоны, синематографические аппараты, арифмометры. Выдавали велосипеды напрокат. Оружейно-инструментальная, слесарно-механическая и ортопедическая мастерская И. Гламаза (бывшая И.А. Дроздовского) (ул. Захарьевская, 86, дом Войцеховского) изготавливала хирургические и ветеринарные инструменты, ортопедические аппараты, протезы, чинила ружья, револьверы, велосипеды, никелировала металлические изделия, правила бритвы, точила ножницы, ножи, машинки для стрижки волос [149, с. 338].

Некоторые слесарно-кузнечные заведения были весьма крупными. Например, в конце 1880-х гг. в слесарно-кузнечной мастерской цехового старшины Зикеля Малявского трудилось максимально возможное для мастерской число подмастерьев – 15 и 6 учеников [18, л. 20]. В начале XX в. мастерская З. Малявского, располагавшаяся в собственном доме по Губернаторской улице, по-прежнему процветала. Она изготавливала металлические кровати, посуду, печи без труб, коньки, оружейные принадлежности, электрические звонки, швейные машины, весы, велосипеды, несгораемые шкафы и многое другое [56, реклама].

В разное время на протяжении XIX в. цеховыми старшинами слесарно-кузнечного цеха были такие мастера, как Казимир Любавицкий, Юрий Касиловский, Фома Карлович, Федор Герасимович, Зикель Малявский, Шмугила Азинович Качан и др. [120, с. 385].

Учет специальностей в цехах, призванных объединять и защищать людей одной профессии, всегда был сложным делом. С одной стороны, составные цехи порой объединяли несколько специальностей, с другой стороны, единственные цехи пытались замкнуться в узкой специализации. Ни в первом, ни во втором случае четкости не было. За понятием «узкоцеховая специализация» тянулся шлейф отрицательного отношения. Слесарно-кузнечный цех объединил в

себе множество специализаций, но при этом в Минске также существовали медный, токарный цехи, цех жестяных дел, отдельно кровельно-жестяной цех.

В старину из меди делали котлы. Ремесленники по их изготовлению назывались котлярами. С расширением медного ассортимента более подходящим для профессии стало слово «медник». В 1890 г. в Минске работали 15 мастеров-медников, владевших собственными медными мастерскими. Ни подмастерьев, ни учеников у них не было. Старшиной медного цеха был Нохим Берман [26, л. 108].

Токари занимались механической обработкой различных твердых материалов: металла, дерева, кости и др. К концу XIX в. в механических мастерских Минска насчитывалось до десяти токарных и сверлильных станков [149, с. 58]. В 1890 г. к токарному цеху были отнесены 16 мастерских, 3 из которых были мастерскими такого редкого ремесла, как зонтичное. В каждой из них трудился единственный мастер – он же владелец. Это были Бенциан Мовшевич Ватман, Ехель Сролевич Ратынич и Евель Абрамович Писчиков. Эти три мастера производили и ремонтировали зонты, так необходимые минчанам в дождливую погоду [26, л. 9].

Жесть – это тонкое листовое железо. Его можно оцинковывать, никелировать, что защищало его от ржавчины и придавало особо прочные свойства и красоту. Из такого железа делали самовары, ведра, корыта, тазы, стиральные доски и прочие необходимые в быту изделия. В 1890 г. в жестяном цехе насчитывалось 52 мастера, подмастерьев и учеников у них не было [26, л. 115]. Мастера цеха жестяных изделий трудились, например, в Московской мастерской В.Я. Цапкина (ул. Преображенская, 28, дом Френкеля). Жестянщики мастерской производили никелирование самоваров, лужение и починку металлических изделий. Изготовление жестяных листов, которыми покрывали крыши, и собственно сам процесс их укладки и закрепления на крыше, требовал особой сноровки, чего добивались мастера кровельно-жестяного цеха. Но были и всевозможные совмещения, уже трудно сказать, с ведома или без ведома цехов. Например, мастерская механических изделий М.С. Позняка (угол ул. Петропавловской и Юрьевской, 20/9, дом Аксельрода) чинила

примусы, изготавливала жестяные, медные и цинковые изделия, производила кровельные работы [149, с. 338]. Узкоцеховая специализация всегда вступала в противоречие с потребностями рынка. В 1900 г. в Минске насчитывалось 143 металлообрабатывающих мастерских. В точном соответствии с правилами ремесленного производства в них не было ни одного механического двигателя [116].

Металлисты, как правило, носили черные или темные блузы, напоминавшие известную блузу Льва Толстого, длинную, со складкой на плечах и спине. Плотную хлопчатобумажную ткань с выделкой в рубчик, из которой ее шили, называли чертовой кожей. Из нее же специально для работы шили брюки, но чаще донашивали брюки от отслужившего век костюма. Поверх рубашки надевали жилет. Своеобразным фирменным знаком был передник с нагрудником из кожи, клеенки или парусины, принимавший на себя копоть, гарь, масляные смазки их огненного ремесла [126, с. 125].

Особняком в цеховой организации всегда стояли ювелиры. Один из их цехов, связанный с металлообработкой, назывался серебряный и золотницкий. На заре своей цеховой истории минские злотники «из-за малой лічбы майстроў у месте» входили в цех восьми ремесел. Вскоре «з ласкі божай людзі таго рамесла в месте нашым Менску значна памножыліся». 31 мая 1615 г. они получили привилей на основание собственного цеха. В разное время на белорусской земле жили и творили выдающиеся мастера: Лазарь Богша, создавший знаменитый крест Евфросинии Полоцкой, Гирш Лейбович, работавший в XVIII в. на князей Радзивиллов и прославившийся своими гравюрами. В 1645 г. минский ювелир Матис Людвик Бальцерович получил королевский привилей за то, что «ў рамесле злотніцкім не паследнюю бегласць і ўмеласць выявіў». Согласно привилею он был причислен к разряду королевских слуг, получил право беспощинной торговли различными изделиями злотницкого ремесла на всей территории Речи Посполитой. Его каменный дом в Минске навсегда освобождался от постоев разных лиц. Неоднократно избирался старшиной цеха и на должности минского городского управления [142, с. 48–49].

Если любое ремесло созвучно искусству и в своих лучших образцах может быть причислено к нему, то ювелирное мастерство само есть вид декоративно-прикладного искусства. Ювелир как мастер по изготовлению ювелирных изделий – это художник, владеющий и секретами своего ремесла и художественным вкусом. В русский язык слово «ювелир» пришло от латинского *jocellum* – драгоценность, немецкого *juwelier* – драгоценный камень, французского *joaui* – сокровище. Сырьем для ювелира являются драгоценные металлы и драгоценные камни. Название минского цеха серебряный и золотницкий говорит о предпочтении двух металлов. В работе с ними ювелир был своего рода кузнецом-металлообработчиком только в меньших масштабах. Недаром ювелиров порой называли кузнецами по золоту и серебру. Они применяли такие виды обработки, которые сами по себе являются профессиями в металлургии: литье, прокатка, распиловка, гибка, пайка, опилка, волочение, шлифовка, полировка и др. Для украшения изделий применялись истари сложившиеся виды техники: чеканка, гравировка, позолота, чернь, инкрустация, эмаль, травление, резьба, филигрань / скань (напаивание художественного орнамента из тонкой проволоки), зернь (напаивание крохотных шариков) и др. При этом набор традиционных ювелирных инструментов во все времена был невелик. Небольшой по своим размерам обычный рабочий стол обязательно имел особым образом устроенную часть – финагель. Сидя за ней, в своем «колдовстве» ювелир использовал ригель, миттельгриф-редхен или проще мелиграф-накатку, граверный шар, штихель. Индивидуальные особенности мастера могла выдать так называемая третья рука – приспособление для фиксации изделия.

Работа с драгоценными металлами предполагала от мастера особой точности в мерах, применительно к золоту и серебру – в пробе в соответствии с установленными государством правилами и под строгим контролем соответствующих государственных органов. Неслучайно ремесленный устав содержал специальный раздел «Особенные правила о мастерствах золотых и серебряных дел». Начинался он с описания устройства пробирных палаток (сегодня па-

лат), которые назначались «для испытания золота и серебра в слитках и изделиях, обращающихся в торговле, и удостоверения публики в верности внутреннего достоинства оных (пробы), наложением установленного правительством знака (клейма)» (ст. 258). Пробирные палатки находились в ведении министерства финансов и учреждались во всех городах, где имела торговля драгоценными металлами и производились золотые и серебряные изделия. Пробирные палатки разделялись на местные, окружные и главные. Во всех палатках определялись пробы и ставились клейма, но окружные и главные должны были еще контролировать нижестоящие. Главных пробирных палаток было две: в Санкт-Петербурге и Москве. Окружные палатки были учреждены в 11 крупных губернских городах, в том числе в Вильне. К ним были приписаны более 50 местных пробирных палаток. Так к Виленской пробирной палатке были отнесены Виленская, Гродненская, Минская, Ковенская, Могилевская и Витебская местные пробирные палатки (ст. 266). Окружная Виленская палатка находилась в ведении Санкт-Петербургской главной палатки. Главное управление всеми пробирными палатками было сосредоточено в департаменте горных и соляных дел. На работников пробирных палаток – пробиреров возлагалась особая ответственность за честность своей работы. Им строжайшим образом запрещалось вступать в сделки с мастерами-ювелирами, фабрикантами, торговцами золотом, продавать им драгоценные металлы.

Все ювелиры: и фабриканты, и ремесленники должны работать с пробирной палаткой, для чего быть записанными в ее особых книгах. В случае открытия собственного ремесленного дела необходимо было иметь еще разрешение от общей ремесленной управы. Таким образом, для того чтобы мастер-ювелир мог открыть свою мастерскую в Минске, он должен быть членом серебряного и золотничьего цеха, только в этом случае он мог иметь дозволение от Минской ремесленной управы, а также быть записанным в Минскую пробирную палатку.

Согласно ремесленному уставу устанавливались следующие пробы: 1) для золотых вещей разного рода 56-я, 72-я, 84-я и 94-я; 2) для волоченного и плющеного золота, позолоты только 94-я; 3) для

серебряных изделий 84-я, 88-я и 91-я; 4) для волоченного и плющеного серебра 94-я; 5) для сусального золота и серебра от 94 до 96-й (ст. 294) [33].

В 1890 г. в Минске функционировали 17 золото-серебряных ювелирных мастерских. Две мастерских, относившихся к цеху, занимались производством печатей. Их владельцы-мастера значились как резчики печатей [26, л. 114].

Самостоятельный ремесленный цех составляли ювелиры, работавшие с драгоценными камнями. Он назывался «гранение драгоценных камней». Для того чтобы камень заблистал всеми своими гранями, наполнился чарующим светом и стал представлять художественную ценность, он должен быть подвергнут специальной обработке – огранке и полировке. Мастера-огранщики применяли два основных способа обработки. Во-первых, изготавливали кабошоны – придавали верхней части камня округлую форму. Во-вторых, практиковалась фасетная огранка – придание камню плоских гладких граней. Существовало множество видов фасетной огранки, начиная от «розы» с 12 или 24 гранями, и заканчивая роскошной бриллиантовой огранкой из 57 граней. После сложных геометрических расчетов и умелых точных действий получался гравированный камень – гемма. Геммы с углубленными изображениями назывались инталии, с выпуклым рельефом – камеи.

На стыке между металлообработкой и ювелирным мастерством располагалось искусство гравировки, которым владели мастера граверного цеха. Граверы наносили рисунки или надписи на твердые материалы, прежде всего металлы. Особенно популярной была гравировка на меди. Граверам приходилось делать множество фирменных и должностных знаков и блях, например, блях сотских, десятских и сельских старост, лесников и т.д. Модными у горожан считались гравированные таблички для дверей. В широком употреблении были металлические гравированные штампы.

Не был обделен заказами минчан известный гравер и ювелир Я.М. Изгур (ул. Захарьевская, д. 83 против кирхи). В своих рекламках он отмечал, что «на продажу и на заказ производит золотые, серебряные, бриллиантовые изделия, монограммы, факсимиле»,

«премирован на выставках медалями» [56, реклама]. В 1890-е гг. он был старшиной серебряного и золотницкого цеха [26, л. 114]. По Губернаторской улице располагалось «граверное производство и фабрика каучуковых и литографических штампов И.З. Изакова» [56, реклама].

Традиционным видом ремесла на белорусских землях была обработка древесины. Это был весьма распространенный сельский промысел. Если слесари и кузнецы выживали в конкурентной борьбе с металлургической заводской промышленностью, то главную конкуренцию городской деревообработке составляли сельские умельцы, на протяжении многих веков научившиеся делать все необходимое для деревенской жизни, начиная от сельскохозяйственных орудий и незатейливых средств передвижения, и заканчивая многочисленной домашней утварью. В этих условиях городские ремесленники специализировались на максимально сложных изделиях, например, транспортных средствах, богатой мебели, и на том, что более распространено в городском быту.

Разнообразные деревянные изделия, произведенные с помощью секретов нескольких специализаций, изготавливались мастерами столярского и стельмахского цеха. Слово «столяр» пришло в славянские языки от татарского «оста», или во множественном числе «осталар», что означает мастер. У столяра более точная и сложная работа, чем у плотника. Если задача плотника в основном заключается в том, чтобы сделать из дерева доски, то задача столяра состоит в том, чтобы превратить их в двери, окна, лестницы, мебель. Столярский инструмент доходит до ста наименований, среди которых выделяются инструменты измерительные, раскроечные, сверлильные, резбонарезные, вспомогательные и др. Как и в те времена, так и сегодня в распоряжении столяра буравчик, верстак, долото, лобзик, рубанок, фуганок, ручная пила, стамеска, цикля, тесло, топор, ножовка, коловорот, угольник и др. Немецкое слово *stellmacher* – колесных дел мастер – закрепилось и в славянских языках. Стельмах специализировался на изготовлении средств гужевого транспорта. Результатом работы его умелых рук были теле-

ги, брички, двуколки, дрожки, колымажки, шарабаны, сани, возы и т.д. и то, благодаря чему они передвигались, полозья и колеса.

Пока не найдены документы, проливающие свет на историю этого цеха. Но в распоряжении историков есть печать 1787 г., на которой изображены корона и характерные столярские инструменты, обведенные круговой надписью на польском языке: «pieczenc * sehowa * stolarska * istlmaska * tiesilsk * minsk». Третья специальность цесляр / тесляр – это плотник. В сохранившихся документах строго фиксировались разграничения профессий столярской и плотницкой как более низкой и простой в ремесленной иерархии. Например, пишется, что «цеслі маглі рабіць толькі труны (гробы) простыя для людзей убогіх». Все остальное находилось в компетенции столяров. В цех еще входили ложевщики / ложечники. Они производили не ложки для еды, а специальные подставки – ложки для огнестрельного оружия. Высшим органом самоуправления цеха была ежегодная Николаевская сходка, собираемая в конце года, на которой избирались цеховой старшина, мастера, ревизор и писарь. Претенденты на звание мастера приносили свои шедевры. Упоминается и еще одна интересная деталь. Молодые мастера, недавно получившие свое звание, должны были дважды в неделю приходиться к старшине цеха и выяснять не нужны ли они для каких-либо общецеховых дел. Кто забывал об этой обязанности, платили штраф – два фунта воска [142, с. 101–103]. Все это, включая забывчивость, сохранилось и век спустя, разве что штрафы выплачивались деньгами.

В XIX в. стельмахи столярского и стельмахского цеха специализировались на простых средствах транспорта для простого народа. Более сложные перешли к двум специализированным цехам: экипажному и каретному. Экипажный цех порой значился в документах как экипажно-малярный. В основном в цехе производились экипажи, используемые для городского извоза: одноконные оглобелные экипажи, дышлового парные и оглобелные троечные экипажи, линейки, или «волчки». Последние могли перевозить 10–14 пассажиров, сидевших спиной друг к другу. Впереди у них были таблички, определявшие маршрут движения по прямой

(отсюда и название «линейка»). Линейки оставались широко распространёнными даже с появлением конки [93, с. 5]. Покраска была завершающей частью работы по изготовлению транспортного средства. Спицы и ободья колес городских коммунальных экипажей красились в Минске в красный цвет [149, с. 127]. Самым престижным экипажем – большим закрытым четырехколесным и на рессорах – была карета. Особенности их изготовления владели мастера каретного цеха. Известностью в Минске пользовалась каретная мастерская Л.Я. Лейбмана, находившаяся по адресу ул. Преображенская, 36. Она была основана в 1863 г. Производила и ремонтировала экипажи различных типов, натягивала резиновые шины на колеса [149, с. 334]. В 1890 г. производством и покраской экипажей в Минске занимались 22 мастерские, включая вышеназванную. Поскольку работы отличались большой сложностью, в некоторых мастерских трудились несколько мастеров. Например, в мастерской С. Иоселева числилось 4 мастера. Но были и редкие случаи для любого цеха, когда владельцами мастерских были подмастерья. Например, подмастерье Я.М. Поляк держал экипажно-малярную мастерскую [26, л.125].

Вплоть до начала XX в. гужевой транспорт играл в Минске большую роль. Желавшие заниматься извозом должны были получить свидетельство полиции о благонадежности и ежегодно платить в пользу города специальный налог. Согласно городским правилам об извозном промысле «к занятию извозным промыслом как и к езде по городу в качестве извозчиков допускаются лица не моложе 18-летнего возраста, доброго поведения, трезвые и здоровые» [48, с. 146]. Легковые извозчики перевозили пассажиров, ломовые – грузы. В 1884 г. в Минске насчитывалось 348 извозчиков [13, л. 1–54], в 1889 г. – 527, в 1904 г. – 971, в 1914 г. – около 2 тысяч [149, с. 44–45]. Этим промыслом занимались и горожане, и приезжавшие на заработки из близлежащих сел крестьяне. Промышленные и торговые предприятия для перевозки грузов могли нанимать собственных извозчиков. Легковые экипажи, как и пассажирские поезда на железных дорогах, были поделены на три разряда. К первому разряду относились одноконные оглобельные

экипажи и кареты на резиновом ходу, запряженные ухоженными лошадьми для выезда, которые могли нанимать состоятельные горожане. Это была извозчицья «аристократия», так называемые лихачи. Ко второму разряду были причислены дышловые парные и оглобельные троечные экипажи. Однодневный заработок извозчиков первого и второго разрядов доходил до 3 рублей. Извозчики третьего разряда, так называемые гарцуки, предлагавшие пассажирам нехитрые тряские пролетки, колымажки, простые сани, и ломовые зарабатывали гораздо меньше. Одевались они бедно, неопрятно. Труд извозчиков был не из легких, имущественное положение тяжелым. Многие извозчики, особенно ломовые и легковые третьего разряда, попадали в настоящую зависимость от каретных мастерских, в которых надо было регулярно ремонтировать экипажи. Надолго в памяти горожан остался такой случай. Когда выходила замуж дочь одного из каретников, за свадебной процессией на Соборной площади выстроились почти все извозчики Минска, стараясь угодить мастеру [149, с. 44]. Зато неплохо себя чувствовали хозяева извозчиков. Некоторые из них нанимали по несколько ездовых, большинство же занимались извозом лично. Об имущественном положении хозяев извозчиков говорит такой факт. В 1884 г. из 258 хозяев извозчиков 152 имели собственные дома [13, л. 1–54].

Извозчики настороженно, а порой и враждебно встречали появление в городе новых видов транспорта. Велосипеды и автомобили они называли пугалом прохожих, с недоверием смотрели на конку, жалели лошадей, когда им приходилось тянуть вагончик на подъем, сочувствовали жертвам несчастных случаев по вине конки – «костоломки». Но в конце XIX в. извозчики были еще вне конкуренции. Велосипеды использовались горожанами в основном для развлечения. Собственными выездами располагали губернатор, архиепископ и несколько богачей, главным образом помещиков, останавливавшихся в городе на какое-то время [149, с. 44–45, 126–127]. Всех остальных обслуживали извозчики, благодаря которым текла и деловая, и культурная жизнь развивающегося Минска.

С развитием городской моды на мебель, усложнением запросов горожан, возрастанием возможностей богачей из мастеров-столяров оформился отдельный мебельный или столярно-мебельный цех. Цех был весьма многочисленным. В 1890 г. к нему относились 134 мастера. Около 30 из них называли себя христианами [26, л. 22]. Широко распространившаяся мягкая мебель нуждалась в обивке. Появился обойно-мебельный цех. Его мастерам принадлежало в Минске 15 обойных мастерских. Причем работали они в основном самостоятельно, без подмастерьев и учеников. Только у старшины цеха Ошера Израилевича Короткина было два наемных работника. Три мастерских выполняли заказы исключительно некоего Дурмашкина [26, л. 110]. Мастера-мебельщики старались идти в ногу со временем, выписывали модные мебельные каталоги и журналы, следили за новинками и предлагали минчанам современную продукцию.

Их собратья по деревообрабатывающему ремеслу – бондари, напротив, продолжали стойко держаться традиций. Мастера бондарного цеха изготавливали посуду из клепки – узких длинных тщательно выструганных дощечек. «Клип тесать – мастерство казать» – гласила известная пословица. Несмотря на то, что само слово «бондарь» обозначает мастера по изготовлению бочек, бондари никогда не ограничивались бочками. В ассортимент производимой ими продукции входили ведра, ушаты, шайки, кадки, балеи, дежи и более сложные изделия, например, маслобойки. В 1890 г. в Минске работали 19 бондарных мастерских. Старшиной цеха был К. Врублевский [26, л. 6]. В 1899 г. в Минске насчитывалось 70 ремесленников, производивших деревянную посуду [121, с. 120]. С XI в. бондари применяли токарный станок для обработки дерева, с помощью которого делали так называемую точеную посуду: ложки, блюда, чаши, ковши, а также прялки-точенки, веретена, детали мебели, игрушки. В 1899 г. 9 минских токарей по древесине продали товаров из карельской березы на сумму 15 тысяч рублей [121, с. 120]. Точению предшествовала такая операция как долбление. Ограничившись ею, бондари могли произвести ульи, баклаги. Но вернемся к посуде из клепки. Дежа –

это специальная емкость для опары. Она традиционно применялась в крестьянском быту. Но городские хозяйки для приготовления теста могли пользоваться и другой посудой. Без чего они в XIX в. никак не могли обойтись при выпечке хлеба и булок, так это без решета или сита для просеивания муки. В зависимости от того, как была просеяна мука, хлеба разделялись на ситные и решетные. Сито отличалось густой сеткой, решето – более редкой. Неслучайно в поговорках о бесцельном труде, забывчивости, чем-то нелепом приводится образ решета, имеющего сетку с крупными ячейками: «решетом воду носить», «голова как решето», «чудеса в решете». Хлеб из муки, просеянной сквозь сито, ситный, считался более вкусным, богатым, праздничным. Соответственно решетный хлеб был проще и беднее.

В 1883 г. в Минске был учрежден самостоятельный, как было записано в документах, «особый» ситно-решетный цех [8, л. 85]. Его образовали пять мастеров – минимальное количество, необходимое для провозглашения цеха. Это были три родных брата Малявских: Иосиф Игнатъевич, Лаврентий Игнатъевич и Андрей Игнатъевич, а также Викентий Иванович Мазурик и Лука Адамович Иванчик. Все они приехали в Минск из города Грубешова Люблинской губернии. Очевидно хорошо знали друг друга. Может и переехали с целью открытия мастерских и организации цеха в удобном для себя месте. Наняли пятерых работников. Братья Малявские поселились на Алесандровской улице в одном доме Цукермана. Лаврентий Игнатъевич стал старшиной цеха [26, л. 66].

Несмотря на широкое развитие фабричного производства спичек, в 1887 г. в Российской империи насчитывалось 360 спичечных фабрик, только в Минске к тому времени работало 6 фабрик, в Минске существовал спичечный цех. Он занимался изготовлением малых партий самых разнообразных, в том числе сувенирных спичек. На вторую половину XIX в. приходится время расцвета оформительского искусства этикеток на спичечных коробках, или, как тогда говорили, этикета. В настоящее время они стали предметом особого вида коллекционирования – филумении. Кстати, спичечный этикет с 1889 г. утверждался правительством, о

чем свидетельствовала специальная надпись: «Этикет утвержден правительством». Рисовальщики и резчики, создававшие миниатюры спичечных этикетов, были настоящими художниками. К сожалению, они не ставили факсимиле под своими работами, практически не сохранилось их имен. Известно, что в Минске заказы на изготовление спичечных этикетов выполняла литографическая мастерская Н.Т. Корчака [68, с. 94].

Ни одно поселение, ни один город не могли обойтись без ритуального ремесла изготовления гробов. Популярный роман «Двенадцать стульев» И. Ильф и Е. Петров начали с описания уездного города N, в котором «было так много парикмахерских заведений и бюро похоронных процессий, что казалось, жители города рождаются лишь затем, чтобы побриться, остричься, освежить голову вежеталем и сразу же умереть» [100, с. 4]. В Минске тоже был цех гробовщиков. В книгах Минской ремесленной управы в перечнях цехов часто друг за другом шли цехи гробовщиков и гребенщиков. Написанные малоразбочивым почерком они вообще с первого раза прочитывались одинаково, и только, приложив усилия, можно было отделить гребни от гробов. А то и про Минск можно было подумать, что горожане, казалось бы, только и живут для того, чтобы расчесываться и умирать. Многие гробовщики работали, например, по заказам похоронного бюро И.И. Эйгирда (ул. Петропавловская, 40) [149, с. 336].

Со времен неолита на белорусских землях распространилось гончарное ремесло. Первоначально посуду лепили из глины вручную без гончарного круга и без какой-либо термической обработки. В глину для прочности и красоты добавляли сухую траву, лубяные волокна, толченые раковины, песок. В X в. на белорусских землях появляются первые гончарные круги. Вскоре глиняные изделия для придания прочности начинают обжигать. Название ремесла происходит от слова «горн», «горан», «гарно», означавшего печь для обжига. Основной материал в гончарном деле – глина. В старину, да и в XIX в. ее добывали открытым способом, выкапывая глинища, расположенные по берегам водоемов, на склонах холмов недалеко от гончарной мастерской. Добытый материал

привозили во двор, складывали кучей (гурбай, грудай) на землю, или на место, огороженное жердями, заливали водой и оставляли на долгое время киснуть. Затем переносили в помещение, добавляли воду и специальные компоненты по усмотрению мастера: песок, пережженные и перемолотые камни и т.д., чтобы глина стала менее жирной и более стойкой, тщательно вымешивали руками, ногами, помогая инструментами долбнями, стругами, толкачами. Добивались получения однородной тестообразной массы, шелкавшей под ногами. Потом на гончарном круге начиналось таинство формовки изделия. С одной стороны, мастер добивался определенной задуманной формы, с другой стороны, выдерживал толщину изделия. Для бытовой посуды она традиционно составляла около 5 миллиметров. Руки нужно было постоянно смачивать водой, чтобы они хорошо скользили по глиняной поверхности. Все операции производились плавно без скачков в несколько проходов. Далее в течение 2–3 дней следовала сушка изделий на специальных полках под потолком, а летом в хорошую погоду на улице. Завершающим этапом был обжиг в специальных горнах разнообразной конструкции или обыкновенных домашних печах. Обжиг был делом трудоемким и требовал высокого мастерства и сноровки. Для придания обожженным изделиям особых свойств их могли подвергнуть дополнительной обработке: вощению, обвару, дымлению, покрытию стеклянкой глазурью. Так и трудились гончары. Их еще называли горшечниками. В 1890 г. к горшечно-мулярному цеху относились 44 мастера и 58 подмастерьев. Мастера были в основном зажиточными людьми. Более 30 из них жили в собственных домах [26, л. 127]. В 1899 г. только 10 минских гончаров-горшечников продали глиняной посуды на 12 тысяч рублей [121, с. 120].

21 апреля 1636 г. король Владислав IV подписал привилей и статут гончарского, мулярского и цеслярского цеха Минска. Мулярами называли каменщиков и печников, а мулярством – строительство из камня, глины в отличие от плотницкого строительного ремесла – цеслярства. Спустя 30–40 лет плотники вышли из цеха и присоединились к столярам и стельмахам. На цеховой печати, датируемой 1650–1670-ми гг., сохранилась надпись на польском языке: «piezec

mularska i ganczarska minsk» [142, с. 69]. Название дошло до XIX в.: мулярный и гончарный цех. Муляры XIX в. занимались в основном печным делом, т.к. каменщики, считавшиеся строителями, были выведены из цеховой организации. В материалах Минской ремесленной управы встречаются вышеупомянутый горшечный или горшечно-мулярный цех и отдельно мулярный, иногда мулярно-гончарный и мулярно-красильный цехи.

Хозяйство у минских муляров было большое. На рубеже XIX–XX вв. только богатые доходные дома, некоторые государственные учреждения в центре города были снабжены центральным водяным отоплением, электроосвещением, ваннами и телефонами. Каминь, выложенные узорчатой кафельной плиткой, использовались в них больше для украшения. Все остальные здания города, особенно деревянные дома на окраинах, отапливались исключительно печами. В 1896 г. в Минске насчитывалось 7476 домов, включая нежилые, которых было чуть более 20% [149, с. 92]. На них приходилось более 55 тысяч печей с трубами [149, с. 118]. Эти печи нужно было построить, затем регулярно ремонтировать и красить, поддерживая в рабочем состоянии.

А печные трубы давали работу людям еще одной специальности – трубочистам. В 1890-е гг. были разработаны и утверждены специальные городские правила о трубочистах. Согласно им мастера трубочистного цеха обязывались регулярно предоставлять в городскую управу список всех трубочистов и их подмастерьев. «Списки эти публикуются во всеобщее сведение». Например, Памятная книжка Минской губернии на 1896 г. приводит «список трубочистов, имеющих право для очистки дымовых труб по городу Минску» в составе 20 мастеров и 15 подмастерьев (см. таблицу № 9 в приложении). Среди правил, касающихся профессиональной деятельности, приведем такие: «Трубочист обязан осматривать и очищать у домовладельцев все дымовые трубы от топочных печей 2 раза в месяц, а от кухонных и тех, в которых производится сильная топка, 1 раз в неделю. Сажа в дымовых трубах должна быть тщательно соскребаема или отбиваема. Узкие дымовые трубы очищаются посредством опускаемых в трубу простых метел на веревке с шаром, а

также посредством частого выжигания в присутствии городской пожарной команды. Сажа должна быть устраняема также из дна дымовой трубы. Все орудия очистки дымовых труб, как-то: метлы, арканы, щетки, скребки и проч., а также материалы, необходимые для выжигания дымовых труб, трубочист обязан заготавливать на свой счет, иметь в достаточном количестве и исправности. Трубочист обязан добросовестно исполнять свои обязанности, отлучаться из города он может, лишь оставив заместителя, о чем должен заявить домовладельцу» [47, с. 208]. Минский цех трубочистов был весьма неординарной организацией, нередко становившейся объектом широко обсуждаемых городских новостей и сплетен.

В XIX в. все возрастающим спросом у населения пользовалось стекло. При бурном строительстве постоянно требовались оконные стекла. Быт уже невозможно было представить без стеклянных колб для керосиновых ламп, абажуров, люстр, стеклянной тары, посуды, сувенирных изделий. Но вплоть до конца XIX в. стекло вырабатывалось вручную. Даже с появлением в 1870–1880-х гг. стеклоплавильных печей технология производства стеклянных изделий оставалась ручной. Стеклодув по-прежнему их выдувал. Лишь в начале XX в. в Англии был пущен первый автомат М.Д. Оуэнса для выпуска бутылок, так же в Англии был разработан первый механический способ изготовления листового стекла, бельгийский изобретатель Фурко сконструировал машину по изготовлению оконного стекла [80, с. 68–69].

Стекольные заводы появились в Минске достаточно поздно. В 1899 г. был открыт стекольный завод Г.Я. Сыркина, продукция которого попыталась удовлетворить возросший спрос на стеклянную тару после введения государственной винной монополии в 1896 г., запретившей продажу спиртных напитков на розлив. В 1907 г. приступил к производству стекольный завод И.С. Ботвинника. Они были оснащены стекловаренными печами, но орудий-автоматов не имели [149, с. 271]. Минские мастера-стеклодувы были нарасхват. Они продолжали трудиться и самостоятельно. Постоянным спросом у минчан пользовалась продукция стекольного и стекольно-гребенщицкого цехов. В 1890 г. только к стекольному цеху относи-

лись 17 стекольных мастерских, в которых трудились по одному мастеру без работников. Старшиной стекольного цеха был Шмуйло Шаевич Гальперин [26, л. 111].

Также в Минске работал зеркальный цех. Первые зеркала в Европе в XIII в. выдувались как шары, потом их разбивали или резали и использовали вогнутую поверхность. В XVI в. научились делать привычные плоские зеркала. Для получения зеркального стекла использовалось обыкновенное листовое стекло, которое шлифовалось и полировалось. В конце XIX в. были изобретены специальные шлифовальные и полировальные машины для производства зеркал, но многие ремесленники обходились без них, совершенствуя свое мастерство. До 1870-х гг. использовались зеркала, покрытые оловянной амальгамой – сплавом, содержащим ртуть. Мастерам-ремесленникам приходилось иметь дело с ядовитыми парами ртути, приводившими к отравлениям. К тому же такие зеркала давали бледное отражение. В 1870-е гг. от оловянной амальгамы стали отказываться в пользу серебряного покрытия. Мастер, получив в результате сложной химической реакции серебро, наносил его тонкой пленкой на поверхность стекла. Чтобы нежная серебряная пленка не повредилась, ее покрывали слоем краски или лака [80, с. 19, 69].

В споре о том, какое ремесло древнее, выделка кожи вполне может претендовать на одно из первых мест. Первобытные люди разделяли туши добытых на охоте животных, снимали с них шкуры, соскребали мясо, мыли, сушили. Несмотря на появление самых разнообразных материалов, в том числе и искусственных, натуральные кожи и меха по-прежнему популярны и продолжают широко использоваться. В кожевенном ремесле существовало множество специализаций, не все из которых дошли до XIX в.

Первыми свой цех в Минске учредили рымари. Произошло это 21 мая 1622 г. Рымари – это кожевники-сыромятники, которые изготавливали кожи и делали из них разнообразную конскую упряжь, покрытия для повозок, карет, колясок, дрожек и т.д., т.е все, что связано с верными спутниками людей – лошадьми. В рымарский цех XVII–XVIII вв. также входили мастера седельники, делавшие седла по классификации тех времен французские, гусарские, кры-

тые немецкие, татарские кульбаки или турецкие; пояски, изготовливавшие пояса и ремни; ольстерники, производившие кожаные чехлы, футляры и кобуры для оружия. В цех также входили меховщики и гофтары – мастера золотого шитья, доводившие изделия до художественного совершенства и богатого вида [142, с. 51]. В конце XIX в. мастера цеха рымарей в основном производили конскую упряжь и седла. Из их умелых рук выходили такие элементы сложной упряжной системы, как уздечки, хомуты, постромки, седелки с чересседельниками и подбрюшниками, шлеи, вожжи и т.д. для одноконной, пароконной, дуговой, бездуговой конной упряжи. Трудились они и над седлами. В XIX в. в моде были английские, французские, немецкие, венгерские и казачьи седла. Интересно, что римляне – жители могущественной Римской империи – не знали седел, впервые увидев их у варварских племен. Рымарей также называли шорниками, но кроме того шорники представляли собой отдельную специализацию. В узком смысле шорник – это мастер по изготовлению шор – боковых наглазников для лошадей, которые ограничивали поле их зрения. При еще весьма широком распространении гужевого транспорта в конце XIX в. рымари и шорники были востребованной ремесленной специальностью. Помимо рымарского цеха в Минске функционировал самостоятельный шорный цех. В 1890 г. в цех входил 21 мастер, занятый в мастерских трех видов: шорного, чемоданного и портмонетно-саквояжного производства. Старшиной шорного цеха был Андрей Иванович Яновский [21, л. 43]. Уже после упразднения цеховой организации известность у минчаннискало шорно-седельное заведение И. Мацевского, основанное в 1905 г. Оно отошло от основной специализации, и помимо седел и упряжи, изготовливало сумки, чемоданы и другие изделия из кожи [149, с. 334].

Выделкой разнообразных кож занимался кожевенный / коженый цех. Его ремесленникам, державшимся старинных способов выделки кожи с помощью растительных дубильных материалов, все труднее было конкурировать с кожевенным фабричным производством, освоившим индустриальные технологии и химические способы дубления. В 1880–1890-е гг. был внедрен ускоренный способ

дубления кожи солями хрома [80, с. 73]. В Минске было открыто несколько кожевенных заводов. Так, кожевенный завод Л. Монтевелинского, работавший с 1875 г., специализировался на выпуске сыромятных и подошвенных кож. На заводе бывшего ремесленника А.В. Имрота, построенного в 1885 г., была налажена четкая специализация труда и организовано обувно-заготовительное отделение. Кожевенный завод Б.М. Лане, учрежденный в 1891 г., специализировался на производстве лайки из бараньих и жеребьих шкур. Его продукция шла в Москву, Варшаву, Вильно, Петербург, Екатеринбург и другие города. Работали крупные кожевенные заводы Л. Сутина и Е.Э. Гольдберга [149, с. 266–267]. Кожевенный цех держался из последних сил в отличие, например, от ткацких цехов, которые в XIX в. полностью исчезли, вытесненные фабричным прядильно-ткацким производством. В 1890 г. в нем насчитывалось всего 9 мастеров, среди которых значился и Август Имрот [26, л. 144].

Крупным потребителем кож всегда было производство обуви. К концу XIX в. в Европе весь технологический цикл производства обуви был полностью механизирован на основе специальных обувных швейных машин. Сложилась кожевенно-обувная промышленность. Однако в России, в том числе и в белорусских губерниях, обувные фабрики только появлялись, их было совсем немного, к тому же до 80 % производственных операций выполнялись на них вручную [80, с. 73]. Обувь же в основном производилась артелями, кустарями-одиночками и цеховыми ремесленными мастерскими. Самым распространенным образом кустаря-одиночки как раз и был сапожник, сидевший на улице за сапожной колодкой и прибававший набойку на стоптанный каблук латанного-перелатанного сапога. Такие одиночки по причине бедности не могли открыть мастерскую с вывеской, нанять подмастерьев и учеников. Они сами охотно выполняли заказы крупного капитала или нанимались на фабрики. В начале XX в. в Минске стали открываться обувные фабрики. В 1910 г. товарищество русско-американского механического производства обуви с участием и в доме Х.М. Переца открыло обувную фабрику «Орел», так же в 1910 г. была открыта обувная фабрика

«Труд» Г.И. Гольдберга, в 1912 г. приступила к производству фабрика «Быстроход», учрежденная Московским акционерным обществом «Шеврохром». Интересно, что три обувные фабрики выросли из обычных сапожных мастерских, относящихся к минскому сапожническому или сапожному и башмачному цеху [149, с. 267–268]. Так, мастер-сапожник М.И. Зибицкер в 1875 г. открыл сапожную мастерскую. В 1912 г. он выписал из-за границы машины для механического производства обуви и учредил обувную фабрику «Русь». Цеховой мастер Берлянд, открывший мастерскую в 1895 г., уже в начале XX в. смог превратить ее в фабрику, которая в 1913 г. перешла к К.А. Слепяну. С 1871 г. работала сапожная мастерская М. Цитвера, которая тоже в начале XX в. была им превращена в собственную фабрику [149, с. 268].

Сапожнический цех Минска имел долгую историю. Минские сапожники или по-белорусски шаўцы / шевцы получили право от короля Сигизмунда III Вазы на учреждение братства или цеха «рамесла іхняга шавецкага» 20 февраля 1609 г. На цеховой печати были изображены ремесленные инструменты, а также звезда и полумесяц [142, с. 37]. Очевидно, в цех сапожников входили и татары-мусульмане. Интернациональный состав отличал цех издавна. На рубеже XIX–XX вв. сапожнический цех был одним из самых многочисленных. В 1900 г. в нем насчитывалось 324 мастера, 242 подмастерья, 85 учеников. Они преимущественно работали по заказам магазинов. Доходы сапожников были невелики. Заработки подмастерьев в среднем не превышали 4–5 рублей в неделю [116].

В процессе выделки определенных видов кож после их вымачивания, дубления и очищения получалось много щетины, которая была необходимым материалом для изготовления разнообразных кистей, щеток. Щетина на протяжении многих веков была для русских земель ходовым экспортным товаром. Продажей щетины за границу преимущественно занималась открывшаяся в 1887 г. в Минске фабрика сортировки щетины Ш.М. Ратнера [149, с. 272]. Со щетиной работали и цехи сортировки щетины и щеточный. Шорно-обойный цех занимался обивкой мебели кожей. Интересно, что даже в такой современной отрасли как самолетостроение, произ-

водственная стадия установки и обивки кресел обозначается старинным понятием – шорнообойная.

Особой профессией всегда считались выделка и пошив изделий из меха. Этим занимались кушнеры, или меховщики, скорняки. Белорусские кушнеры имели давние традиции этого мастерства, работая и с охотничьей продукцией из белорусских земель, и с получившей известность во всем мире пушниной из России. На крупнейших ярмарках Великого княжества Литовского, Речи Посполитой всегда красовался в обилии «московский товар», «косматый товар», «мягкая рухлядь». Так называли в те времена мех из Русского государства. В зимнее время года ни богатый, ни бедный люд не мог обойтись без меховых шапок, шуб, тулупов, салопов, дох. В одежде шляхты мех использовался не только для тепла, но и для красоты, в качестве оторочек, воротников, украшений.

5 сентября 1647 г. Минская рада утвердила цех ремесел «кушнерскага, чапніцкага і балтушніцкага». Чапники или капелюшники – это мастера, которые шили головные уборы – капелюши. В зависимости от популярности тех или иных головных уборов у мастеров также менялись названия. Так, например, в XVII–XVIII вв. в моде были магерки, мастеров тоже называли магерниками. Болтушники занимались обработкой меха на начальной стадии. В давние времена они разделявали туши, снимали с них шкуры, замачивали их в специальных бочках с дубильными веществами, болтали. Их еще называли дубильщиками [142, с. 85]. Городские кушнеры XIX в. приобретали, как правило, уже выделанные шкурки и шили из них изделия. Хотя при необходимости могли и сами заняться выделкой. Название минского цеха было коротким – кушнерский.

Широкое распространение фабричных меховых изделий и работа искусных мастеров из портных цехов по пошиву верхней зимней одежды привели к резкому сокращению ассортимента, выпускаемого ремесленниками-кушнерами. В 1890 г. в кушнерском цехе Минска числился 41 мастер, из которых 40 были владельцами шапочных мастерских, а один значился как мастер пушного ремесла. Им был купец Овсей Лейбович Бернштейн [26, л. 92]. В

конкуренции с фабрично-заводским производством остались у минских кушнеров одни шапки.

Согласно статистике пошив одежды был выделен в отдельную группу ремесленного производства. К этой группе во второй половине XIX в. относились около десятка цехов, между которыми регулярно происходили слияния и размежевания. А начиналось все с единого цеха минских портных / краўцоў, которые организовались в цех одними из первых 20 ноября 1592 г., вслед за цехом восьми ремесел. В первом статуте цеха подчеркивалось, что его членами могут быть только католики и православные. Мастера-портные сшили для своего цеха красивую хоругвь. В центре полосатого бело-голубого полотнища на одной стороне красовались покровители портновского цеха святые Козьма и Демьян, а на противоположной стороне: цеховой символ – портновские ножницы под королевским орлом [142, с. 27–31].

Во второй половине XIX в. под скипетром уже царского орла действовали цехи весьма редкой специализации: бахромный, канатный, строчильно-канатный. Канатный и строчильно-канатный цехи функционировали как самостоятельные, не объединялись. В 1890 г. в канатном цехе числилось всего 8 мастеров и 16 работников. Цеховым старшиной был Меер Файбишевич Бейлин [26, л. 67]. К строчильно-канатному цеху в 1890 г. относились 20 соответствующих ремесленных заведений, в которых помимо 20 мастеров – их владельцев – работали 117 работников [26, л. 72]. Все остальные цехи, относящиеся к пошиву одежды, могли одеть мужчин и женщин с ног до головы, от нижнего белья до верхней одежды, включая сапожнический и кушнерский цехи экипировка была абсолютно полной на все времена года.

Успешно работал цех перчаточных дел и дамских уборов. Он объединял мастеров разных специализаций, тем самым вступая в конкуренцию с похожими цехами. Например, в 1890 г. в цех входили 6 мастеров – владельцев перчаточных мастерских. Хозяин одной из них – Доминик Щетникович – являлся старшиной цеха. Работали 4 цветочных мастерских, изготавливавшие разнообразные украшения и аксессуары к одежде, 1 саквояжно-портмонежная

мастерская. Привередливых модниц, не желавших отставать от новейших тенденций известных европейских домов мод и модельеров, обслуживали 12 модных мастерских. Более того в Минске функционировал и самостоятельный модистский цех. Окажись его мастера и мастерицы в Париже или Милане, не подвели бы свою профессию. Пошивом тончайшего нижнего белья занимались 18 белошвейных мастерских цеха перчаточных дел и дамских уборов. При этом существовал и отдельный белошвейный цех. В 1890 г. только 8 владельцев белошвейных заведений по документам проходили, как не имеющие соответствующих аттестатов. Специфические женские потребности в тонкой талии и высокой груди удовлетворяли 2 корсетные мастерские вышеназванного цеха [26, л. 53] и самостоятельный корсетный цех. Корсетная мастерская П. Горфинкель-Карон (ул. Захарьевская, 83, дом Булгак) гордилась тем, что получала журналы мод из самого Парижа [149, с. 334]. Не отставали от модных тенденций мастера шляпного цеха.

Самыми многочисленными были три портновских цеха, которые то объединялись, то разделялись. Но перечислим их, как три: портной, женский/дамский портной и мужской портной цехи. Средний заработок хозяина портняжной мастерской в Минске в начале XX в. составлял более 20 рублей в месяц. Кустари-одиночки шитьем одежды зарабатывали гораздо меньше – около 8 рублей [149, с. 43]. В 1890 г. пошивом дамских изделий занимались 42 швейные мастерские, в которых в общей сложности работали 85 подмастерьев и учеников. Старшиной дамского портного цеха был Мендель Абрамович Слепьян, мастерская которого принимала заказы по улице Торговой в доме Пермана. Помогал мастеру единственный работник Лейба Кауфман. Мастерская Каролины Александровны Павлюковской – одна из самых больших – разрослась до того, что могла позволить себе иметь пять работниц. Находилась она на Петропавловской улице [26, л. 5]. Мастер Е. Малиновская держала специальную мастерскую дамских нарядов. Мастер Г.З. Фишкин имел мастерскую дамских верхних платьев и костюмов. Обе мастерские располагались по соседству в доме Борща по улице

Губернаторской, 13. В доме Переца по ул. Захарьевской, 44 находилась мастерская дамских платьев Ф. Турецкой-Гоберман. На Соборной площади, 4 в доме Ляховских проживала портниха Р.С. Слепян-Перельман, стажировавшаяся в Париже [149, с. 334–335].

Мужчин-минчан обслуживали 57 швейных заведений, относившихся к мужскому портному цеху. В 1890 г. в них было занято 119 работников. Старшиной мужского портного цеха был Былькевич [26, л. 97]. Такое количественное преобладание мужских портных заведений объяснялось скорее всего тем, что мастера имели большие заказы на пошив рабочей одежды и военного и чиновничьего обмундирования. Мужской портной Гольдин принимал заказы в доме Григоровича по улице Крещенской, 4. На углу улиц Захарьевской и Богдельной в доме Машкилейсона работала портняжеская мастерская мужской одежды Я.Л. Залкинда [149, с. 334–335].

Высокую оценку мастерству мужских портных подтвердим и таким фактом. Поскольку женская одежда всегда отличалась разнообразием, для краткости перечислим только ряд названий из мужской верхней одежды, в которую одевали минчан портные. Итак, шубы на меху или вате, длинные, двубортные, крытые черным кастором или сукном. В дальних поездках ценились шубы на медвежьем или волчьем меху. Меховые шубы часто не имели прорезных петель, а застегивались на петли, сделанные из шкурки. Воротники шуб были шалевые, отложные, а также с меховыми отворотами, лацканами. Чаще всего на воротники ставили черный каракуль, выдру под котика, енота, бобра. В моде были бобры двух сортов: польский речной бобр и самый дорогой камчатский с проседью. Иногда на шубе делали манжеты из того же меха, что и воротник. Шили дохи из жеребьячьих или телячьих шкур мехом наружу. Популярностью в провинции пользовались романовские шубы и полушубки. Свое название они получили потому, что их шили из шкур овец романовской породы с очень густой и практически прямой шерстью. Шуба имела фасон поддевки, с отрезной талией и гусарской спинкой из трех частей. Борта были украшены тиснением и вышивкой шерстью. Столичные

аристократы предпочитали надевать их на охоту, губернские модники носили чаще. Большое распространение романовские шубы получили во время Первой мировой войны. Бекеша представляли собой род длинного пальто на меху, напоминавшего сюртук с боковой застежкой на крючках. Кстати, бекеша возродились во время Великой Отечественной войны в качестве зимней нестроевой формы полковников и генералов. Купечество предпочитало поддевки на лисьем меху с отложным или стоячим воротником, отороченными по краям рукавами, бортами и карманами. В обиходе были разнообразные меховые куртки. Множеством фасонов отличались меховые шапки. Наиболее распространенными мехами были рыжая лиса, хорек, енот, кенгуру, лира, белка, выдра под котик, нутрия, бобр. Шубы на лире, кенгуру и котике предпочитали молодые мужчины и мужчины среднего возраста. Пожилые мужчины носили шубы на более привычных для родной природы лисе, хорьке, еноте [126, с. 106–107].

Особое место в пошиве одежды занимал шмухлярно-красильный цех. Сегодня это производство называется красильно-отделочным. В 1890 г. в цехе насчитывалось 38 мастеров и 21 работник. Цех объединял мастеров разных специализаций. Красильщики и отделочники отнюдь не преобладали. К цеху относилась 21 чулочно-вязальная мастерская. При этом в Минске работал и самостоятельный чулочно-вязальный цех, продукция которого была всегда востребованной. В 1890 г. 7 владельцев чулочно-вязальных мастерских шмухлярно-красильного цеха не имели цеховых аттестатов. Красильным ремеслом занимались два мастера: Сроль Мовшевич Дрейцер, красильня которого находилась «на лавах по Торговой улице в доме Жерзинского», и Арон Абрамович Дрейзин, живший и работавший на Замковой улице. Три мастера держали чернильни, в которых специальными чернильными орешками, завезенными из Малой Азии или Греции, окрашивали ткани и швейные изделия в черный цвет. В 1890 г. это были Бенциан Ботвинник, Симеон Динерштейн и Давид Холмский. Восемь мастеров цеха называли себя шмухлярами, т.е. отделочниками. Три мастера специализировались на золотошвейном ремесле. Это Айзик

Шапиро, Иосель Гурвич, Берка Гинзбург. Единственный мастер Петр Пилецкий, проживавший по Александровской улице в доме Ледера, обозначил свою специальность, как ткач [26, л. 19]. В 1865 г. в Минске ткачами называли себя еще 7 ремесленников [39, с. 49], из которых в 1873 г. остался всего один [41, с. 224]. Возможно, это и был Петр Пилецкий, стойко сохранявший в течение многих лет побежденное фабричным ткачеством ремесло. В 1890-е гг. в Минске появился самостоятельный цех вышивания гладью.

Приготовление пищи, выпечка хлеба, кондитерских изделий отмечались в статистике, как особая группа ремесленного производства. Первыми цехами в этой группе были цех резников, получивший привилей 14 июля 1636 г., и цех пивоваров, чей привилей датируется 22 ноября 1744 г. [142, с. 79, 97]. До XIX в. они не дошли. В XVII–XVIII вв. цех резников выполнял роль санитарно-эпидемиологического надзора за мясной продукцией, поступающей на городские рынки. В XIX в. эти функции перешли к городским властям. В 1891 г. в Минске была построена городская скотобойня, ставшая одной из крупнейших на белорусских землях. Она располагалась на Игуменском тракте за железной дорогой. Пивоварение, как и винокурение, поставила под свой монопольный контроль шляхта, быстро переведя их на мануфактурную основу. В XIX в. процесс производства пива стал механизироваться. В 1894 г. в Минске был открыт пивоваренный завод «Богемия». Поля для цеховой ремесленной деятельности не было. Во второй половине XIX в. работали другие цехи. Они, как и цехи портных близкие по своей профессиональной деятельности, тоже неоднократно объединялись и расходились. Перечислим их в периоды максимального количества. Мясную продукцию производил мясной / сальный и мясной цех. В 1890 г. в нем были записаны 53 мастера, которые работали самостоятельно без подмастерьев и учеников. Старшиной цеха был Мовша Чертов [26, л. 40]. К концу XIX в. в Минске было налажено производство колбас, которым занимался колбасно-сальный, или мясно-колбасно-сальный цех. Его мастера сбывали свои изделия даже в Москву и Петербург [149, с. 58]. Они были весьма зажиточными людьми. В 1890 г. из 65

мастеров цеха 47 имели собственные дома. Старшиной цеха был Юлиан Августович Моенко, избранный в 1890 г. старшиной Минской упрощенной ремесленной управы [26, л. 47].

Выпечной хлеба и кондитерских изделий занимались хлебопекный, булочный и кондитерско-булочный цехи. Городские правила по содержанию этих заведений, действовавшие на протяжении 1890-х гг., содержали четкие санитарно-гигиенические требования. Согласно правилам «в видах соблюдения надлежащей чистоты и опрятности кондитерские, булочные и хлебопекарни, выпекающие хлеб для продажи, воспрещается помещать в подвальных этажах, сырых и низких, ныне существующие в таких подвалах заведения в течение года (1898) со дня издания сих правил закрыть. Вновь открывать заведения разрешается лишь после санитарного осмотра предназначенных для них помещений и признания таковых годными. Все принадлежности мастерских как-то весы, ножи, скалки, чашки, квашни, ящики, покрывала и прочее должны быть чисты, доски на столах, где раскатывают тесто и приготавливают всякого рода печенье должны быть сбиты плотно, без щелей и всегда содержаться в чистоте». Правила строго предписывали иметь в помещениях умывальники, чистые полотенца. На работниках должно быть чистое белье, фартуки, колпаки. Каждая кондитерская, булочная или хлебопекарня должна иметь санитарную книжку с регулярно обновляющимися данными о состоянии здоровья всех рабочих. При наличии на теле сыпи, ран работник не допускается к труду. Не позволялось держать ни кошек, ни собак, ни других домашних животных. Строгие требования предъявлялись к качеству выпускаемых изделий. «Для изготовления кондитерских изделий, булок и хлеба должно употреблять припасы свежие, неиспортившиеся, неподмешанные. Хлеб должен быть хорошо выпечен, без закала, булки должны быть точно такого веса, какой указан в ежемесячно издаваемой городской управой таксе. Для окраски кондитерских изделий воспрещается употребление минеральных и анилиновых красок, а дозволяются лишь растительные соки плодов, овощей, ягод и прочее» [48, с. 154–156].

Персонал заведений общественного питания находился в ведении кухмейстерско-поварного цеха. На рубеже XIX – XX вв. в Минске принимали посетителей около 30 гостиниц, многие из которых имели рестораны, клубы, отдельные рестораны, например, такие богатые и роскошные, как «Аквариум» и «Восход» [149, с. 326–333].

В 1890-е гг. самым многочисленным из вышеперечисленных цехов был кондитерско-булочный, который объединял и мастеров смежных специальностей. Так, в 1890 г. к цеху относились 41 хлебопекарня, 10 пекарен, 5 кухмистерских, 5 булочных, 6 кондитерских, 7 пряничных, 9 ресторанов и 1 клуб. Всего в цехе числилось 84 мастера и 109 работников. Одной из самых больших и известных кондитерских была кондитерская Роберта Карловича Шенина, размещавшаяся в его собственном доме на углу улиц Захарьевской и Петропавловской. У Шенина работали 15 работников – максимальное число для ремесленных заведений. Городским клубом владел Викентий Адольфович Ляхович, нанимавший до семи работников. Клуб располагался на углу Подгорной и Скобелевской улиц в доме Гавсмана. Среди 9 ресторанов самым крупным был ресторан городского театра, который арендовал Адам Гаврилович Сагулевич. В нем трудились 6 работников. Ресторан находился в доме Ваньковича по Губернаторской улице. Одним из ресторанов владел цеховой старшина Иван Адамович Шатрунов, который в 1896–1900 гг. был ремесленным головой [26, л. 11].

Говоря о состоянии дореволюционной промышленности, часто отмечают, что в Минске не были представлены некоторые отрасли, к примеру, отсутствовали фармацевтические предприятия, вполне соразмерные масштабам и возможностям такого города, как Минск. Но в связи с фармацевтикой часто упоминают такое своеобразное предприятие как альбуминно-кишечный завод Бамдаса, открытый в 1874 г. [71, с. 258]. Из сырья, получаемого со скотобойни, в частности кровяной сыворотки, завод производил альбуминный белок, применяемый в пищевой, парфюмерной, текстильной промышленности и при изготовлении лекарств. Помимо завода при городской

скотобойне трудились ремесленники альбуминно-кишечного цеха, которые также получали столь необходимый альбумин, но уже ручным способом, и делали кишечные фабрикаты: кишечные пленки для изготовления колбас, сырье для парфюмерии, струны для музыкальных инструментов и теннисных ракеток, хирургические нити для медицины и т.д. Начинался их производственный цикл в тяжелых, почти антисанитарных условиях скотобойни, на выходе же получались отвечающие требованиям антисептики продукты. Кстати, владелец завода Бамдас в молодости также был ремесленником.

Несмотря на широкое развитие табачной индустрии, в том числе и в Минске, в городе продолжали работать цех крошильного табака и гильзового ремесла. Столь военное название было обманчивым, ремесленники гильзового цеха производили папиросные гильзы и мундштуки. В 1891 г. у них появился серьезный конкурент – гильзовая фабрика Я.Э. Фальксона [149, с. 264].

В соответствии с принципами статистики все остальные цехи можно отнести к группе «прочие ремесленники». Они оказывали самые разнообразные услуги населению. Украшением фасадов, жилых и присутственных интерьеров зданий занимались художники живописного малярного, скульптурно-позолотного, цементно-мозаичного цехов. Трогательным штрихом, завершающим убранство уютной жилой комнаты в роскошной квартире, украшенной позолоченными скульптурами, живописными панно на потолках и мозаичными плитками на камине, мог стать цветочный букет, элегантно составленный мастерами цветочного цеха.

Рост грамотности населения, желавшего писать, возрастание бумаг во всех сферах государственного и производственного управления обеспечивал устойчивый спрос на чернила. Его удовлетворяли мастера чернильного, красильно-чернильного и чернильно-вексельного цехов. Тайны китайской туши или индийских чернил, как называли тушь в Европе, поскольку они привозилась через Индию, были давно раскрыты, но у каждого цеха были свои технологические секреты. Во всяком случае, архивы тех времен донесли до нас хорошо сохранившиеся рукописные тексты, свидетельствующие о качестве чернил, которыми они были написаны.

Крупные заказы типографий и единичные заказы горожан выполнял переплетный цех. В 1890 г. в нем насчитывалось 18 мастеров и 23 работника [26, л. 116]. Некоторые мастера трудились в основном по заказам типографий. Например, переплетная мастерская Биндлера (ул. Губернаторская, дом Поляка) работала по заказам типографии Тасьмана [149, с. 334].

Дух капитализма, пронизывавший Минск, требовал от горожан четкой ориентации во времени. Часы становились не столько символом богатства и респектабельности, сколько предметом первой необходимости. В Минске работал часовой цех, в основном занимавшийся ремонтом часов. Часовщики, как и ювелиры, были своеобразной элитой городского ремесленничества. Если ювелирам черты элитарности придавала работа с драгоценными металлами, художественность, то часовщикам еще и связь с теорией: математикой, механикой, астрономией. Часовая техника стала первым мостиком, соединившим «высокую» науку и практику. В Европе первые башенные часы появились в XIII–XIV вв., настольные – в XV в. С XVI в. и на белорусских землях упоминаются «зекгармистры», как на немецкий лад называли мастеров часовых дел. Первоначально они вместе со злотниками входили в цех восьми ремесел. В 1890 г. в часовом цехе числилось 13 мастеров – владельцев часовых заведений (см. таблицу № 8 в приложении). Например, с 1870 по 1907 гг. городские часы на башне коллегиума иезуитов, ставшие главными курантами Минска, заводили и ремонтировали отец Айзик Абрамович и сын Калман Айзикович Лесники. Для того чтобы произвести регулярную смазку и подзавод часового механизма они ежедневно преодолевали 96 башенных ступенек и поднимали часовые гири весом в 12 пудов. За это городская дума выплачивала им ежегодно 50 рублей. В 1902 г. порядком износившиеся часы, созданные еще в XVIII в., остановились. Калман Айзикович Лесник сделал капитальный ремонт и дал гарантию на 5 лет [127].

В часовой цех входил искусный часовой мастер – Абрам Мордухович Лейзеровский. Первоначально его мастерская располагалась на Захарьевской улице в 79-м доме Ругера, затем переехала в 70-й дом Стругача. Мастерская занималась ремонтом не только

самых разнообразных часов, но и граммофонов, также изготавливала дешевые стенные «ходики». Мастерская была украшена соответствующей вывеской, а напротив нее стоял фонарь, у которого вместо лампы были большие часы [149, с. 334]. В 1885 г. за выставленные на ремесленной выставке в Петербурге точные и красивые «брегеты» мастер Абрам Лейзеровский был удостоен похвального листа. В 1897 г. Лейзеровский поразил минскую публику неожиданным шедевром, о котором написал репортер «Минского листка»: «Они (часы) устроены в виде крепости, высотой в полтора аршина, окруженной рвом. Часы установлены на башне, по верху которой непрерывно двигается часовой, другой же через каждую минуту выходит из будки. Внизу полукругом проведена железная дорога. Через каждые пять минут выходит поезд с несколькими вагонами и проходит по этому пути. Навстречу поезду выскакивают три солдата: один звонит в колокол, другой выставляет флаг, а третий опускает шлагбаум. В то же время во рву, наполненном водою, двигается пароход, и несколько солдат отбивают нападение неприятеля, желающего прорваться через мост» [146, с. 423].

В марте 1901 г. Лейзеровский обратился в Минскую городскую управу с просьбой отдать ему в аренду за плату не свыше 100 рублей две сажени земли на аллее, примыкавшей к городскому Александровскому скверу по Захарьевской улице. Здесь Лейзеровский мечтал построить себе новую мастерскую – каменное, одноэтажное здание в готическом стиле и, конечно же, украсить его башней с большими часами и освещать их в ночное время электрической подсветкой. «Здание, которое предложено мною к постройке, – писал Лейзеровский, – будет служить украшением для сквера и пользой для горожан, ибо то удобство, которое доставят публике часы над этим зданием, неоценимо». Мастер обещал через 20 лет отдать здание планируемой мастерской в собственность города. Прошение Лейзеровского рассматривала городская дума, которая приняла следующую резолюцию: «Дума не считает возможным допускать застройку мест, отведенных для общего пользования» [127].

В 1909 г. Лейзеровский принял участие в Международной выставке часов, ювелирных и механико-оптических изделий в Петер-

бурге, выставив поистине рукотворное чудо – часы в виде сказочного замка. Через сквозную пару ворот дворца-часов проходила железнодорожная колея. Сторож на платформе каждые семь минут давал звонок, звучала музыка. Из средних ворот высыпала публика, встречаемая жандармом. Затем открывались правые ворота, из которых выезжал поезд с пассажирами. Сторож давал знак флагом об исправности пути, и вагончики скрывались в левых воротах замка [127]. Таковы были шедевры наиболее выдающегося мастера часового цеха.

Долгую историю имел цирюльнический цех, сохранивший в неизменном виде свое название. Привилей на утверждение цеха был получен минскими цирюльниками от короля Владислава IV 27 февраля 1635 г. Статут цеха был одним из самых длинных. Он содержал 32 статьи [142, с. 57]. Это не случайно, потому что мастера цирюльнического цеха не только стригли волосы, брили бороды, но и лечили всеми доступными способами, например, кровопусканием, несложными хирургическими операциями. Слово «парикмахер» тоже было известно в то время, оно обозначало мастера, делавшего парики. Занимавшихся исключительно стрижками и прическами, называли «фрызеры» или «пастригачи». Цирюльники XIX в. полностью отказались от лечения, оставив себе прически, бритье и несложные косметические процедуры. В 1890 г. в Минске работали 14 мастеров-цирюльников, помощников они себе не нанимали [26, л. 70]. Отдельно функционировал парикмахерский цех. Первоначально его мастера строго в соответствии с названием изготавливали парики. Но со временем все смешалось. Единственным различием стало то, что мастера парикмахерского цеха старались держать дорогие заведения для обслуживания богатых клиентов. Собственно именно такие клиенты в основном и заказывали парики. В 1890 г. в парикмахерском цехе числилось 11 мастеров, которые трудились с 9-ю помощниками [26, л. 123]. В Минске работало несколько парикмахерских для разных вкусов и кошельков. Одной из дорогих была, например, парикмахерская В.И. Терлецкого (Соборная площадь, 8, дом Новицкой) [149, с. 336].

Разные вкусы и кошельки обслуживали мастера прачечного цеха. Им, как никаким другим мастерам, было крайне трудно добиться монополии своего цеха в прачечных услугах. В рабочих районах всегда могли найти скудный заработок женщины-прачки, не всегда записанные в цех, к чьим услугам порой прибегали неженатые мужчины. В их распоряжении были лишь корыта, тазы, стиральные доски, вода, да мыло. С другой стороны, стирка тоже подвергалась механизации, что также нарушало принципы ручного цехового ремесла. Например, в 1875 г. в Минске была открыта Варшавская прачечная и химическая красильня (угол Захарьевской и Богадельной, дом Фотта), оснащенная лучшим на то время оборудованием [149, с. 336]. К услугам и стирающих, и моющих, и моющихся была продукция мыловаренного цеха. Несмотря на появившееся фабричное мыло, в котором потребителей привлекали качество и дешевизна, мыловаренный цех сохранял своих клиентов. Владелец минской фабрики туалетного мыла Данишевский вышел из ремесленников.

На возросшие потребности горожан быстро отреагировал цех починки сифонов и машин по выделке газовых фруктовых вод. Среди многочисленных городских правил были, например, правила «о санитарных мерах, которые должны быть соблюдаемы при продаже прохладительных напитков для обеспечения безвредности оных», на которые ориентировались работники цеха [48, с. 156].

Два цеха работали с музыкальными инструментами: фортепианный и починки музыкальных духовых инструментов. Требования к мастерам этих цехов были высокие: они должны были обладать музыкальным слухом, знать нотную грамоту, иметь хороший музыкальный вкус и при этом детально разбираться в устройстве музыкальных инструментов. Фортепианная мастерская К.С. Богоино (угол Подгорной и Полицейской, дом Ждановича) занималась настройкой, починкой и изготовлением инструментов. Фортепианная мастерская А. Келлера (ул. Захарьевская, 58, дом Страшунера) выдавала инструменты напрокат [149, с. 333–334].

В целом во второй половине XIX в. в Минске насчитывалось более 70 цехов (см. таблицу № 5 в приложении). Согласно «Алфавиту

на записку мастеров всех цехов Минской общей ремесленной управы» в 1883 г. в цехах Минска работало 2402 одних только мастеров [9, л. 1–130]. В «Алфавитной книге на записку мастеров всех цехов» 1890 г. было записано 1132 мастера [22, л. 1–47]. Распределение ремесленников по профессиям показано в таблице № 4 в приложении.

Мастерские, которыми владели мастера-ремесленники, как правило, были небольшими с одним–двумя работниками. Оговариваемый в ремесленном уставе предел в 15 работников-подмастерьев, был для Минска редкостью. В 1900 г. Минское общество для обучения еврейских детей ремеслам провело обстоятельное исследование положения евреев-ремесленников. Было опрошено 1564 мастера и 513 мастериц (в общей сложности 2077 мастеров), владевших собственными мастерскими. Оказалось, что в их мастерских работают 2640 подмастерьев (1701 мужчин и 939 женщин) и 1158 учеников (840 юношей и 318 девушек). Таким образом, в среднем на каждую мастерскую приходилось 1,3 подмастерья и 0,55 ученика. Только в 31-й мастерской было занято 10 и более работников. По мнению исследователей, «такая дробность мастерских приводит к крайнему удлинению рабочего времени и невозможному санитарному состоянию мастерских – иначе нет возможности окупить содержание мастерских. Применение машин совершенно ничтожно». Исследование выявило и образовательный уровень минских ремесленников. Выяснилось, что неграмотных по-русски среди мастеров мужчин 44,1%, среди мастериц женщин 41,3%. Примерно такие же показатели и среди подмастерьев: неграмотных мужчин – 50,4%, женщин – 47, 8%; среди учеников: неграмотных юношей 41,1%, девушек – 45,4%. Уровень неграмотных на еврейском существенно ниже. Среди мастеров мужчин – 12,7%, среди мастериц женщин – 18,5%; среди подмастерьев мужчин – 24,7%, среди подмастерьев женщин – 29,2%; среди учеников юношей – 24,4%, среди учениц девушек – 34,2%. Интересно, что старшее поколение оказалось более грамотным и на родном и на русском языках [116].

Этот обобщенный портрет минского ремесленничества, подкрепленный социологическим опросом, всего лишь детально проиллю-

стрировал и подтвердил те многочисленные зарисовки, которые были приведены выше. Да, бедные, темные, задавленные тяжестью своего положения... Но, не сдавшиеся, не сломавшиеся, несмотря ни на что, продолжавшие трудиться. Это и ими – ремесленниками, несомненно, восхищался уже упоминавшийся Саул Гинзбург, когда писал: «Число небольших еврейских магазинов, лавок, ларьков было велико и по мере удаления от центральной части города лавчонки становились все более убогими, мизерными. Во многих из них товару имелось всего на несколько рублей; а вместе с тем содержатели их прокармливали свои семьи, выдавали замуж дочерей, «выводили в люди» своих сыновей, обзаводившихся после женитьбы такими же лавчонками или пристраивавшихся к какому-нибудь ремеслу» [99]. Своим трудом они держали и себя, и свои семьи, и минское ремесло.

Важным событием для жизни города и всего белорусского края стала сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка, прошедшая в Минске с 26 августа по 4 сентября 1901 г. Она была организована Минским обществом сельского хозяйства в честь его 25-летнего юбилея. Среди нескольких отделов выставки был и отдел ремесленного производства. В нем было выставлено 102 экспоната, из которых 48, почти половина, была произведена минскими ремесленниками. Внимание посетителей привлекали кружева, люстры, мебель, музыкальные инструменты, в том числе скрипки и пианино, золотые и серебряные украшения, часы, водяной велосипед и многое другое [149, с. 212]. Минские ремесленные цехи выглядели на выставке достойно, подводя своеобразный итог своей деятельности и открывая для себя новые торговые и производственные перспективы.

Глава 6. Социально-трудовые отношения

*Мы все сотворены для взаимодействия,
как ноги, руки, глаза.*

Марк Аврелий

Рассуждения об отставании России в модернизации, как правило, сопровождаются различными показателями, среди которых и развитие профсоюзного движения. Действительно, формальное отставание налицо. Если в Великобритании тред-юнионизм появился в конце XVIII в., то в России, в том числе и в белорусских губерниях, лишь век спустя на рубеже XIX–XX вв. Пик активности в создании профсоюзов приходится на период первой русской революции 1905–1907 гг. Тогда стали создаваться производственные союзы. Реакцией правительства стал закон о легализации профсоюзов, принятый 4 марта 1906 г., под названием «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях». Однако, посмотрим на этот вопрос с другой стороны.

В истории английского тред-юнионизма выделяются два периода: старого и нового юнионизма. К старому юнионизму относятся цеховые союзы квалифицированных рабочих, к новому – производственные союзы всех остальных, в том числе неквалифицированных рабочих. Начало новому юнионизму положила стачка докеров 1889 г., после которой и стали быстро создаваться подобные союзы. Рост общероссийского профсоюзного движения удивительным образом совпадает со становлением британского нового юнионизма. Параллелизм и синхронность здесь более чем очевидны.

А вот старый тред-юнионизм, развивавшийся с конца XVIII в., весьма близок старинной цеховой ремесленной организации. Собственно активисты старых тред-юнионов черпали свое вдохновение в живучих цеховых традициях. Это относится, например, к стремлению организовать в союз людей узкой профессиональной специализации, или смежных профессий, то есть одного цеха, поддерживавших свой профессиональный статус 5–7-летним сроком учени-

чества. Различные «высокие правила» и уставы строго фиксировали и профессиональные и возрастные привилегии. Некоторые из правил доходили до курьезов: «Кто производит столовые вилки – не может быть членом союза рабочих десертных вилок, а столовых ножей – союза десертных ножей; столовых ложек – не имеет право быть членом ни тех, ни других ножей и даже союза десертных ложек» [139, с. 32]. Цеховые тред-юнионы пытались придерживаться правила закрытого цеха, не допуская к работе в своей сфере нечленов их союза, что соответствует идее монополизма ремесленных цехов. Но ни тем, ни другим так и не удавалось добиться четкого выполнения этого правила. Цеховые союзы уделяли огромное внимание организации помощи своим членам и их семьям на случай болезни, старости, смерти, что входило в круг обязанностей и ремесленного цеха. Некоторые союзы превращались в своеобразные финансовые учреждения с доходами, расходами, отчетами за каждый пенс, регулярными собраниями, выборами должностных лиц. Ремесленные цехи тоже вели книги приходов и расходов, собирались на сходы и выборы. Старый юнионизм предпочитал достигать своих целей переговорами, сотрудничеством, соглашениями, а не забастовочной борьбой, за что и снискал себе славу реформистского движения. Некоторые союзы открыто объявляли своей целью «обеспечение сердечного согласия между рабочим, предпринимателем и покупателем». Жить «в мире и согласии со всеми» обязаны были и цехи.

Этих деталей вполне достаточно, чтобы говорить о сходстве британского старого тред-юнионизма и российской ремесленной цеховой организации. Чтобы завершить картину, перечислим ряд крупных и влиятельных старых тред-юнионов. В 1860-е гг. их лидеры образовали в Лондоне сплоченную группу, вошедшую в историю под названием Хунта (Junta – Joint United National Trades Association / Объединенная ассоциация национальных профсоюзов). Это Общество объединенных механиков, машинистов, кузнецов; Объединенное общество плотников; Национальная ассоциация литейщиков; Общество лондонских каменщиков; Общество рабочих гончаров; Консолидированное общество переплетчиков; Общество дам-

ских башмачников и др. Руководитель последнего – искусный сапожник Джордж Оджер был председателем Международного товарищества Рабочих (I Интернационала). Механики, кузнецы, литейщики, плотники, гончары, переплетчики, сапожники, – все те же мастера своего дела, что и в ... минских цехах. Разве что Минскую ремесленную управу трудно сравнить с лондонской Хунтой, но в этом есть доля и субъективного фактора.

Старый тред-юнионизм и ремесленные цехи, выполняя защитные функции, вполне отвечали потребностям входивших в них работников. Что принципиально отличало их друг от друга, так это своего рода «капитализация», соответствие духу капитализма. Тред-юнионы внешне противостояли предпринимателям и капиталу, но при этом являлись органической частью капитализма, организуя для него рынок труда. Цехи же, напротив, формально объединяя в одной сословной корпорации и мастеров-предпринимателей и наемных рабочих в лице подмастерьев и учеников, по сути своей противостояли капитализму, мешая самостоятельной организации и рынка труда и рынка капитала. Антикапиталистические по своей сути институты действуют на периферии мировой капиталистической экономики, помогая ее взаимодействию с центром. И страны центра, и страны периферии в зависимости от культурно-цивилизационных предпочтений создают собственные, адекватные их потребностям, институты. Как только российский капитализм встал на ноги, он стал безжалостно рвать мешавшие ему путы, в том числе и цехи.

На исходе XIX в. минские цехи оказались меж двух огней, антикапиталистической сословно-корпоративной солидарности и наступающего капиталистического рынка. Это и определило основные процессы их внутренней жизни, социально-трудовых взаимодействий. Во второй половине XIX в. цеховая жизнь очутилась в полосе активной количественной и качественной динамики. В далеком прошлом пополнение цехов происходило нечасто. Членство в цехах было семейной традицией, передававшейся из поколения в поколение. Появление новых мастеров было событием редким, праздничным. Торжественные церемонии рассмотрения мастерских шедев-

ров, вступления в цех, как правило, приурочивали к ежегодным сходам. В конце XIX в. выдача аттестатов мастерам становилась поставленной на поток заурядной бюрократической процедурой. Первоначально цеховая управа направляла в ремесленную управу рапорт с ходатайством о выдаче аттестата. Вопрос рассматривался на регулярных заседаниях ремесленной управы, которые согласно уставу проводились трижды в неделю. В случае положительного решения аттестат выписывался и вручался соискателю, если он присутствовал, или передавался цеховому старшине. В книгу постановлений Минской общей ремесленной управы присяжный маклер вносил стандартную запись. Приводим одну из них: «1880 г. июня 25 дня. По указу Его Императорского Величества. Минская общая ремесленная управа. Слушали: Рапорт цеховой управы булочного ремесла от 25 июня за № 4 коим просит выдать Ивенецкому мещанину Исхаку Шмуйловичу Позняку аттестат на звание мастера хлебопекарного ремесла. Постановили: В удовлетворение рапорта цеховой управы и как не встречающее препятствий выдать И.Ш. Позняку аттестат на звание мастера хлебопечения согласно 143-й статье ремесленного устава». Далее следовали подписи исполняющего обязанности ремесленного головы А. Марецкого, и трех присутствовавших на заседании управы цеховых мастеров [1, л. 14]. В книгах для записей постановлений Минской упрощенной ремесленной управы в соответствующих записях появились стандартные фразы о назначении эксперта для прохождения испытаний и о прохождении испытания. После заключения о выдаче аттестата на знание соответствующего ремесла следовала резолюция «приписать к Минскому ремесленному обществу» [29, л. 1].

Обращает на себя внимание характерная деталь, которая не единожды встречается в книгах постановлений. Рапорт цеха и заседание общей ремесленной управы датированы одной датой. Скорее всего, цеховая управа проводила свои собрания перед заседаниями общей ремесленной управы, или просто соответствующим числом оформляла необходимый рапорт перед тем, как старшине идти в управу. Нередко аттестаты выдавались ремесленникам, по тем или иным причинам не имевшим аттестатов, может их утеревшим, но

которых хорошо знали в цехе, или по поводу которых ходатайствовал лично цеховой старшина. В таких случаях процедура была еще проще, без рапорта цеховой управы. В книгу постановлений вносилась короткая запись. Например: «1883 г., 8 февраля. Минский мещанин Дунер Н.Ш. не был мастером столярно-мебельного цеха. Выдать соответствующее свидетельство» [8, л. 21–22]. Минская ремесленная управа регулярно подтверждала аттестаты, выданные в других местах. В этих случаях процедура и запись о ней также были весьма лаконичными, например: «Утвердить аттестат Динабургской ремесленной управы мастера парикмахерского искусства К.Ф. Ивашевского» [8, л. 33].

Выдавались своеобразные не стандартные аттестаты, а свидетельства по индивидуальным просьбам далеко не бедных просителей. Например, свидетельство (не аттестат!) «на право производства золото-серебряного ювелирного ремесла и особо на продажу» было выдано купцу Хаиму Лурье. [1, л. 73]. Документ в духе капиталистического предпринимательства, а не для вступления в цех. Вообще купец Хаим Лурье пользовался большой известностью среди минских предпринимателей. Он содержал банкирскую контору, входил в правление Минского коммерческого банка, имел монопольное право на торговлю галошами и резиновыми изделиями петербургского объединения «Треугольник». После смерти Хаима Лурье его наследники получили такое состояние, что смогли перенести свою коммерческую деятельность в Петербург [149, с. 56]. Виленскому мещанину И.М. Кагану был выдан аттестат на звание «мастера сортировщика и браковщика разного товарного дерева». Такого цеха в Минске не было. Неслучайно в постановлении была сделана приписка о том, что удостоверение «о знании этого ремесла» выдано «купцу и домовладельцу» [1, л.16]. В «Алфавитных книгах на записку мастеров» встречаются обладатели специальностей, не соответствующих минским цехам. Например, фельдшер И.В. Иоффе, оптик О.Ш. Урман, очиститель водки П.М. Шафир, подборщик Х.З. Слиозберг и др. [22, л. 10, 16, 21, 45, 47].

Вопросам выдачи аттестатов на заседаниях ремесленной управы уделялось значительное, если не сказать преобладающее внимание.

Так, например, в книге постановлений Минской общей ремесленной управы за 1880 г. содержится 148 протокольных записей, в которых зафиксированы обсуждаемые вопросы и принятые по ним постановления. Из них 100 записей посвящены выдаче аттестатов: 65 – на звание мастера и 35 – на звание подмастерья. Таким образом, в 1880 г. минские цехи пополнились на сто человек. Самое большое пополнение оказалось в сапожном цехе: 10 мастеров и 3 подмастерья, и в слесарно-кузнечном цехе, тоже в общей сложности 13 человек: 5 мастеров и 8 подмастерьев. Выросли цехи, связанные с пошивом одежды: в цех дамского портного ремесла пришли 7 мастеров и 2 подмастерья, в белошвейный цех – 5 мастеров и 1 подмастерье, в общий портной цех – 2 мастера и 4 подмастерья, в цех мужского портного ремесла 2 мастера, в перчаточный цех – 2 мастера, в цехи женских головных уборов и чулочно-вязальный – по одному мастеру. В общей сложности к пошиву одежды приобщились 27 человек. Столярно-мебельный цех увеличился на 4 мастера и 5 подмастерьев, часовой цех – на 3 мастера и 4 подмастерья, парикмахерский цех – на 3 мастера и 1 подмастерья, цех трубочистов – на 3 мастера, медный цех – на 2 мастера и 1 подмастерье. По два мастера пришли в цехи изготовления чернил и кушнерский. В 1880 г. Минская ремесленная управа выдала аттестаты на звание мастера одному мыловару, хлебопеку, маляру экипажей, шорно-обойщику, гончару, кондитеру, бондарю, стекольщику и т.д. [1, л. 1–80].

Вполне сопоставимые цифры содержатся в книге постановлений Минской общей ремесленной управы за 1883 г. Из 195 протокольных записей 157 посвящены выдаче аттестатов: 127 – на звание мастера и 30 – на звание подмастерья. В 1883 г. в сапожный цех записались 30 мастеров и 3 подмастерья, во все цехи по пошиву одежды – в общей сложности 22 мастера и 1 подмастерье. В цехах, не упоминавшихся в 1880 г., произошли следующие изменения. Аттестаты мастера получили 4 ювелира в золото-серебряном цехе, 3 – в только что учрежденном ситно-решетном цехе, 2 – в зеркальном, 1 – в цветочном, в живописно-малярном цехе прибавились 2 подмастерья и т.д. [8, л. 1–101].

В условиях роста Минска, его промышленности, городского населения нет ничего удивительного в опережающем увеличении цехов, связанных с пошивом одежды и обуви. В трех минских цехах: женском, мужском и общем портном функционировала одна цеховая управа под названием управы портного цеха и избирался один цеховой старшина. Эта управа сама выдавала аттестаты. Общая ремесленная управа только их подтверждала. В книге постановлений Минской управы портного цеха за 1880–1884 гг. приводятся следующие данные. В 1881 г. при цеховом старшине Буринском три цеха увеличились на 25 человек: женский портной – на 6 мастеров и 7 подмастерьев, мужской портной – на 3 мастера и 3 подмастерья, портной – на 5 мастеров и 1 подмастерье. В 1882 г. при цеховом старшине Александрове в женский портной цех пришли 7 мастеров и 1 подмастерье, в общий портной – 4 мастера и 2 подмастерья и в мужской портной – 4 подмастерья, в общей сложности 18 портных. В 1883 г. женский портной цех пополнился 7 мастерами и 1 подмастерьем, мужской портной – 2 мастерами и общий портной – 6 мастерами и 2 подмастерьями, что тоже в целом составило 18 человек. В 1884 г. было выдано 5 аттестатов мастерам мужского портного ремесла. В стандартных протокольных записях о выдаче аттестатов управа портного цеха делала приписку «после испытаний». Интересно, что практически все постановления, за исключением двух, касались выдачи аттестатов. Два же упомянутых дела были, напротив, посвящены исключению из цеха. Другие вопросы не протоколировались [2, л. 1–40].

В книгах для записи постановлений Минской упрощенной ремесленной управы за 1899–1900 гг. более 370 постановлений касаются выдачи аттестатов [29–30].

Можно предположить, что в таком важном деле, как выдача аттестатов, вряд ли обходилось без подлогов и махинаций. Цеховой аттестат был весьма ценным документом для предоставления властям и многие мечтали заполучить такое свидетельство без должных на то оснований. Заметим, что согласно городовому положению 1870 г. паспорта ремесленникам также выдавала ремесленная управа. А она могла это сделать на основании принадлежности к

цеху [1, л. 41]. Таким образом, ремесленная управа была очень весомой структурой в мещанском и еврейском сообществах. На заседаниях ремесленной управы разбирались жалобы по поводу «неверных выдач аттестатов» [1, л. 26]. Например, 18 июня 1880 г. слушалась жалоба Фридберга на «неправильную выдачу аттестата Ю.Ш. Левину». Это был аттестат на знание портновского ремесла. Данная жалоба проделала следующий путь: первоначально она была направлена автором в Минское губернское правление, не отсылать же ее в ремесленную управу, которая подтвердила аттестат, или в цеховую портновскую управу, которая его выдала. Однако, Минское губернское правление направило жалобу в ремесленную управу с припиской «препроводить в контору Минского портного цеха», как раз по пути выдачи аттестата. Единственное вмешательство власти в цеховые дела состояло в том, что цеховой сундук портновского цеха был опечатан полицейским. В остальном разбирательство вели цеховая и общая ремесленная управы. Выскажем предположение. Возможно, Фридберг был старшиной портновского цеха. Уже 13 августа 1880 г. Минская ремесленная управа разобрала жалобу мастеров портновского цеха на старшину Фридберга и устранила его от должности. Если две указанных фамилии Фридберг принадлежат не однофамильцам, а одному лицу, тогда вырисовывается картина попытки или наведения порядка в цехе, или исключения из цеха Левина, или личной вражды между старшиной и мастером, на которые последовала бурная реакция всех цеховых мастеров [1, л. 18, 22]. Склоки и конфликты были обычным делом в цеховой организации.

В августе 1880 г. ремесленная управа разбирала дело не просто об аттестате, а о вывеске («была ли она правильно получена») портного Ицки Вайнштейна, проживающего на Юрьевской улице в доме В. Диазберга [7, л. 1].

Наряду с выдачей аттестатов шел и обратный процесс их аннулирования и исключения ремесленников из цеховой организации. В соответствии с ремесленным уставом цеховая управа в составе не менее трети цеховых мастеров могла «порочного ремесленника исключить из своего общества как не терпимого в оном, хотя бы он

гражданским судом и судим еще не был, но с ведома и согласия общей ремесленной управы». Например, в сентябре 1883 г. Минская ремесленная управа подтвердила правильность исключения из портного цеха мастера Боруха Янкелевича Бляхова, т.к. «по своему дурному характеру и образу жизни он не терпим для общества» [2, л. 35–36].

Под напором капитализма ремесленные цехи теряли сословную замкнутость. Минские цехи, состоявшие ранее исключительно из минского мещанства, теперь открывали свои двери иногородним, иностранцам и представителям других сословий. Если замену белорусских мастеров еврейскими в XVII – начале XIX в. можно признать в качестве долгой этнической трансформации цехов, то в конце XIX в. разворачивалась их быстрая сословная трансформация. Цехи пополнялись выходцами и из податных и из привилегированных сословий, становились площадками для социального движения как «вверх» для крестьянства, так и «вниз» для дворянства. Теперь это становилось капиталистическим горизонтальным экономическим взаимодействием.

Согласно «Алфавиту на записку мастеров всех цехов Минской общей ремесленной управы», в котором зафиксированы 2402 мастера в 1883 г., среди ремесленников значились мещане, приехавшие из многих белорусских городов и уездов: Вильно, Ошмян, Барановичей, Могилева, Докшиц, Заславля, Слонома, Гродно, Ракова, Койданово, Молодечно, Игумена, Витебска, Несвижа, Радошковичей, Борисова, Глуска, Пинска, Ивенца и др. Были приехавшие и из более дальних мест Российской империи: например, из Прибалтики – Ковно, Митавы. Крестьянин из Тверской губернии Иван Артемьевич Артемьев стал в Минске мастером золотошвейного дела. Варшавский житель Петр Павлович Гурин был мастером слесарного ремесла. Московский мещанин Егор Егорович Зотов трудился в живописном цехе. Минск стал вторым домом и для ряда иностранных подданных. Многие минские покупатели знали булочника, приехавшего из Османской империи в начале 1890-х гг. Это был Ахмед Измаил, значившийся по документам как «турецко-подданный». Кстати, некоторые из его единоверцев Абдуль Рахман, Оглы Сабит,

Оглы Ш., Офли открыли в Минске собственные булочные заводы [71, с. 258]. Также в булочном цехе радовала покупателей пышной сдобой «пруско-подданная» Тамара Яковлевна Датмар. Ее соотечественник «пруско-подданный» Отто Карлович Шварц был мастером колбасно-мясного ремесла. «Австрийско-подданный» Тит Каливода оказывал парикмахерские услуги.

В минские ремесленные цехи записывались крестьяне. Из 2402 мастеров их насчитывалось более 20 человек. Им было подвластно любое ремесло, даже самое редкое, как у отмеченного выше тверского крестьянина. В столярно-мебельном цехе работали крестьяне Иван Осипович Соколовский, Варсономей Иосифович Казакевич, Иосиф Игнатъевич Харецкий, Иван Фаустович Витковский, Киприан Казимирович Шолковский [26, л. 22]. В конце 1890-х гг. Шолковский стал товарищем старшины Минской упрощенной ремесленной управы, а с 1900 г. вплоть до упразднения – старшиной. Бондарем трудился крестьянин Семен Федорович Ванькович, кузнецом – крестьянин из Витебской губернии Николай Францевич Горчаков, гончаром – Ванник Мовша, кондитером – Шмола Абрамович Либо и т.д.

Шли в цехи отслужившие в армии солдаты, ушедшие в запас младшие офицеры. Отставных рядовых по алфавиту значилось 13 человек. Статус одного из них был даже определен как «временно отпущенный солдат». Это был сапожник Барка Юделевич Каплан. Портного Капеля Абрамовича Любаля записали как «состоящего в запасе армии». Единственный из военного списка унтер-офицер Зиря Нахманович Беркман вступил в цех портного ремесла. Вдова штабс-капитана Любовь Владимировна Ергольская работала в цехе женского портного ремесла.

Встречались среди цеховых мастеров дети купцов. Например, купеческим сыном был кушнер Цадик Невихович Гецов. Портниками стали купеческие дочери родные сестры Анна Берковна и Дания Берковна Гаркави.

Возможно самым красноречивым примером сословного размытия цехов стал приход в ремесленные мастерские дворян и почетных граждан. Их насчитывалось 43 человека. Среди них было

много женщин и они занимались преимущественно пошивом одежды. Именно дворянки первоначально и составили в цехах их женскую часть. Например, в цехе портного ремесла трудилась дворянка Эмилия Ивановна Буткевич. Мастером рукодельного ремесла была дворянка жена коллежского советника Александра Баркловская. В 1897 г. она получит аттестат на знание ремесла вышивания гладью и перейдет в специализированный цех [28, л. 2]. Мастером белошейного ремесла была дворянка Матильда-Марта Павловна Воложинская, мастером дамского портного ремесла дворянка Елена Гавриловна Жабо. Личная почетная гражданка Степанида Фоминишна Жог работала в цехе дамского портного ремесла. Там же трудилась определившая себя, как «дочь коллежского советника» Мария Владимировна Скворцова. Дамским портным был коллежский асессор Федор Ильич Дриновский. Дворяне-мужчины выбирали для себя и другие профессии – сапожников, цирюльников, ювелиров. В каретной мастерской трудился каретный мастер дворянин Дионисий Францевич Ивановский [9, л. 1–130]. Мастерами столярно-мебельного цеха были дворяне Ковенской губернии Игнатий Осипович Эйгерт и Антон Юрьевич Шилковский, виленский дворянин Яков Казимирович Зайончковский, дворяне Иван Иванович Протасевич, Антон Карпович Кисель, Петр Яковлевич Шигило. Последнему в 1890 г. было уже 75 лет, но он еще значился мастером столярно-мебельного цеха [26, л. 22]. Цеховой мир становился весьма разнообразным и разноликим.

Общая сословная динамика коснулась и самого ремесленного сообщества. Как бы цеховые ремесленники не были привязаны к своим мастерским и образу жизни, но и они оставляли их, переходя в новые для себя социально-профессиональные слои. Большой радостью для ремесленника и его семьи становилось занятие предпринимательской деятельностью и связанные с этим изменение социального статуса и уровня благосостояния. Выше уже приводились примеры подобного взлета ремесленников – сапожников, например, Зибицкера, Берлянда, Цитвера и других, сумевших превратить свои мастерские в полномасштабные обувные фабрики. Успешными представителями промышленной буржуазии стали мас-

тера кожевенного ремесла Имрот, альбуминно-кишечного ремесла Бамдас, мозаичного ремесла Перец, мыловаренного ремесла Данишевский. Однако, столь обнадеживающие примеры были весьма немногочисленными.

Чаще встречались случаи разорения мастерских и кустарей-одиночек. И тогда ремесленники или уезжали в поисках лучшей доли, или опускались на социальное дно, пополняя армию безработных, или становились наемными рабочими. На минских табачных фабриках и на машиностроительном заводе «Технолог» почти все рабочие были выходцами из мещан Минска и других белорусских городов, а значит, многие из них имели отношение к ремеслу [149, с. 36]. Мещане-ремесленники составляли большинство среди типографских рабочих. Например, в 1904 г. в типографии Соломонова из 58 рабочих 52 были из мещан, в типографии Дворжеца из 80 рабочих 76 были мещанами [65, с. 53]. Рабочие-евреи не замыкались в национальных рамках, в трудовых конфликтах не принимали обязательно сторону своих единоверцев предпринимателей-евреев, а проявляли обычную классовую солидарность с другими рабочими. Рабочий В. Козлов вспоминал, что «на кожевнном заводе Имрота трудилось значительное количество евреев. Мы вместе работали, вместе страдали, вместе боролись и вместе отдыхали. Ходили друг к другу в гости. Наш хозяин был евреем. Но когда бастовали рабочие – белорусы и русские, то к ним неизменно примыкали и рабочие-евреи» [149, с. 36]. Но евреи не хотели надолго оставаться в положении наемных рабочих, они любыми путями стремились вернуться к торговле, ремеслу, или как-то по-иному устроить свою жизнь. Звание рабочего их не удовлетворяло, стать на фабрике мастером или инженером, или занять какую-либо иную должность многим не позволяла квалификация. Поэтому специалисты в области статистики и многие авторы отмечали, что фабрики «с еврейским трудом» в Минске недолговечны: они либо закрываются, либо меняют своих рабочих. Отдельные предприниматели предпочитали нанимать рабочих и инженеров из других городов: Москвы, Смоленска, Вильно, Варшавы и даже из других стран. Например, когда на кирпичном заводе Каплана устанавливалось новое оборудование,

ряд специалистов был приглашен из Польши. Мастера на кафельном заводе Поляка набирались в Пруссии. Рабочие обойной фабрики Хаютина приехали из Москвы. Многие специалисты чугунолитейного дела были из Риги. На фабрике гребней, открытой в Минске в 1910 г., работало 18 мастеров из Франции [149, с. 32].

Как и в стародавние времена, своей важнейшей задачей цехи считали борьбу с нецеховыми работниками, подрывавшими их монополию на ремесло. Затишья в этой борьбе не наступало. Цеховые старшины в соответствии с ремесленным уставом наблюдали, «чтобы не имеющие цехового права не отправляли присвоенного оному ремесла, и, усмотрев таковых, приносили на них, где следует жалобы» (ст. 65). Поэтому цеховые старшины писали рапорты в ремесленную управу с требованием наказать. Если ремесленная управу самостоятельно не справлялась с нарушителями, то заводила дела, к решению которых уже приступали приставы полицейских участков и Минское губернское правление. Приведем примеры разбирательств, с которыми Минская ремесленная управу справилась самостоятельно.

В июне 1880 г. ремесленная управу разбирала рапорт старшины кондитерско-булочного цеха Шефифа, «коим он доносит, что кондитеры Карл Квель и Роберт Шенин изготовляют продукцию без записи в цех. К ним неоднократно посылались уведомления. Просит принять меры к принуждению вступления в цех». Во время обсуждения члены управу подчеркнули, что «всякий должен быть записан в цех или в ремесленное общество. В противном случае необходимо прекратить занятие и заплатить штраф от 10 до 50 рублей». В отношении Карла Квеля и Роберта Шенина последовало следующее постановление: «лишить подмастерьев и учеников, подвергнуть штрафу 45 рублей, до записи в цех производство закрыть» [1, л. 18]. Буквально через несколько лет кондитерская вступившего в цех Роберта Карловича Шенина станет одной из самых больших и известных в Минске.

В ноябре 1880 г. ремесленная управу вынесла аналогичное постановление по делу «евреев Ясея и Лейбы Цытворов, проживаю-

ших в 3-й части Минска, которые производят стекольное ремесло без записи в цех» [1, л. 57].

Цеховое сообщество в нецеховых конкурентах прежде всего возмущало нарушение общепринятого порядка, что они не приписаны к цеху, не имеют соответствующих аттестатов, не платят цеховых взносов. Других аргументов в архивных документах практически нет. Минские ремесленники пока не доверяли официальным бумагам свои переживания о сохранении клиентов, ценах, доходах и прочих рыночных преимуществах, разрушаемых нецеховыми ремесленниками. Поэтому их требования заключались в наказании за нарушение порядка и, самое главное, приобщении к цеху. Особенно активно с нецеховыми боролись те цехи, чье ремесло, да еще и защищенное цеховыми привилегиями, приносило неплохие доходы: цехи по пошиву одежды, изготовлению пищи, связанные с металлообработкой, цех трубочистов. Например, о доходах металлистов говорит тот факт, что хозяева восьми механических мастерских имели токарные и сверлильные станки. Хороший портной с помощью подмастерьев и учеников зарабатывал в месяц до 100 рублей. К категории зажиточных относились и трубочисты. Многие мастера имели собственные дома, а иные и по нескольку, некоторые занимались торговлей и имели собственные лавки [149, с. 58, 118]. В «Памятной книжке Минской губернии на 1896 г.» в списке 20 мастеров-трубочистов указано, что 9 из них имели собственные дома [47, с. 209].

Приведем примеры более злостных нарушений, с которыми ремесленная управа не могла справиться самостоятельно. В феврале 1880 г. управа портного цеха во главе с цеховым старшиной Александровым сообщила ремесленной управе, что «прибывший в Минск портной Борковский открыл по Губернаторской улице в доме Мощинского мастерскую, производит портное ремесло, и не только не уплачивает взноса на содержание общей ремесленной управы, но даже не предъявляет аттестат на знание портновского ремесла. Покорнейше просим сделать распоряжение о вытребовании документов». Но вытребовать документы оказалось не просто. На три повестки для дачи объяснений, направленные ремесленной

управой, даже с распиской самого Борковского о получении, он не явился. В апреле 1880 г. дело было передано под контроль пристава 1-й части Минска, где находилась Губернаторская улица. Дело сдвинулось выпиской штрафа лишь в августе 1880 г. после обращения к «высшему начальству», т.е. к губернскому правлению [3, л. 1–4]. Однако, в октябре 1888 г. на заседании Минской ремесленной управы вновь обсуждался вопрос о портном Игнате Борковском (очевидно, это все тот же «герой»), который «не записан в цех на срок паспорта и не предъявляет аттестата» [19, л. 104]. Какие-то очень веские причины удерживали Борковского от вступления в цех, но при этом он продолжал заниматься портновским ремеслом.

Вот еще один показательный случай, в котором ремесленники столкнулись с подобными себе профессионалами, занятыми на капиталистическом предприятии и имеющими все положенные документы. Ремесленники обнаружили, что слесари, кузнецы и столяры, служащие на железной дороге, частным образом занимались соответствующими ремеслами в свободное от основной работы время. Самостоятельно запретить это «неправильное производство в черте Минска» ремесленная управа не решилась. В августе 1880 г. исполняющий обязанности ремесленного головы Адам Марецкий имел «честь просить Его Высокоблагородие господина пристава 1-й части Минска командировать помощника своего для бытности и составления акта старшиною слесарно-кузнечного цеха относительно лиц неправильно производящих частным образом слесарно-кузнечное и столярное ремесло». Командированный помощник пристава Еленский способствовал решению дела в пользу слесарно-кузнечного цеха, защитив его от капиталистической предприимчивости умельцев с железной дороги [6, л. 1–2].

Имели место случаи, когда члены одного цеха занимались ремеслом другого цеха, что также считалось недопустимым, за исключением оговоренной в ремесленном уставе производственно-технологической необходимости. Статья 123-я гласила: «Мастеру предоставляется отправлять и ремесла других цехов, но лишь посколькы сие необходимо для окончательной отделки предмета собственного его ремесла и только через подмастерьев сказанных це-

хов. Кроме того мастер, желавший воспользоваться сим правом обязан записаться во все те цехи, к коим относятся вспомогательные его работы, и отправлять денежные повинности наравне с прочими мастерами сих цехов» [33]. В остальных случаях удары от «своих» переживались особенно тяжело. Поскольку четкой системы наказаний за подобные нарушения не существовало, цеховое начальство импровизировало. Прежде всего пытались добиться вступления в соответствующие цехи. Своеобразная межцеховая «разборка» имела место в июле 1880 г. В ремесленную управу обратились цеховой старшина портновского цеха Александров, его товарищ и присяжный маклер. В своем рапорте они писали: «Многочратно замечено нами, что лица, занимающиеся в Минске белошвейным мастерством и причисленные к перчаточному цеху, занимаются самоуправно портняжною работою для женского пола с явным ущербом портняжескому цеху без всякого на то дозволения. Для пресечения сего неудобства просим сделать распоряжение о причислении белошвейных мастеров к цеху портных». Ремесленная управа приняла другое решение: «воспретила этим лицам заниматься дамским портным изделием» [5, л. 1–2].

Несколько лет дамский портной цех боролся с не имеющей цехового аттестата мещанкой Софьей Тейсовой. В 1885 г. старшина цеха довел дело до суда. Мировой судья приговорил ее к штрафу в ремесленную казну в размере 11 рублей и конфискации инструментов, материалов и готовых изделий. «Швейная машина, платья, лифы на сумму 50 рублей сданы на хранение Абраму Рубенчику». Однако, в 1886 г. все это имущество у Рубенчика было похищено. Первоначально цех пытался сам провести расследование и разобраться, но не получилось. В 1888 г. по просьбе дамского портного цеха ремесленная управа передала это дело прокурору [19, л. 1].

В 1888 г. дамский портной цех вновь обнаружил нецеховых конкурентов в лице Рони Агинской, которая «на вызовы управы не реагировала», Ниши Фейнгауз, в чьей мастерской «работали 4 девицы, которые с приходом проверки сразу ушли, не сказав фамилий». Дела были переданы в суд [19, л. 28, 73].

Учитывая масштабы явления, в 1888 г. в распоряжении Минской ремесленной управы появились специальные отпечатанные типографским способом бланки, которые использовались при «поверке ремесел». Чтобы дать «законный ход для подтверждения виновного», в акт нужно было внести имя ремесленника, адрес мастерской, подробно описать «произведения ремесла», инструменты, которые должны быть переданы в цеховую казну на время ведения дела. Подписанный старшиной цеха акт передавался в ремесленную управу. Только в 1888 г. ремесленная управа дала ход более чем двум десяткам подобных актов, передав их в суд. Среди них есть акты, обвиняющие И.К. Борокенского в противозаконном производстве парикмахерского ремесла, Л. Виника – стекольного ремесла, А. Мойзельсона – шорно-обойного ремесла, А.А. Дитриха – слесарно-кузнечного и колесного ремесла, А.Я. Пинеса – переплетного ремесла. По поводу последнего отмечалось, что у него есть подмастерье, ученик, вывеска, и что он выполняет договорные работы от цеховых мастеров [19, л. 34, 42, 44, 88]. Некоторые ремесленники после подобных проверок, не дожидаясь дальнейших действий, скрывались. Как сделал, например, «производивший незаконно слесарно-кузнечное ремесло Борис Рахмилевич». Поскольку он «выбыл из города», «невозможно дать ход делу» [19, л. 58]. Некоторые, напротив, пытались защитить себя и опровергнуть высказанные в их адрес обвинения. Например, дворянин Иван Барженецкий, против которого ремесленная управа «возбудила у мирового судьи уголовное преследование», показал в суде, что «члены и голова ремесленной управы выманивали у него взятку 90 рублей за уничтожение заведенного протокола и выдачу аттестата» [19, л. 73].

Серьезные счеты с нецеховыми были у мастеров мясного цеха. 7 апреля 1888 г. 7 мастеров мясного цеха направили в Минскую общую ремесленную управу рапорт с просьбой «исходатайствовать запрет нецехового производства и покупки мяса». В объяснении своей просьбы они приводили следующие аргументы: «Многие лица, не записанные в мясной цех Минска, занимаются в оном мясным ремеслом и производят торговлю таковым, покупая скот за городом на дороге у везущих в город для продажи, а также на базаре в

мясных рядах для перепродажи и убоя, препятствуя покупать сей скот в городах цеховыми мастерами по сходной цене и лишая их иметь заработок от своего ремесла и при том чрез это возвышаются цены на мясо» [19, л. 46]. Цеховые мастера, конечно же, лукавили, ведь именно они, благодаря своим согласованным действиям и пытались держать монопольно высокие цены на мясном рынке. Нецеховые продавцы, покупая мясо далеко за городом у непосредственных производителей, напротив, снижали цены. Цеховые мастера могли обратить внимание на санитарные нормы, которые в условиях городского рынка соблюдаются с большей вероятностью, но честно не стали тратить на это время, приведя главный аргумент, что их просто оттесняют с рынка, лишая заработка.

Проведя в течение 1888 г. несколько проверок мясного цеха, старшина и его товарищи, установили, что без цеховых аттестатов работают Бенъямин Просман, Федор Сивуков, Гирш Спринц. Причем у последнего даже обнаружили собственную лавку в мясных рядах [19, л. 15, 21]. Да, цеховая управа уже не контролировала положение на мясном рынке. Более того, она уже теряла контроль и над собственными мастерами, о чем свидетельствовало, например, такое дело, обсуждавшееся в ремесленной управе в присутствии полицмейстера. Мастера мясно-сально-колбасного цеха обвинили своего коллегу мастера Константина Гинтера в том, что он неизвестно куда дел околешего 11 февраля 1888 г. кабана. В цехе учитывалось число выращиваемых животных, устанавливалось время их убоя, совместными силами производился убой, с введением в строй городской скотобойни, скот отвозился туда, определялось, что пойдет на дальнейшую переработку, что на продажу, устанавливались сроки продажи и т.д. А тут неординарный случай, пропал целый кабан. Кстати, когда проверяли мастерскую Ф. Сивукова, обратили внимание на признаки того, что недавно там смолили кабана, опять-таки, неизвестно какого. В ходе произведенных допросов выяснилось следующее. 11 февраля 1888 г. у Гинтера действительно околел кабан «от причиненного неизвестно кем ушиба». Гинтер договорился с ломовым извозчиком Ликманом, чтобы тот отвез его за город и закопал, и заплатил ему 30 копеек. В присутст-

вии двух свидетелей кабана погрузили на телегу, но повезли не за город, а к одному из свидетелей – Давигалю, который перетопил внутренний жир и продал его Руберману, а тот в свою очередь продал 1 пуд жира за 20 рублей на мыльный завод Рубина Фрумкина. Так мастер Гинтер, обманутый своими компаньонами, лишился и возможного дохода, и доверия товарищей, написавших на него рапорт [19, л. 6–8].

Неоднократно с нецеховыми работниками конфликтовал цех трубочистов, причем эти дела получали в Минске громкий общественный резонанс. 26 марта 1880 г. минские трубочисты на цеховом сходе составили и утвердили приговор о том, «как должно поступать с теми лицами, которые производят трубочистное ремесло в Минске, но в цехе не состоят и содержат учеников и подмастерьев без всякого разрешения». Вопрос уже требовал незамедлительного решения потому, что расклад сил складывался не в пользу цеха. Выяснилось, что в цехе состоят 10 мастеров-трубочистов, а вне цеха производят работу 13. Цеховые мастера предусмотрительно собрали жалобы от домовладельцев, недовольных работой нецеховых трубочистов. Весьма красноречивым было заявление минского домовладельца Алексея Тихонова, которое он направил в ремесленную управу. Дом Тихонова располагался около Московско-Брестского железнодорожного вокзала. Домовладелец сообщал, что он «договорился с трубочистом, проживающим на Романовской улице». Однако, тот «совершенно от очистки отказался. Вскоре произошло воспламенение сажи в трубах. Пожар потушили с помощью квартирантов, а то потеряли бы имущество». Далее Тихонов писал, что он обратился к старшине трубочистного цеха Мардуху Левкову и попросил его назначить трубочиста. Цеховой сход в своем приговоре был осторожным, пытался заручиться поддержкой городских властей. Цеховое право запретить производство ремесла нецеховыми до их записи в цех и оштрафовать их в размере от 10 до 50 рублей трубочисты намеревались реализовывать только с ведома Минского губернского правления и Минской ремесленной управы. Этот приговор, заверенный самим вице-губернатором, был доставлен в ремесленную управу. Цех трубочистов в борьбе с нецеховыми

заручился важной бумагой [4, л. 1–3]. Один бой был выигран, однако, война превращалась в затяжную с неожиданными поворотами.

В 1890 г. в ремесленную управу поступило заявление вдовы мастера цеха трубочистов, желавшей продолжить дело мужа, что было абсолютно законным. Цеховой старшина был против и настаивал на ежемесячной пенсии в размере 3-х рублей, что также не противоречило закону. Конечно, старшина опасался конкуренции, тем более у вдовы подрастало семеро малышей. Ремесленная управа встала на сторону вдовы, разрешив ей продолжить дело мужа, иметь подмастерьев и учеников [149, с. 119].

В 1890-е гг. в заповедное поле борьбы с печной гарью вступают игроки-тяжеловесы: органы городского управления и Минское вольно-пожарное общество, созданное в 1876 г. Озабоченные плачевным состоянием противопожарной безопасности, они усмотрели ненадлежащее качество работ и несоблюдение противопожарных мер, как цеховыми, так и нецеховыми трубочистами. Для исправления положения они выступили с инициативой установления определенного денежного сбора от домовладельцев в пользу города на противопожарные нужды и организации на эти средства специальной городской артели трубочистов. Против этого предложения единым фронтом выступили и домовладельцы, и все трубочисты. Сославшись на отказ выплачивать сбор, первоначально против проекта городских властей выступило губернское правление. Несмотря на это, в октябре 1898 г. в Минске начала действовать образцовая артель трубочистов под управлением Минского вольно-пожарного общества. Артель возглавлялась старшим мастером, состояла из работников и учеников. Появление городской артели вызвало переполох среди цеховых мастеров. Сама городская власть нарушила и ремесленный устав, и цеховое право на ремесло. В 1902 г. по цеховой организации был нанесен последний удар, она была упразднена. Вскоре в деле очистки печных труб само собой установилось рыночное равновесие: городская артель стала обслуживать центр города с государственными, общественными зданиями, домами богачей, остальные же трубочисты безраздельно господствовали на бедных окраинах [149, с. 119–120].

Качество очистки труб, напрямую связанное с таким страшным городским бедствием, как пожары, наиболее ярко высвечивало проблему качества ремесленного производства в более широком смысле. Ремесленный устав в отношении качества был строг, предписывая что «всякий ремесленник имеет долг производить по ремеслу работу добрую и отправлять ремесло сколько умеет исправнее без недостатков, подлога, обмена, обмера и обмана» (ст. 154). Но до полного благополучия здесь было далеко. Много времени цеховым старшинам и ремесленной управе приходилось тратить на разборы жалоб потребителей по поводу качества ремесленной продукции. Ведь цеховая организация еще и выполняла функции контроля качества и защиты прав потребителей, рассматривая и удовлетворяя их претензии. С одной стороны, то, что потребитель напрямую обращался со своей проблемой к непосредственному начальнику производителя изделия или услуги, было понятно и удобно, можно надеяться на скорейшее исправление. Ремесленная управа, как правило, в этих случаях выносила постановление об исправлении работы за счет ремесленника. С другой стороны, цех был лицом заинтересованным и в силу корпоративной солидарности вполне мог покрывать своих нерадивых членов. И тогда шансов у потребителя практически не было. Любой орган, в какой бы он ни обратился, все равно вернул бы дело в ремесленную управу. Поэтому, в конечном счете, все сводилось к личной ответственности и профессионализму мастера. Мастерство ценилось во все времена. Об этом свидетельствуют многочисленные пословицы и поговорки. «Не то дорого, что красного золота, а дорого то, что доброго мастерства». «Работнику полтина – мастеру рубль». «По закладке мастера знать». «Всякая работа мастера хвалит». «С мастерством не рождаются, добытым гордятся» [122]. В документах Минской ремесленной управы нет жалоб на продукцию или ремонтные работы слесарно-кузнечного цеха. Минские кузнецы были настоящими мастерами своего дела. Но история сохранила нам имена и тех, кому «нечем хвалиться, как из рук все валится», кто «зимой с бороной, а летом в извозе», кто «за все берется, да не все удается».

В августе 1880 г. дворянка Каролина Иосифовна Григорович обратилась в ремесленную управу с жалобой на печника Августа Наркевича, который «плохо отремонтировал печи в двух комнатах деревянного дома». Ремесленная управа вынесла постановление, чтобы Наркевич исправил работу за свой счет [1, л. 21]. Дворянка Мария Петровна Радоминская высказала претензии к мастеру столярного ремесла Иоахиму Малявскому за плохой ремонт зимних оконных рам, и за то, что «двойные двери покошены». Постановление ремесленной управы было аналогичным [1, л. 29]. Интересен и сам факт обращения с подобными жалобами дворян. В дореформенное время в их домах все в основном делалось и ремонтировалось крепостными. В пореформенное время и для них началась новая жизнь.

Много жалоб поступало на портных, причем как на плохо сшитые изделия, так и на другие неправомочные действия. Так, в январе 1889 г. поручик пехотного батальона Кинчевский жаловался на портного Иоселя Гурвича, который «захватил шинель и отдал ее на прокат». Кинчевский уже писал два подобных заявления в ремесленную управу, поэтому на сей раз требует возбуждения уголовного преследования [20, л. 1]. В 1890 г. купец Иван Шатрунов жаловался на портного Абрама Вигдорчика, которому он передал для переделки старые пальто и брюки, но не получил ни переделанных вещей, ни хотя бы отданных старых [25, л. 12]. В 1890 г. Минская общая ремесленная управа разбирала следующие дела о качестве работы портных. Портниха Адамцова испортила зимнее пальто, сшитое по заказу крестьянки Вильины Ганецкой [25, л. 1–2]. Портной Овсей Затуренский 6 раз переделывал 2 шубы для поручика Юлиана Котковского. Эксперт настаивал на седьмой переделке, но Котковский отказался от такого исправления, так как «уже видны швы» [25, л. 7–9]. Портные Лейба Бляхов и Дон Фридберг не смогли справиться с сюртуками. Причем Фридберг выполнял заказ от своего коллеги мастера колбасно-мясного цеха Адольфа Ефимова [25, л. 25–27]. Хаим Буслович, Лейба Сагалович не смогли сшить пальто, причем первый умудрился испортить материал для двух пальто, не приступив к пошиву [25, л. 44, 47]. Лейба Бляхов не совладал и с заказом от духовного лица А.И. Пастернацкого на пошив

льняного пальто и костюма [25, л. 43]. Дамский портной Дунер испортил шерстяной долман «хорошего покроя и фасона» для дворянки Л.Ф. Вейксенгофф [25, л. 28]. Портниха Суборкина плохо сшила женское платье для Варвары Гарбузовой [25, л. 39].

«Не отставали» по числу жалоб на плохую работу и сапожники. В 1889 г. в ремесленную управу поступили заявления на сапожников Юдея Файна и Карла Родевича, которые требовали от заказчиков завышенных сумм в качестве оплаты и не возвращали сапоги [20, л. 3–5]. В 1890 г. на Юдея Файна поступили еще две жалобы: от поручика М.А. Дураковского по поводу плохо отремонтированных сапог и от Анны Климович о порче ботинок [25, л. 23–24, 41–42].

Поступали жалобы и на «ремесленников класса ученых». В 1889 г. Карл Андреевич Карницкий имел честь «заявить управе и покорно просить дать распоряжение об исходатайствовании рояля, который был дан для полировки мастеру (фамилии не знает), который работу испортил» [20, л. 2].

Нередкими были жалобы цеховых мастеров на своих коллег по цеху, с которыми они заключали договоры на выполнение тех или иных заказов. Например, в 1890 г. мастер столярно-мебельного цеха Михель Шадрон жаловался на мастеров того же цеха Кайдановского и Сименчика за то, что те не выполнили заказ на изготовление партии из 6 круглых столиков и 5 стульев [25, л. 34]. Канатный мастер Нохим Кнорин уличил Степана Давида в том, что тот не справился с операцией «клепать колос для моей работы» [25, л. 48]. Приказчик купца Лейзера обратился с заявлением в ремесленную управу на мастера бондарного ремесла А.В. Варфоломеева за то, что тот не справился с работами на смоляном заводе купца [25, л. 73].

Бывали случаи, когда мастера жаловались на своих заказчиков. В 1890 г. мастер мужского портного цеха Абрам Рафаилович Любавин вынужден был обратиться в ремесленную управу с заявлением на ксендза Гавронского, который «заказал у него две сутаны, потом приказал раскроить еще две, но ничего из перечисленного не забрал и не отдал денег» [25, л. 69].

Серьезной дисциплинарной и экономической проблемой между рядовыми работниками и цеховым начальством была уплата цеховых налогов: взносов при вступлении в цех и денежного сбора на содержание ремесленной управы (ремесленного сбора). Многим бедным ремесленникам было затруднительно выплачивать даже копеечные суммы. Цеховым старшинам регулярно приходилось об этом напоминать. Обсуждался этот вопрос и на цеховых сходах. Молодой ситно-решетный цех 26 июня 1887 г. провел даже специальный сход «для составления предположения о том, каким образом должны быть облагаемы ремесленники при вступлении в цех». В решении, опирающемся на ряд статей ремесленного устава, говорилось, что взыскивать должно следующие суммы: «с мастеров вечных по 3 рубля, иногородних на срок их паспортов по 3 рубля, с учеников, как местных, так и иногородних по 25 копеек, с подмастерьев, как местных, так и иногородних по добровольным их складкам. Возложить сборы на цехового старшину и старшинских товарищей» [15, л. 123]. Следует отметить определенную вариативность в установлении сумм сборов и возможность их пересмотра.

Ремесленные сборы в зависимости от экономического положения цеха составляли от нескольких десятков копеек до рубля. Минская ремесленная управа оформляла специальные бумаги об уплате денежных сборов. Время от времени приходилось взыскивать недоимки. Для этого соответствующие письма направлялись в Минское городское полицейское управление. Приставам полицейских частей Минска передавались списки с фамилиями конкретных недоимщиков. После чего нарушителям вручались специально отпечатанные бланки, на которых указывалось «По постановлению Минского городского полицейского управления». Например, в 1884 г. назрела необходимость взыскать недоимки с уклоняющихся от уплаты мещан столярно-мебельного цеха, «жительствоющих в 4-й части Минска, занимающихся в мастерской станции Минск Московско-Брестской железной дороги» [12, л. 22]. Не оставили в покое и бондарей. На них был составлен «Именной список мастерам бондарного цеха, не отдавших исполна копеечного сбора». В этом списке из 16 человек минимальная задолженность оказалась у Янкеля Цукер-

мана – 30 копеек, максимальная у Пейсаха Гурвича – 4 рубля 50 копеек [12, л. 68].

Буквально на излете существования Минской ремесленной управы минские ремесленники объединились в ремесленном кредитном товариществе. Оно было открыто 12 июля 1901 г. по инициативе бывшего городского головы графа К.Э. Чапского на основании положения 1895 г. об учреждениях мелкого кредита. Перед ремесленниками товарищество открывало следующие возможности: «1) получать на необременительных условиях ссуды для удовлетворения хозяйственных потребностей; 2) помещать сбережения для приращения процентов; 3) пользоваться посредничеством товарищества при покупке предметов необходимых для хозяйственных надобностей и при продаже произведений их труда». Первоначальный основной капитал товарищества был составлен из следующих сумм. Государственный банк открыл кредит. Управляющий Минским отделом государственного банка А.Н. Беляев провел рекламную кампанию, на которую откликнулось купечество, собрав пожертвования в размере 2536 рублей, беспроцентные ссуды на 5 лет предоставили другие банки. Основной капитал товарищества составил 5136 рублей. К 1 октября 1902 г. в товариществе уже насчитывалось 766 человек (см. таблицу № 10 в приложении). Они разместили вклады на сумму 13 536 рублей. Для работы в товариществе были приглашены на должность бухгалтера кандидат коммерческих наук Т.А. Шабатт, на должность делопроизводителя И.Я. Герцык. Согласно уставу наибольший размер кредита, который можно было выдать одному ремесленнику, составлял 150 рублей. Однако на общем собрании было решено уменьшить эту сумму до 100 рублей [53, с. 121–122]. Ремесленное кредитное товарищество отвечало реальным нуждам ремесленников, было встречено ими с большим одобрением и энтузиазмом. После роспуска цехов оно стало для ремесленников спасательным финансовым кругом в самостоятельном плавании в бурных водах капитализма.

Глава 7. Ремесленное ученичество

*«Подножие искусства – ремесло».
Чтобы подняться, надобно учиться.
Так у птенца – беспомощно крыло,
Но как свободно им владеет птица!*
Е. Пугачев

В достаточно замкнутом цеховом мире сложились собственные традиции взаимоотношений между поколениями. Через институт ремесленного ученичества цехи занимались воспитанием и профессиональным обучением детей. Причем учениками становились как дети мастеров, так и приходящие со стороны. Ученики, в белорусской традиции «хлопцы», были членами цеха, хотя и неполноправными. Не только конкретные мастера, но и цехи в целом считали себя ответственными за своих учеников, уделяли ученичеству большое внимание, понимая, что в этом заключается залог их развития. Между мастером и цехом, с одной стороны, и учениками, с другой, возникали взаимные обязательства по прилежному ответственному поведению. Устанавливались сроки ученичества, в зависимости от специальности от трех до пяти лет. Определялось возможное максимальное количество учеников у одного мастера, как правило, небольшое. Например, в цехе сапожников в XVII–XVIII вв. мастеру дозволялось иметь не более одного ученика [142, с. 41]. Все серьезные вопросы, связанные с учениками, решались на цеховом сходе. Так, например, в старейшем минском цехе восьми ремесел цеховой сход по жалобе ученика Адама Корженевского оштрафовал его мастера кузнеца Григория Чемендровского за то, что тот «тыранска і неміласердна пастрымкамі высек хлопца» [142, с. 16].

В XIX в. ремесленный устав подтвердил давнюю традицию, что «никто из ремесленников, кроме мастера, учеников держать не может» (ст. 119). Устав определял широкий круг обязанностей мастера по отношению к ученикам. В статье 120-й говорилось, что «мастер обязан учеников своих учить усердно, обходиться с ними чело-векολюбивым и кротким образом, без вины их не наказывать и за-

нимать должное время наукою, не принуждая их к домашнему его служению и работам». Согласно статье 122-й «мастер должен вести себя благочинно, и поведением своим и трудолюбием подавать подмастерьям и ученикам добрые примеры, а притом содержать их исправно и во всей точности производить им следующую плату». Ремесленный устав оговаривал взаимоотношения евреев и христиан. «Мастерам евреям дозволяется держать подмастерьев христиан, учеников же из христиан могут они держать в том только случае, если имеют хотя бы одного подмастерья из христиан и если получат на то особенное дозволение общей ремесленной управы под собственную ее ответственность за надлежащее обучение поступающих на сем основании к мастеру еврею малолетних христиан. В таком случае на особенную обязанность ремесленного головы возлагается наблюдать, чтобы сказанные ученики отправляемы были по воскресным дням в церковь» (ст. 117) [33].

Из всех законодательных актов о промышленности только ремесленный устав оперировал понятием «ученик», при этом не определяя его возраста. Нередко учениками становились и взрослые люди. В уставе о промышленности заводской и фабричной встречается понятие «малолетний рабочий», возраст которого определялся с 12 до 15 лет, и «подросток» в возрасте от 15 до 17 лет. Созданные в целях выполнения фабричного законодательства фабричные инспекции устраивали различные проверки состояния промышленности, в том числе и положения малолетних рабочих и подростков. Одна из таких проверок, высочайше утвержденная 24 апреля 1890 г. мнением Государственного Совета «относительно малолетних рабочих», затронула и ремесленные цехи Минска. Во исполнение данного предписания помощник фабричного инспектора Виленского фабричного округа, к которому относилась Минская губерния, распорядился, чтобы старшины цехов Минска составили списки ремесленных заведений с указанием числа взрослых и малолетних (до 15 лет) рабочих. Далеко не все цехи выполнили распоряжение и предоставили списки, возможно, не все списки сохранились в материалах ремесленной управы. На основе имеющихся материалов складывается следующая картина. В 30 ремесленных цехах было

занято 1068 мастеров, 919 взрослых работников и 86 малолеток. Это не большое число для такого города, как Минск. Подробности см. в таблице № 6 приложения.

Перед поступлением в ученики ребенка необходимо было подвергнуть медицинскому освидетельствованию для выяснения, может ли он по состоянию здоровья заниматься тем или иным ремеслом, которому его желают обучить. Ремесленный устав даже специально оговаривает случай, когда ученик оказывается неспособным к обучению, в том числе и по состоянию здоровья. Например, в статье 149-й говорится, что «буде мастер взял ученика в науку на срочное время, а ученик окажется по тупому понятию или слабому телесному сложению к изучению неспособным, то по прошествии от заключения договора шести месяцев должен мастер известить о такой неспособности то лицо, которое отдало ему ученика в обучение».

Срок ремесленного ученичества определялся уставом от трех до пяти лет. Исключение из этого правила отмечалось в статье 147-й: «буде однако уже знал что ни есть касающееся до ремесла, в таком случае положенный для выучки срок по рассуждению старшины и старшинских товарищей уменьшить можно».

Прием в ученичество оформлялся договором. Согласно статье 145-й, «Мастер не должен принимать ученика без двух свидетелей, одного со стороны мастера, другого со стороны ученика, при которых обязаны договориться о времени, содержании и обучении ученика. Сей договор с обеих сторон должен быть содержим ненарушимо». Договор, как правило, заверяли цеховые присяжные маклеры, в случае отсутствия таковых, частные.

Приведем типичный пример договора, заключенного в 1880 г. и утвержденного Минской ремесленной управой. «Контракт, заключенный мастером колбасно-мясного ремесла бобруйским мещанином Адольфом Николаевым Ефимовым и крестьянкой села Ужда Сеницкой волости Минской губернии Фиумой Ивановной Мурашко о зачислении ее сына Александра Михайлова Мурашко в ученики. Мастер Ефимов обязуется выполнять следующие условия: 1) на время срока учения 5 лет учить ремеслу усердно и аккуратно; 2) на

время срока учения обходиться с ним человеколюбиво, дать ему помещение, пропитание, одежду, белье, обувь; 3) исходатайствовать запись в книге и свидетельство на звание подмастерья на свой счет и дать ему как он пожелает или деньгами 30 рублей или одеждою на эту сумму; 4) если Ефимов пожелает открыть мастерскую в другом городе и в случае если Мурашко понадобится, он должен ехать. Документы исходатайствовать на свой счет. В противном случае передать его другому мастеру до истечения контракта. Я, Мурашко обязуюсь смотреть, чтобы сын вел себя честно и учтиво, повиновался во всем и делал то, что будет приказано мастером, без ведома мастера ничего не делал и никуда не отлучался, равно уважал как мастера, так и его семейство. В случае невыполнения штраф 50 рублей. Постановили: контракт, как правильный, составленный согласно ремесленного устава и правильно подписанный, выдать Ефимову» [1, л. 5].

После оформления договора мастер должен познакомить ученика с цеховой управой, где его записывали в книгу учеников цеха, спросив «как его имя и прозвание, откуда он уроженец, каких лет». Далее шла процедура напутствия: «Цеховой старшина приказывает ученику быть верным, послушным, почтительным к мастеру и учиться ремеслу прилежно» (ст. 146). По истечении трех лет или полного срока ученичества мастер «должен дать ему письменное свидетельство, какое он заслужил по верности, послушанию, почтительности, прилежанию, искусству и поведению. С сим свидетельством ученик может или остаться у мастера, или отойти от него» (ст. 151). В ремесленном уставе оговаривалась и возможность расторжения контракта мастером «буде же ремесленник законные причины имеет согнать ученика» (ст. 150). В этом случае он должен объявить об этом цеховому старшине и старшинским товарищам.

В конце XIX в. проблема ремесленного ученичества вышла далеко за пределы цеховой организации. Общественность по-новому увидела в ней социально-правовое, педагогическое, нравственное, экономическое содержание. Эпоха капитализма, с одной стороны, привела к жесточайшей эксплуатации детского труда. Но, с другой стороны, просвещенное общество наконец увидело в детстве осо-

бый важный период становления любого человека вне всяких условий, который необходимо посвящать воспитанию и образованию, озаботилось проблемой охраны детского здоровья, всеобщей грамотности. В этом контексте ремесленное ученичество занимало свое особое место, не соответствуя полностью ни одному полюсу. К счастью, оно было лишено крайностей фабричного труда. В условиях Минска ученик попадал в патриархальную атмосферу семейно-ремесленного уклада. Какой бы бедной и жестокой не была семья и сам мастер, по крайней мере, ученик жил в домашней атмосфере, а не один на один с опасными станками, печами, антисанитарией, фабричной дисциплиной. Но, находясь в замкнутом мире дома-мастерской, ученик был лишен школьного образования, родительского тепла, детских игр и развлечений, часто полноценного питания и отдыха. Рядом с крепким жизнерадостным гимназистом, прогуливающимся в городском саду, ремесленный ученик, не выходящий из грязной, тесной мастерской, расположенной на узкой тупиковой улочке, выглядел точно как «дитя подземелья». А ведь Минск уже открывал перед детьми большие возможности.

На рубеже XIX–XX вв. в Минске заметно возросло количество начальных школ. В 1893 г. их было 13 с числом обучающихся 2353, в 1912 г. – 50 с 7318 учениками. Открывались женские школы. Согласно закону 1873 г. создавались казенные еврейские начальные школы с обучением на русском языке. В соответствии с данными первой всероссийской переписи населения грамотность в Минске составляла 56,9 % [149, с. 146, 148, 150]. В 1911 г. работали 7 средних учебных заведений: гимназий, реальных училищ и духовная семинария [38, с. 10]. В фабричном законодательстве 1883 г. было положение о том, чтобы владельцы мастерских «предоставляли возможность» детям, не имевшим свидетельств об окончании по меньшей мере одноклассного народного училища, посещать школу не менее трех часов в день или восемнадцати часов в неделю. Для надзора за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних рабочих учреждалась особая инспекция, находившаяся в ведении департамента торговли и мануфактур министерства финансов [133]. Однако, фабричное законодательство распространялось

на фабричную, заводскую и мануфактурную промышленность. В ремесленном уставе подобные нормы так и не появились. Поэтому все зависело от доброй воли мастера.

А воля эта не всегда была доброй. Время от времени Минская ремесленная управа разбирала жалобы учеников на своих мастеров. В основном они были однотипными. Ученики или их родители жаловались на грубое обращение мастеров, применение ими телесных наказаний, плохое содержание и питание, невыплаты причитающихся сумм, что полностью противоречило заключенным договорам. Мастера же ссылались на нерадивое поведение своих учеников. Иногда на заседаниях управы присутствовали оба, устраивая «личное состязание сторон», иногда кто-то один, порой жалобы рассматривались заочно в отсутствие истца и ответчика.

Например, 18 августа 1880 г. Минская ремесленная управа в присутствии обеих сторон обсуждала жалобу минского мещанина Александра Яблонского на мастера столярного ремесла Фердинанда Карловича «за неисполнение договора об отдаче ему в обучение малолетнего сына Иосифа Яблонского и жестокого с ним обращения». В жалобе отмечалось, что мастер заставлял ученика делать «домашние черные работы, не отпускал ему достаточно пищи». В своем объяснении мастер Ф. Карлович настаивал на том, что Иосиф Яблонский «не занимался обучением, праздно шатался по ночам, уходил неизвестно куда. 30 июля послали его с поручением, которого он не выполнил». Члены ремесленной управы выслушали также отца и сына Яблонских. Пунктом преткновения стал вопрос о жестоком обращении. В протоколе отмечено, что Ф. Карлович отказался дать расписку, что он жестоко обращался со своим учеником. По итогам обсуждения ремесленная управа вынесла постановление «освободить от Ф. Карловича ученика и передать в обучение другому» [1, л. 23].

В июле 1887 г. в ремесленную управу поступила жалоба ученика виленского мещанина Зароха Трахтенберга на мастера кожевенных дел Самуила Шаевича Гурвича. Вполне грамотно и со знанием дела ученик, или кто-то за него, отмечал, что в договоре, заключенном на один год, были обговорены условия обучения и «харчи». Но

вскоре мастер «отлучил от стола, не дал выплату. Я все выполнял аккуратно». Дело закончилось примирением сторон, а чем свидетельствовала записка Зароха Трахтенберга на имя ремесленного головы, поступившая в ремесленную управу в августе 1887 г. Ученик писал: «Около двух месяцев назад я жаловался в ремесленную управу на Самуила Шаевича Гурвича, у коего я работал, за оскорбление меня, задержание моих вещей и неуплату следуемых мне денег. Но я с ним помирился, и получил расчет, и вещи свои, а потому никакой к нему претензии не имею, и прошу жалобу мою оставить без последствий» [14, л. 1–8].

Нередко Минская ремесленная управа получала противоположные жалобы мастеров на своих учеников. В основном мастера жаловались на самовольные отлучки своих учеников в нарушение заключенных договоров. В октябре 1880 г. в ремесленную управу с жалобой на своего ученика Викентия Тимашевского обратился слесарно-кузнечный мастер Михаил Тихонович. Он не хотел мириться с «самовольною отлучкою и неисполнением договора со стороны ученика». Установил, что во время отлучки ученик был у другого мастера Паркунова. Тогда же на самовольную отлучку своего ученика Гинзбурга пожаловался мастер столярного ремесла Лейба Рубенчик. В обоих случаях ремесленная управа вынесла решение о передаче этих дел мировому судье [1, л. 47, 50]. На отлучку своего ученика жаловался мастер булочного цеха Вейцман [8, л. 101]. В 1883 г. мастер башмачного ремесла Антон Францевич Верлыга обратился к старшине сапожного цеха Бируну с заявлением, в котором так изложил историю своих взаимоотношений с учеником. В течение пяти лет он занимался обучением Фабиана Черноцкого в соответствии с договором, заключенном с его матерью Анной Касперович 29 декабря 1878 г. «Между тем вопреки сего договора мастер башмачного ремесла Фелициан Лернатович склонил Фабиана уйти от меня. 7 ноября 1882 г. он ушел. Прошу вернуть ученика и наказать Лернатовича по закону». В своей объяснительной записке Ф. Черноцкий писал, что «Верлыга 5 января 1883 г. (уже после его ухода) причинил побои, от которых чувствую боль. Это видели свидетели: подмастерье Фелициан Ивашкевич, ученики Фока Боро-

вец и Юлик Варига. Прошу поступить с Верлыгой по законной строгости ремесленного устава, мне предоставить защиту». В постановлении ремесленной управы по этому делу отмечалось: «Свидетельств, что бил ремнем нет. Сути спора по ремесленному уставу нет. Передать дело в мировой суд» [11, л. 1, 4].

Вообще самовольная отлучка была довольно частой провинностью учеников. Грешили этим и подмастерья. Подобные жалобы на них от мастеров также поступали в ремесленную управу. В наиболее тяжелых случаях с подозрениями на преступление управа даже вынуждена была обращаться в полицейское управление. Например, в 1883 г. канатный цех спрашивал совета у ремесленной управы обращаться ли ему в полицейское управление по поводу самовольной отлучки подмастерья Я.И. Личмана [8, л. 97]. Порой самовольные отлучки были связаны с денежными вопросами. В августе 1880 г. ремесленная управа разбирала дело мастера сапожного цеха Суприновича. Его подмастерье Малиновский в нарушение заключенного договора самовольно отлучился из мастерской. При этом он получил 14 рублей 24 копейки, которые еще не отработал. С подачи мастера цеховая управа сапожного цеха обратилась в суд. Ремесленная управа, сославшись, на то, что судебные уставы от 1864 г. позволяют дела по ряду статей разбирать цеховым и ремесленным управам, признала обращение в суд неверным, и рассматривала дело самостоятельно [1, л. 27].

Неординарное дело пришлось слушать Минской ремесленной управе в 1887 г. Мастер бондарного ремесла Григорий Зубович просил уничтожить договор, который он заключил с койдановской мещанкой Марией Михаловской об обучении в течение 4-х лет ее сына Александра. Не дождавшись окончания срока ученичества, Александр Михаловский поступил на военную службу. Мать направила в ремесленную управу прошение с жалобой на Г. Зубовича, который отказал ей в выдаче денег и одежды, оговоренных в договоре об ученичестве. Александр Михаловский в своем заявлении разъяснил ремесленной управе, что договор об ученичестве был заключен на 3 года с 1884 по 1887 г. Четвертый год он должен был отработать у Г. Зубовича в качестве подмастерья. Однако, Зубович

переписал контракт, и указал срок ученичества с 1885 по 1888 гг. Три года ученичества им – Александром Михаловским – были строго выдержаны. Рассмотрев дело, «по выслушании сторон», ремесленная управа постановила: «Мастер Григорий Zubович обязан дать ученику своему А. Михаловскому согласно заключенному между ним договору в текущем 1887 г. к празднику Светлого Христова Воскресения сюртук, брюки, жилет, две рубахи, к 15 августа – пальто, к 1 ноября – 20 рублей и инструмент в конце года при признании его подмастером» [17, л. 1–8].

Взаимоотношения мастеров и учеников имели экономическую подоплеку, являясь по сути дела скрытой формой капиталистического найма рабочей силы. В процессе учебы ученики так или иначе выполняли определенную работу, поручения, однако не получали за этот труд должной оплаты. Толковые ученики могли приносить мастеру немалый доход. Квалифицированный портной вместе с подмастерьями и учениками был в состоянии зарабатывать в месяц до 100 рублей [149, с. 58]. Однако, как мы видели, в стандартном договоре о ремесленном ученичестве вопросы оплаты прописывались общей строкой без профессиональной конкретики. Например, в цитированном выше договоре мастера колбасно-мясного цеха А.Н. Ефимова было указано, что по окончании учебы А. Мурашко, мастер выдаст ему «как он пожелает или деньгами 30 рублей или одежду на эту сумму». В договоре мастера башмачного ремесла А.Ф. Верлыги отмечалось: «за аккуратные труды я мастер обязан заплатить ученику или его матери 25 рублей». В договоре мастера бондарного ремесла Г. Zubовича об обучении А. Михаловского значилась сумма 20 рублей. Это были весьма незначительные суммы за пять лет труда. Несомненно, что при этом ученики приносили мастерам гораздо больше дохода. Тот же А.Ф. Верлыга в своем заявлении с жалобой на отлучку ученика честно признавался, что другой мастер «склонил Фабиана уйти от меня, чтобы лишить меня заработка» [11, л. 1–2].

Экономический смысл ученичества хорошо просматривается в такой, например, жалобе ученика на своего мастера. В 1882 г. в Минское губернское правление поступило прошение дворянина

Адама Русецкого, в котором автор сообщал, что он «пристал для изучения сапожного ремесла к мастеру Антону Хмелевскому». Это тот самый мастер, который в 1883 г. будет избран ремесленным головой Минска. А далее Русецкий обвинил своего мастера в «неуплате заработанных им 27 рублей 20 копеек и невыдаче подмастерского свидетельства». В своем объяснении Антон Хмелевский подтвердил, что Русецкий «действительно находился в обучении 7 лет, в течение которых приобрел познания в дамском сапожном ремесле. На признание его в качестве подмастера препятствия с моей стороны не было. О деньгах договора не было». Из губернского правления дело было передано в управу сапожного цеха, которая и приняла свое решение, о чем сообщила ремесленной управе и «дonesла Минскому губернскому правлению». Цеховое решение было следующим: «подмастером Русецкого признать, денег с Хмелевского не взыскивать (нет доказательств)» [10, л. 1–4]. В силу корпоративной солидарности и устоявшихся традиций решение и не могло быть иным. К чести очевидно далеко не малолетнего ученика Адама Русецкого надо признать, что он вскрыл «святая святых» института ученичества в условиях капиталистического предпринимательства. Как и во многих других случаях, за антикапиталистической сословно-корпоративной формой цеховой организации уже давно скрывалась капиталистическая по сути экономика, которой цеховые оковы мешали вырваться на свободу к выгоде мастеров и ущербу для учеников.

В конце XIX в. на принципиально новый уровень поднялось и ремесленное образование. В 1902 г., когда в Минске и ряде других городов были упразднены ремесленные управы, в России был принят необходимый для профессионального образования «Закон о ремесленных и технических учебных мастерских и курсах» [146, с. 393]. К 1913 г. в Минске функционировали уже три ремесленных училища и пять начальных школ с ремесленным обучением. Они готовили слесарей, литейщиков, электриков, портных, рабочих по ремонту сельскохозяйственных машин и др. мастеров, которые так нужны были в промышленном, ремесленном и сельскохозяйственном производстве [149, с. 148]. Первое ремесленное училище было

открыто в Минске в 1880 г. Уровень подготовки в нем был достаточно высоким. Из первых 14 выпускников 1883 г. 11 поступили в высшие учебные заведения России. В начале XX в. директором училища работал И.И. Самойло, руководивший секцией физики на съезде преподавателей математики, физики, естественных наук и географии средних учебных заведений Виленского учебного округа, который проходил в марте 1908 г. Среди преподавателей училища были выпускник Петербургского университета И.Е. Курилко, А.И. Зеленцов, издавший несколько работ о флоре белорусских уездов. В 1902 г., получив специальность столяра, училище закончил Александр Прушинский, который станет известным белорусским политическим деятелем и поэтом, писавшим под псевдонимом Алесь Гарун [146, с. 394, 397–397]. В 1896 г. была открыта Минская школа ремесленных учеников, которая занималась подготовкой столяров и слесарей, в 1901 г. – Минское еврейское ремесленное училище [146, с. 400–401]. Желаящие посвятить себя промышленному производству вряд ли сожалели об упразднении ремесленных цехов и ремесленного ученичества. Но именно это ученичество осталось в памяти непосредственным личным общением, совместным трудом и жизнью под одной крышей, в одном доме мастера и ученика.

Глава 8. Заговор слесарей 1887 г.

Добрая идея, неправильно понятая и примененная, в своем последовательном развитии приводит к расстройству порядка, усвоившего ее с таким неправильным пониманием и применением.

В.О. Ключевский

В 1880-е гг. общественно-политическая обстановка в Российской империи накалилась. Убийство императора Александра II, еврейские погромы вывели из равновесия основы традиционной патриархальной стабильности. Резко высказанное недовольство, вольно или невольно пущенные слухи могли собрать толпу на уличный митинг, стать поводом к забастовке, привести к массовым беспорядкам. От случайно брошенной искры события порой накатывались как снежный ком. Радикальные революционные группы увидели в этом большие возможности и стремились использовать такой алгоритм действий для подрыва общественных устоев и разжигания революционной борьбы. Ф.М. Достоевский прозорливо предупреждал об этом в романе «Бесы». Один из его героев Петруша Верховенский в порыве откровенности говорит: «Но надо, чтоб и народ уверовал, что мы знаем, чего хотим, а что не только «машут дубиной и бьют по своим»... Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идейка так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Тут каждая шелудивая «кучка» пригодится. Я вам в этих же самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут да еще за честь благодарны останутся. Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам...» [91, с. 408].

Минск не остался в стороне от революционных импульсов. На этот раз нерв общественной напряженности обнажили ремесленники. Событие, о котором пойдет речь, Минская ремесленная управа, губернские и городские власти назвали «Заговор слесарей». В свое время оно получило широкий общественный резонанс, породив

множество сплетен, домыслов и опасений. Со временем оно быстро стерлось из общественной памяти. В подробной годовой хронике «Минск. Книга жизни» ее автор Е.В. Малашевич к значимым событиям 1887 г. отнес следующие. Власти города подписали с петербургским инженером А.И. Горчаковым концессионное соглашение на строительство в Минске конки. В районе Немиги начала работать щетинно-сортировочная фабрика Ш.М. Ратнера. Вошло в строй первое в Минске крупное предприятие с паровым двигателем – военная мукомольня и хлебопекарня. 1 июля для бедных жителей Минска в доме благотворительного общества и за его средства была открыта дешевая кухня – столовая, посетители которой могли за 7 копеек получить на обед суп, мясо с соусом и фунт хлеба. 18 августа городская дума единогласно приняла решение о строительстве здания городского театра. 19 августа минчане наблюдали полное солнечное затмение [115, с. 93].

Упомянется это событие разве что в книге «Минск» историко-документальной хроники «Память». Ее авторы отметили, что в 1886–1887 гг. в Минске прошли стачки ремесленных рабочих обойщиков, столяров, наборщиков, портных, слесарей. Работниками слесарно-кузнечного цеха еще в 1885–1887 гг. была учреждена первая стачечная касса. На ее средства и была проведена забастовка в мае–июне 1887 г. рабочих 6 слесарно-кузнечных мастерских [121, с. 110–111].

Расскажем об этой забастовке подробнее.

Поскольку евреи чтили субботу, воскресный день для многих ремесленников был рабочим. Не были исключением и мастерские слесарно-кузнечного цеха. Работы у них было много, дело приносило немалый доход. Поэтому и работали металлисты больше установленного времени: с 6 часов утра не до 6 часов вечера, как было закреплено ремесленным уставом, а до 8-ми. Но воскресный день 25 апреля 1887 г. надолго запомнился многим мастерам. В этот день на работу в слесарно-кузнечную мастерскую Меера Крейнделя без каких-либо предупреждений и тем более объяснений не явился подмастерье Лейба Карп [18, л. 13]. Зато в слесарно-кузнечной мастерской Копеля Бейлина около 4 часов пополудни случился на-

стоящий аншлаг. У него самого работал один подмастерье Берка Рольник и три ученика: Григорий Карпук, Цыля Рапопорт и Калман Гусев. К ним в мастерскую пришли подмастерья других мастеров, не всех из них он хорошо знал. Из тех, кого знал, были: Меер Барухин, Айзик, Лейба. По мнению Копеля Бейлина, они вели себя грубо и вызывающе и «приказали, чтобы никто после 6 часов вечера не работал, а если кто будет работать, будет лишен своего звания и жизни. Все рабочие бросили работу и спасают жизни» [18, л. 14].

В большой слесарно-кузнечной мастерской цехового старшины Зикеля Малявского сначала было спокойно, работа шла своим чередом, но в 6 часов вечера все подмастерья и ученики, а их у Малявского в воскресный день работало 15 человек, как по команде, бросили работу. «На вопрос, почему так рано бросают работу, ответили, что у них сделан союз, чтобы работать только до 6 вечера, иначе будут лишены жизни». Мастер не растерялся и решил выступить защитником работников. Заявил, что ответственность за их жизни берет на себя и просит продолжать работу. Но уговорам поддался лишь один из пятнадцати, он остался на рабочем месте, а все остальные ушли [18, л. 15].

То же самое в 6 часов вечера случилось и в мастерской Бенциана Голуба. Двое его подмастерьев Меер Барухин и Лейба бросили работу и на вопрос мастера ответили, что «составили союз, чтобы работать до 6, кто нарушит, подвергнется ответственности» [18, л. 16]. Бенциан Голуб нигде не указывал, работали ли его подмастерья в течение дня, не отлучались ли ранее, возможно он и не знал, что они уже успели провести агитационную работу в другой мастерской. Так же в 6 часов вечера оставил работу единственный подмастерье слесарно-кузнечного мастера Мордуха Гобермана заславский мещанин Хаим Рубин Лившиц. Если другие мастера даже не знали фамилий некоторых из своих подмастерьев, то Гоберман хорошо знал биографию своего подмастерья, отмечал, что он работал в течение долгого времени, судя по документам, мастер и подмастерье относились друг к другу весьма уважительно. Но и Хаим Рубин Лившиц доверительно сообщил своему мастеру, что «состоит в союзе, чтобы не работать после 6 вечера» [18, л. 18].

26 апреля в понедельник обстановка накалилась. В указанных мастерских работа встала, наступила редкая для них тишина. Зато по близлежащим улицам ходила толпа «около 20 человек сего ремесла и приказывала не идти на работу остальным представителям своего цеха». Так, например, утром они остановили подмастерье Шмолу Щавельзона и ученика Ицку, работавших в мастерской Гирши Кузнецова. Те, испуганные только к часу дня добрались до своей мастерской, рассказали обо всем мастеру, поведали, что «опадутся за свои жизни» [18, л. 17].

27 апреля эпицентром волнений стала слесарно-кузнечная мастерская Гирши Кузнецова. В 10 часов утра к мастерской подошли несколько рабочих, начали угрожать ученику – мальчику Ицке, чтобы тот бросил работу, «стали бросать камнями в окошко, через что мальчик оставил работу». «Ломились в двери, кричали: «Поддай подмастера»». Гирша Кузнецов в толпе работников узнал Меера Барухина, Айзика, Лейбу, работавших у Б. Голуба. Подмастерья самого Кузнецова Щавельзона в это время нигде не было, ни в мастерской, ни в толпе, бросавшей камни. Появился он только через час, когда всё успокоилось [18, л. 17].

В районе, где располагались слесарно-кузнечные мастерские, было тревожно, особенно на улицах Болотной, Губернаторской, Мясницкой, Захарьевской, Набережной. То здесь, то там появлялись группы рабочих. Не меньшее опасение вызывали и отдельные кузнецы, например, Айзик Румеровский, о котором сообщали, что он «ходил по кузницам и угрожал побоями. Подстрекал рабочих оставить работу, давал им деньги и поил водкой» [18, л. 21].

Мастера были в отчаянии, подобного никто из них не мог припомнить. Мастерские пустовали в течение трех и более дней. Подмастерья и ученики неожиданно приходили, когда им вздумается, не стесняясь, приводили каких-то людей, совещались по углам, вместе или порознь уходили. Улицы полнились слухами и сплетнями. Между мастерами тоже начались движения. 27 апреля к мастеру слесарно-кузнечного ремесла Хаиму Шапиро пришел некто Лейба Ритенбаум, о котором было известно, что он имеет собственный дом на Болотной улице. Ритенбаум предупредил Шапиро, чтобы тот

«удалил своих подмастерьев, иначе будет худо. Что между всеми ремесленниками заключено условие не держать более подмастерьев и что все уже уволены». Для соблюдения этого условия необходимо, чтобы каждый мастер передал лично в руки Вульффу Хаимовичу Лейницу вексель на 100 рублей. Если кто-то нарушит условие, и примет обратно подмастерье, то должен уплатить этому Лейницу 100 рублей.

Такой странной новостью Шапиро поспешил поделиться с коллегой по цеху мастером Меером Крейнделем. Но тот уже все знал. Под большим секретом сообщил, что своих подмастерьев Лейбу Карпа и Григория уже уволил, да Лейба Карп, впрочем, с 25 апреля так на работе и не появлялся, но сторублевого векселя не подписывал и не давал. Тихо предупредил, что может быть поздно. Не успел удрученный Шапиро вернуться домой, как к нему пришел его компаньон Шая Зеликович и поведал, что ему самому пришлось побывать у Лейбы Ритенбаума, так как тот не застал его дома, и услышать от него новость, что «все ремесленники условились не держать больше подмастерьев». Пошли мастера-кузнецы за советом к старшине слесарно-кузнечного цеха Зикелю Малявскому. Но тот знал не больше их. Мрачно шутил, что надо отдать сторублевый вексель, тогда «будешь знать, что делать» [18, л. 22–24].

30 апреля старшина слесарно-кузнечного цеха З. Малявский и мастера К. Бейлин, Б. Голуб, Г. Кузнецов, М. Гоберман написали заявления в Минскую ремесленную управу. К заявлениям старшина Малявский приложил список охваченных волнением слесарно-кузнечных мастерских с покинувшими свои рабочие места подмастерьями и учениками. Список оказался внушительным. В нем были указаны 7 мастерских и 18 рабочих. Из своей большой команды Малявский обозначил в списке лишь 4 человека [18, л. 14–19]. Это было дело, с которым ремесленная управа не могла самостоятельно справиться. Полиция уже была в курсе происходящего и по предписанию Минского полицмейстера начала полицейское расследование по делу «о заговоре слесарей».

2 мая помощник пристава 3-й части Минска, где оказались пресловутые мастерские, Васюкович приступил к допросам. Расследо-

вание оказалось не менее захватывающим, чем сам заговор. Ход заговора и его участники: подмастерья и ученики, и потерпевшие – их мастера, были известны. Никто из них не скрывался и давал признательные показания. Необходимо было установить зачинщиков, должным образом квалифицировать само событие, наказать виновных и урегулировать конфликт.

Первым делом пристав Васюкович допросил мастеров слесарно-кузнечного ремесла Б. Голуба, М. Гобермана, З. Малявского, К. Бейлина, Г. Кузнеца, М. Крейнделя, Х. Шапиро и Ш. Зеликовича, два последних совместно держали одну мастерскую. Мастера рассказывали свои бесхитростные истории, как их подмастерья и ученики 25 апреля в 6 часов вечера прекратили работу, сославшись на пресловутый союз и угрозы жизни, так и не возобновив ее ко времени допроса. Подчеркивали, что их собственным подмастерьям «угрожали побоями рабочие других мастеров». Все пытались понять, кто же является виновным в подстрекательстве. Но только К. Бейлин обвинил в этом Айзика Румеровского, «который давал деньги и поил водкой». Остальным же виновные в подстрекательстве известны не были.

Затем опрашивались подмастерья. Первым на допрос был приглашен Айзик Румеровский. Он сразу же пояснил, чем, скорее всего, вызваны подозрения К. Бейлина. Ведь одно время он – А. Румеровский – работал подмастерьем у Бейлина, но потом перешел к мастеру Шапиро, так как тот платил более высокую плату. Все обвинения в подстрекательстве отрицал. «Никого не подговаривал, ничего не знаю» [18, л. 24]. Сознательно или случайно, но образовалась группа подмастерьев и учеников, выбравших позицию ничего не знающих испуганных жертв. Вызывающе-резкий тон, с которым они совсем недавно обращались с мастерами, сменился на подобострастно-запуганный. Вместо активных участников, которые оставили работу, ходили толпами по улицам, били стекла, они стремились показать себя жертвами, которым угрожали. Подмастерье Борух Гинзбург, работавший у К. Бейлина, свидетельствовал, что толпа подмастерьев, «которых он не знает», пугала его, что если он будет работать до 8 вечера, то его побьют. Ученики Бейлина

Симха Рубин и Тонкель Музыкантов подтвердили, что услышали от двух рабочих, что если «Гинзбург будет работать до 8 вечера, его побьют». Подмастерье Лейба Левит, работавший у Б. Голуба, испугался за себя, узнав от Рубина и Музыкантова, что грозятся побить Гинзбурга, и тоже не стал работать до 8 вечера. Часто в своих показаниях подмастерья говорили о том, что им предлагали деньги, если они оставят работу. Так Гинзбург вспомнил, что ему «давали 5 рублей, чтобы оставил работу и уехал домой» [18, л. 24, 26].

Ряд подмастерьев вели себя более достойно и открыто заявили о своей позиции. Например, Давид Ботвинник, работавший у З. Малявского, рассказал, что он и четверо других подмастерьев потребовали у Малявского, что «если он не увеличит платы или не уменьшит часов, то они оставят его. Не слышали, чтобы кто-то угрожал побоями, если не оставят мастеров». Когда мастер не согласился с требованиями, они ушли. Такие же показания дали Щ. Шифрон, И. Баранов, Б. Каждан, Г. Демьянов, М. Фалин, Я.Копелевич [18, л. 27].

В расследовании дела обнаружилась интересная юридическая коллизия. Происходящее было похоже на забастовку. Работники выдвинули требование сокращения рабочего времени, заявили, что у них есть союз, оставили рабочие места и прекратили работу. Российская империя уже в полной мере столкнулась с этим явлением. Именно в 1880-е гг. начинает разворачиваться стачечное движение. К середине 1890-х гг. оно уже станет массовым. Но понятие «стачка» относилось к рабочим фабрик и заводов и соответственно содержалось в фабричном законодательстве. В промышленно развитых зарубежных странах по отношению к забастовкам сложились две традиции. В некоторых странах, таких, например, как Великобритания и ее доминионы, обратившихся к активной политике социального реформизма, забастовки стали рассматриваться особым видом коллективных трудовых конфликтов, регулируемых во внесудебном порядке. В англосаксонской правовой традиции стало приниматься трудовое арбитражное законодательство и формироваться особое трудовое право. Европейская и американская правовые традиции продолжали считать стачки преступлением и регули-

ровать их на основании уголовного права [128, с. 93–94]. В России так же возобладал подобный, как его характеризовали «охранительный», подход. Так 15 августа 1845 г. было высочайше утверждено «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», содержащее статьи о мерах наказания за стачку (от 7 дней до 3-х месяцев). В статье 1792-й стачкой был назван «сговор между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры прекратить работы прежде истечения условленного с содержателем сих заведений времени для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой ими платы», или изменению других условий найма (как будет добавлено в законе 1886 г.). Виновные в стачке подвергались аресту: зачинщики – на время от 3 недель до 3 месяцев, а прочие – от 7 дней до 3 недель. Первый случай судебного применения этой статьи уложения относится к 1870 г. Таким образом закон опередил жизнь на 25 лет [103].

3 июня 1886 г. были приняты Правила о надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции. В этом законе так же было уделено внимание стачке. Определялась более развернутая система наказания. Подстрекатели подлежали заключению в тюрьму от 4 до 8 месяцев, прочие участники – от 2 до 4 месяцев. Участники же, прекратившие стачку по первому требованию полиции, «от наказания освобождались». Участники стачки, причинившие повреждение имуществу предприятия или имуществу лиц, служивших на заводе или фабрике, подвергались следующему наказанию: подстрекавшие или «распоряжавшиеся толпой» – от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев, а прочие – от 4 до 8 месяцев тюремного заключения, если их действия не содержали «более тяжелого преступления» [103].

Но ремесленные мастерские не относились к фабричной промышленности. Как подчеркнуло Минское губернское правление в пояснении для Минской ремесленной управы по поводу отношения прокурора Минского окружного суда, «в Минске ремесленные заведения ведаются ремесленной управой, а отступления от ремесленных правил преследуются специальным отделом уложения о

наказаниях о нарушении постановлений ремесленных». В подобных случаях преследование у мировых судей должна возбуждать ремесленная управа [18, л. 53, 73].

Ремесленный устав не знает понятие «стачка». Вся совокупность возможных со стороны ремесленников проступков, преступлений, споров определена как «нарушение постановлений ремесленных». Близким к стачке можно посчитать такой проступок, как самовольную отлучку подмастерья от своего мастера «без особой законной тому причины», за которое в статье 235-й ремесленного устава определено наказание в виде вычета из жалованья «за всякий день отлучки» и сверх того взыскание в ремесленную казну. «Когда же сия отлучка продолжалась более 7 дней сряду, то, сверх вычета из жалованья, сей подмастерье подвергается аресту на время от 7 дней до 3 недель». В статье 256-й среди проступков, которые подлежат «ведомству общей ремесленной управы» называется «самовольная отлучка учеников и подмастерьев от мастера» [33]. В отношении наказаний ремесленный устав был существенно беднее фабричного законодательства. К чести Минского губернского правления следует признать, что оно призывало действовать в установившемся правовом поле, не применять к ремесленникам положений фабричного законодательства.

Между тем забастовка продолжалась. Подмастерья и ученики не торопились возвращаться к своим мастерам. Мастера, помня о загадочном 100-рублевом векселе, также не горели желанием видеть на рабочих местах своих работников. Стороны выжидали. И тем, и другим было на что и ждать и жить. Но если мастера слесарно-кузнечного дела, будучи людьми вполне зажиточными, могли себе это позволить, то зарплаты подмастерьев не отличались высокой покупательной способностью. Но недостатка в деньгах не ощущалось. Несколько опрошенных подмастерьев сообщали, что им предлагали деньги за то, чтобы они оставили работу. Эти факты свидетельствуют о том, у подмастерьев имелась стачечная касса.

Скоро в забастовке появилась еще одна новация. Несколько подмастерьев, среди которых были Айзик Румеровский, Вульф Слепян, Абрам Коваль, Хаим Розин, Лейба Праховник открыли

собственную мастерскую и приступили к работе. Они решительно уговаривали других подмастерьев и учеников перейти к ним, порой переходили к угрозам, запрещали работать и ... самое интересное, платили определенные суммы только за то, чтобы другие подмастерья не выходили на свои рабочие места. На очередном допросе, проведенном приставом Васюковичем 8–10 июня, подмастерье Берка Рольник, работавший у Копеля Бейлина, свидетельствовал, что он не работал у своего мастера в течение 5 недель и «все это время поименованные им лица платили по 3; 3,5; и 4 рубля в неделю, чтобы только он не работал. Когда же он опять недели три тому назад уговорился с Бейлиным у него работать, то все эти лица явились к нему, забрали с собою, не давали работать и угрожали». Подмастерье Владиславу Домбровскому, также работавшему у Копеля Бейлина, платили 1 рубль 10 копеек в неделю. Подмастерье Николаю Мартусевичу, работавшему у Зикеля Малявского, платили 1 рубль 80 копеек. Подмастерье Боруху Гинзбургу предлагали 5 рублей, чтобы он оставил работу и уехал домой [18, л. 37–38].

Порой подмастерья-активисты переходили к агрессивным действиям. Так, например, Зикель Малявский нанял Янкеля Спивака для одноразовой работы – оковать двери в доме. Когда Спивак подходил к месту предполагаемой работы, то его окружили Айзик Румеровский, Вульф Слепян и другие подмастерья и «сказали, что если он не оставит работу, то они его утопят» [18, л. 47]. Юдель Кикин, работавший подмастерьем у кузнеца Абрама Турецкого, рассказывал, что в конце мая Меер Борухин уговаривал его оставить работу, «когда не согласился, угрожал его побить и даже толкнул» [18, л. 47]. Мовша Рецкин свидетельствовал, что несколько подмастерьев запретили его сыну Симону работать у мастера Малявского, в противном случае «ему будет плохо, они его убьют» [18, л. 47]. Дворянин Осип Абрамов отмечал, что Лейба Праховник «подговаривал его оставить работу у хозяина Шапира, иначе побьют» [18, л. 46].

7 июня 1887 г. мастера слесарно-кузнечного дела отважились направить прошение «Его Высокоблагородию господину Минскому Полицмейстеру». Приводим его проникновенный взволнованный текст: «Подмастерья слесарно-кузнечного цеха в г. Минске, желая

над своими мастерами быть не то, что подчиненными, но хозяевами и владеть ими по самовольному своему желанию, взволновались, сделав между собой на то заговор и таким образом с 25 числа минувшего апреля сего года не занимаются у мастеров означенным ремеслом, а толпами нападают на них по заговору вместе с учениками того же ремесла. В числе заговорщиков состоят зачинщиками:

Айзик Румеровский

Вульф Слепян

Хаим Розин

Меер Борухин

Абрам (фамилия неизвестна, работал у Шапиро)

Хаим Рубин Лившиц

Нота Нодельман

Лейба Карп (у Крейнделя)

Лейба Левин (у Голуба)

Ицка, проживающий в старой Комаровке

Матусь (фамилия неизвестна, работает у Шапиро)

Шая Зеликович

Хаим Шапиро

Клячкин (работавший в ремесленном училище)

Лейба Праховник (у Шапиро)

Заговор означенных подмастерьев, привлечших к своему союзу учеников того ремесла настолько вредный, как нельзя выразить, и извращающий весь порядок благоустройства в ремесленном обществе и в государстве. А потому имеем честь просить Ваше Высокоблагородие о восстановлении повиновения подмастерьев и учеников своим мастерам по закону и в справедливости нашего изъяснения допросить подмастерьев от Малявского, а именно

Николая Мартусевича

Шевеля Малявского

Липса с женою

Абрама Перельмана с матерью Иткою Перельман вместе с сестрою

Янкеля Слесара

Мовшу Рецкина» [18, л. 35].

Обращает на себя внимание тот факт, что мастера, написавшие прошение, среди зачинщиков обозначили мастеров Хаима Шапиро и Шаю Зеликовича, совместно владевших одной слесарно-кузнечной мастерской, которые формально были в числе пострадавших мастеров, от которых ушли подмастерья.

Помощник пристава 3-й части Минска Васюкович вновь приступил к «производству дознания». Действовал он не по предложенному в прошении списку. 8 июня 1887 г. он допросил мастеров К. Бейлина, З. Малявского, Х. Шапиро и 18 подмастерьев, их жен и отцов. 10 июня Васюкович, «рассмотрев настоящее дознание», установил девять лиц, которых «уличил в возведенном на них проступке». Ими оказались: подмастерья Айзик Румеровский, Вульф Слепян, Абрам Коваль, Хаим Розин, Лейба Праховник, Меер Борухин, Матусь Зухович и мастера Шая Зеликович и Хаим Шапиро. Все подмастерья, кроме Меера Борухина, работали в мастерской Шапиро и Зеликовича, как они говорили сами «у Шапиры». Все обвиняемые были подвергнуты допросу. Никто из них виновным себя не признал, подчеркивал, что «никого не подговаривал, не угрожал». В своих ответах подмастерья строго придерживались одной тактической линии, что не они объявили забастовку и перестали работать, а их уволили. Подмастерья уверенно рисовали картину уже не забастовки, а локаута, то есть закрытия предприятий и увольнения рабочих. Абрам Коваль отметил, что «отошел» от своего мастера Шапиро потому, что тот «сам отправил его по наговору Лейбы Ритенбаума, который говорил, что если не уволит, то будет худо». Лейба Праховник рассказал, что 25 апреля Шапиро, у которого он работал, «объявил, что он лентяй и удалил его. Заходил во все мастерские, но там отказывали. Между ремесленниками заключено условие не принимать подмастеров, хотя бы они умирали с голоду». Хаим Розин свидетельствовал, что «недель шесть тому назад Шапиро отправил его, сказав, что ему таких работников не нужно». Снискавший особую известность своими активными действиями Айзик Румеровский показал, что Шапиро, к которому он ушел после Пасхи от Бейлина, послушал Лейбу Ритенбаума, который сказал «отправить всех рабочих, иначе будет худо. Шапиро и

отправил». Вульф Слепян, заявивший, что после ухода «от Шапир, работает сам у себя», также подчеркнул, что Шапиро уволил его по совету Лейбы Ритенбаума. Матусь Зухович вспомнил, что до Пасхи он болел, а когда выздоровел, «поработал у Шапир один день и тот отправил его, сказав, что подмастера больше не работают» [18, л. 43–44, 46].

Мастера Зеликович и Шапиро также давали сходные показания. Отвечавший первым Зеликович ссылался на Шапиро, к которому «приходил Лейба Ритенбаум и как другу советовал удалить подмастерьев». Шапиро тоже говорил о визите Лейбы Ритенбаума, который в своем предупреждении о пресловутом векселе в свою очередь ссылался уже на цехового старшину Малявского, от которого якобы исходила инициатива брать с мастеров векселя [18, л. 44]. Несмотря на столь частое упоминание Лейбы Ритенбаума, он так и не заинтересовал помощника пристава. В круг виновных он не был включен. А может был лицом мифическим. В протоколах допросов он не фигурировал, в прошении мастеров так же не был обозначен. У всех девяти обвиненных и допрошенных лиц Васюкович взял «подписку не отлучаться» [18, л. 44]. Это максимум, который он мог сделать, исходя из своих полномочий.

Поскольку дело касалось ремесленной корпорации, согласно существовавшему законодательству, оно должно было решаться Минской ремесленной управой. 1 июля 1887 г. Минское губернское правление направило ремесленной управе резолюцию, в которой подчеркивалось, что «сама ремесленная управа должна возбуждать у мировых судей преследование против подмастерьев, неповинующихся мастерам и уже от мирового судьи будет зависеть назначить наказание по 1358 или 1373-й статьям Уложения о наказаниях» [18, л. 2]. Как и положено, Минская ремесленная управа препроводила дело о заговоре слесарей мировому судье 3-го участка Минского мирового округа. 22 августа тот возвратил означенное дело «потому, что в статье 1358-й Уложения о наказаниях не предусмотрены подобные проступки» [18, л. 6]. Ремесленная управа еще повела переписку с Минским губернским правлением, прося разъяснений, «чьему ведению подлежат изложенные проступки ремесленников:

мировым ли учреждениям или ремесленной управе» [18, л. 6]. Последним в деле о заговоре слесарей является ответ Минского губернского правления ремесленной управе от 9 ноября 1887 г., в котором изложены вышеупомянутые положения о неприменимости к данному случаю действия законов о стачке рабочих на фабриках и заводах [18, л. 73]. Но острота вопроса уже прошла. Работа в мастерских возобновилась на прежних условиях, за исключением новой, организованной подмастерьями, которая быстро распалась. Слесарно-кузнечный цех налаживал взаимоотношения между мастерами и подмастерьями, залечивал раны, ударно работал над накопившимися заказами и возвращал доверие своих клиентов.

Так что это было? Минской полиции была задана серьезная загадка. Да, произошла забастовка. Но это была нетипичная стачка отчаявшихся от безысходности нищих и голодных рабочих. Лишь изредка отдельные мастера говорили о повышении платы. Главным требованием была работа «от 6 до 6». Но это требование исходило от узкого круга зачинщиков, которые угрозами и подкупом заставляли других подмастерьев и учеников уйти из мастерских. К этой забастовке более подходило слово «заговор», неслучайно именно оно и осталось в архиве. Чья-то уверенная рука написала заранее сценарий, позаботилась о средствах в качестве организованной заблаговременно стачечной кассы и в ответственный момент умело выполняла режиссерские функции, при этом, не выдавая себя, сидя в зрительном зале, вместе со всеми негодуя и аплодируя. Скорее всего, этот человек был связан с нарождавшимся революционным движением, тогда в 1880-е гг. представленным народничеством.

Полиции были известны некоторые из народников, действовавших в Минске. Интересно, что они уже давно облюбовали для пропаганды слесарно-кузнечный ремесленный цех. Так еще в 1875–1876 гг. в слесарной мастерской Бейлина (возможно того Копеля Бейлина, которого мы встречали по делу слесарей 1887 г.), расположенной в Первом Семинарском переулке в его собственном доме, обучался ремеслу и вел пропаганду среди рабочих студент Петербургского технологического института Михаил Рабинович. Его считают зачинателем народнического движения в городе [149, с.

230]. На рубеже 1870–80-х гг. в Минске существовал народнический кружок организации «Земля и воля». После ее раскола на «Народную волю» и «Черный передел» сторонники последнего организовали в Минске подпольные типографию и библиотеку. Дважды в городе побывал один из лидеров «Черного передела» Г.В. Плеханов. В 1886 г. буквально за год до заговора слесарей в Минске была основана народническая коммуна металлистов, просуществовавшая около полугода. В 1886 г. в Минске состоялось большое собрание народников, на котором было принято решение издавать журнал «Социалистическое здание» и было отпечатано извещение о его выходе [149, с. 231]. У минских властей не было недостатка в версиях о подозреваемых по заговору слесарей.

Начальник Минского губернского жандармского управления подозревал в организации стачки И. Гурвича и его жену [121, с. 110–111]. Исаак Аронович Гурвич вместе с женой и сестрой с 1886 г. возглавлял минский кружок, в который входило около 130 человек. Участники кружка, преимущественно евреи, занимались образованием на русском языке и изучали социалистическую литературу. Но прямых свидетельств не было. В 1890-е гг. практически все члены кружка эмигрировали в США. В 1890 г. в Нью-Йорк переехал и сам Гурвич, ставший там известным ученым-экономистом, журналистом и социалистом [154, р. 12, 111].

И все-таки Минская полиция разгадала загадку, установив, как было сказано в рапорте Минского полицмейстера, «в отношении стачки подмастерьев Шая Рубинов Зеликович есть зачинщик стачки, а Малявский, Бейлин, Шапиро и другие есть свидетели его деяний» [18, л. 60]. Получив вполне ожидаемое известие, ведь мастера сами зачислили его в состав подозреваемых, ремесленная управа быстро собрала необходимую информацию о Зеликовиче и отправила соответствующий рапорт в Минское губернское правление. В рапорте в частности говорилось, что «Зеликович исключен из Минского ремесленного училища за распространение запрещенных книг и агитацию» [18, л. 63].

С восстановлением этого звена картина заговора-стачки приобрела вполне заверченный вид. Молодой человек некто Шая Зели-

кович был возможно выходцем из ремесленной среды. Увлеченный народничеством, за что был исключен из ремесленного училища. Скорее всего, благодаря родственным связям, его сделали совладельцем слесарно-кузнечной мастерской Хаима Шапиро. Так он получил открытый доступ к общению с работниками. Интересно, что во всех показаниях подмастерья и ученики говорили, что они работают «у Шапирь» и только. Зеликович в качестве мастера ими никогда не упоминался. Он воспринимался ими в другом качестве. Агитационная и организационная работа была проведена им мастерски. Причем работал он на два фронта: и на подмастерьев с учениками, и на мастеров. Первых агитировал за сокращение рабочего дня, вступление в союз и собирал с них стачечную кассу. Вторых пришлось запугивать 100-рублевым векселем. И в качестве студента, и в качестве совладельца Зеликович многому научился, поэтому не побоялся организовать новую мастерскую. В целом стачку он провел образцово. Не понятно поведение мастера Шапиро, сознательно ли он пожертвовал своей мастерской и работниками, или был ловко введен в заблуждение компаньоном. Вспомним, что среди первых заявлений мастеров от 30 апреля 1887 г. заявления от Шапиро не было.

Какова была цель всего этого действия? В ходе забастовки не выявилось искреннего желания рабочих улучшить условия труда, создать реальный профсоюз, провести переговоры с мастерами. Да и вернулись они к работе на прежних условиях. Вполне закономерное экономическое противостояние рабочих и предпринимателей стало не содержанием конфликта, а лишь формой прикрытия. Цель следует искать в логике революционного движения, в котором соединились и русские народники и еврейские радикалы и все остальные нигилисты с целью революционного освобождения от самодержавия и перехода тогда, с точки зрения народников, к крестьянскому социализму. При чем тут евреи ремесленники? Прочитаем известного революционера-социалиста Льва Дейча: «Для нас... не существовали труженики-евреи. Мы смотрели на них глазами обрусителей: еврей должен вполне ассимилироваться с коренным населением, даже ремесленников считали потенциальными эксплуата-

торами: ведь у них подмастерья, ученики. Не придавали значения и русским рабочим и ремесленникам как самостоятельному классу – но лишь если делать из них социалистов, тогда через них легче будет работать среди крестьян» [134, с. 219]. Материал для социалистической агитации. Как сказано в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» устами Петра Верховенского, «все это материал, который надо организовать, да и убираться» [91, с. 375]. Организовать для «раскачки». Вот и сделали в Минске небольшую раскачку.

Как в хорошем романе, у этого дела оказалось послесловие. Буквально через год фигуранты заговора слесарей вновь напомнили о себе. 23 марта 1888 г. управа слесарно-кузнечного цеха направила ремесленной управе рапорт о том, что в ходе очередной проверки слесарно-кузнечных мастерских мастер Хаим Шапиро отказался предоставить аттестат и «оказал сопротивление при исполнении старшиною служебных обязанностей» [19, л. 36]. 8 июня в подобном отказе был уличен и его компаньон Шая Зеликович. В акте говорилось, что во время проверки на Новомосковской улице в доме Ригера «нашли слесарного мастера мещанина Новогрудского уезда Шаю Рубинова Зеликовича, не имеющего аттестата на звание мастера». Зеликович называл себя компаньоном Хаима Шапиро, имел одного подмастерья и двух учеников. Ему было предписано все инструменты и произведенные товары сдать на хранение Шапиро [19, л. 96].

Несмотря на обвинения, Шая Зеликович захотел вернуть себе доброе имя. 13 октября 1888 г. он направил мировому судье прошение, в котором рассказал об акте от 8 июня, составленном против него должностными лицами управы слесарно-кузнечного цеха. Поэтому он «имеет честь просить Ваше Высокородие о подвержении их за это законной ответственности» [19, л. 95]. Аналогичные прошения, написанные тем же почерком, поступили мировому судье и от Хаима Шапиро, Айзика Румеровского, Меера Борухина. Очевидно, мировой судья направил эти прошения в Минскую общую ремесленную управу. 25 октября 1888 г. ремесленная управа разбирала дело Х. Шапиро и Ш. Зеликовича, предварительно поручив старшине шмухлярно-красильного цеха защищать ее позицию [19,

л. 111]. Подмастерьев такого внимания не удостоили. Для ремесленной управы это было привычное дело, в отличие от того, по которому два строптивых мастера проходили в 1887 г.

Заключение

В общем раскладе экономики Минска в конце XIX в. ремесленное производство еще играло значительную роль, но его цеховая организация клонилась к упадку. Если бы не было решения 1902 г. об упразднении ремесленной управы и относящиеся к ней цехи продолжали бы существовать, но больше по инерции, чем в силу необходимости. То была уходящая натура. Эта ситуация словно иллюстрировала классическое марксистское положение о противоречиях между производительными силами и производственными отношениями, философский тезис о содержании и форме. Сословно-корпоративная цеховая форма явно не соответствовала капиталистической сути производства.

Цеховая организация становилась неэффективной в качестве контрольно-распорядительного института. Она с трудом сдерживала наплыв нецеховых работников, безрезультатно билась с естественным желанием людей зарабатывать без вывесок, мастерских, в свободное от другой работы время. Ее контроль за количеством подмастерьев и учеников, за способами продажи результатов своего труда, ручным характером производства препятствовал введению организационно-технологических новшеств. Являвшиеся по сути наемными рабочими ученики, были неполноправными и не получали за свой труд соответствующей платы. Закончивший ученичество и приобретший звание подмастерья вряд ли был востребован на серьезные должности на фабриках и заводах. В ремесленном сообществе уже случались забастовки, но они находились в компетенции не ремесленного устава, а фабрично-заводского законодательства.

Ремесленная управа вместо того чтобы искать достойные способы реакции на эти вызовы времени вынуждена была выдавать бесчисленные аттестаты, вести отчетность, взыскивать недоимки по денежным сборам, разбирать различные жалобы. Время от времени в управу приходили разъяснения вышестоящих инстанций, например, губернского правления об отсутствии у нее необходимых полномочий.

Все чаще происходившее в цехах сравнивалось с фабричным производством, а управление-то оставалось цеховым, как в случае с забастовкой слесарей. Ярчайшим примером стало требование помощника фабричного инспектора Виленского округа о «доставлении старшинами цехов Минска списков о ремесленных заведениях» в 1890 г. [26]. Фабричная инспекция поняла, что наличие или отсутствия машин, количество рабочих выше или ниже пятнадцати – показатели, важные для статистики и учебников, не существенны для соблюдения техники безопасности и санитарно-гигиенических норм, которые везде должны быть однотипными и строго контролироваться. С одной стороны, капиталистическому производству было тесно в цеховых рамках, но, с другой стороны, и государство уже не могло разделять свою ответственность с многочисленными, оставшимися от прошлых времен, структурами. Контроль за техникой безопасности, система профессионального образования, контроль за потребительским качеством товаров должны быть едиными. Регулирование забастовок должно осуществляться на основе единого законодательства. Это были не пожелания отдельных чиновников, а общие тенденции развития.

Цеховая организация ушла, не могла не уйти, но не преминула оставить после себя множество традиций. Наследниками ремесленных цехов по праву стали профсоюзные организации, профессиональное образование, система социального страхования и обеспечения, культурно-просветительские общества, малый бизнес и др. Понятия «ремесленный цех», «профессиональная корпорация», «мастер» по-прежнему ассоциируются с лучшими проявлениями труда. «Подножие искусства – ремесло», «владел он тайной ремесла людей мастеровых» – это и сегодня высочайшие оценки человеческого труда.

Список использованных источников

Архивные материалы

Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Фонд 10. Минская общая ремесленная управа. Оп. 1–2.

1. Книга постановлений Минской общей ремесленной управы 1880 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 198. – 80 л.

2. Книга постановлений 1880–1884 гг. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 199. – 40 л.

3. Дело о неправильном открытии в Минске Борковским портной мастерской 1880 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 216. – 5 л.

4. Дело по вопросу о праве трубочистов, не записанных в цех, заниматься сим ремеслом 1880 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 217. – 3 л.

5. Дело по рапорту ремесленной управы цеха портных г. Минска с домогательством о причислении к означенному цеху занимающихся белошвейным ремеслом и о воспрещении им заниматься дамским портным изделием 1880 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 221. – 2 л.

6. Дело о неправильном производстве в черте г. Минска частным образом слесарно-кузнечного и столярного ремесла лицами, служащими на железной дороге 1880 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 224. – 2 л.

7. Дело о неправильном производстве в г. Минске портного ремесла И. Вайнштейном 1880 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 225. – 2 л.

8. Книга постановлений Минской общей ремесленной управы 1883 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 259. – 101 л.

9. Алфавит на записку мастеров всех цехов Минской общей ремесленной управы 1883 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 274. – 130 л.

10. Дело по жалобе Русецкого на ремесленного голову сапожника Хмелевского за неудовлетворение заслуженным жалованьем 1883 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 275. – 4 л.

11. Дело по прошениям мастера Верлыги и ученика Чарноцкого о сопротивлении один другому 1883 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 276. – 6 л.

12. Наряд бумаг Минской общей ремесленной управы о взыскании с ремесленников Минска денежного сбора 1884 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 300. – 87 л.
13. Дело об извозчиках 1884 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 301.–54 л.
14. Наряд бумагам по жалобам учеников на мастеров 1887 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 379. – 8 л.
15. Список ремесленников и ремесленных работников по ремеслам г. Минска 1887 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 384. – 294 л.
16. Наряд бумагам по делу печника Гурвича 1887 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 391. – 7 л.
17. Наряд бумагам по делу бондарного мастера Зубовича с учеником своим Михаловским за 1887 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 395. – 11 л.
18. Наряд бумагам о заговоре слесарей 1887 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 398. – 73 л.
19. Наряд бумагам о производстве в г. Минске ремесла лицами, не имеющими на это право 1888 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 423. – 129 л.
20. Наряд бумагам по жалобам разных лиц на ремесленников 1889 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 453. – 8 л.
21. Наряд бумагам о производстве выборов на должности по общей ремесленной управе и цеховым управам 1889 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 461. – 141 л.
22. Алфавитная книга на записку мастеров всех цехов 1890 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 512. – 47 л.
23. Книга для записи постановлений управы часового цеха Минска на 1890 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 526. – 58 л.
24. Наряд бумагам о приглашении очередных старшин цехов для присутствования при решении текущих дел 1889–1890 гг. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 548. – 8 л.
25. Наряд бумагам по жалобам разных лиц на ремесленников 1890 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 554. – 146 л.
26. Наряд бумагам о доставлении старшинами цехов г. Минска списков о ремесленных заведениях по требованию помощника фаб-

ричного инспектора Виленского округа 1890 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 575. – 149 л.

27. Дело о выборах, состоявшихся 25 октября 1890 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 582. – 20 л.

28. Наряд бумагам вышивания гладью ремесла: ремесленникам и работникам за 1897 г. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 753. – 6 л.

29. Книга для записи постановлений Минской упрощенной ремесленной управы 1899–1900 гг. // Фонд 10. – Оп. 1. – Д. 838.–600 л.

30. Книга для записи постановлений Минской упрощенной ремесленной управы 1899–1900 гг. // Фонд 10. – Оп. 1.– Д. 839.–200 л.

31. Книга на заключение договоров между Минским общественным управлением оказания помощи бедным евреям 1900 – 1902 гг. // Фонд 10. – Оп. 2. – Д. 9. – 22 л.

Законодательные акты

32. Грамота на права и выгоды городам Российской империи 21 апреля 1785 г. [Электронный ресурс] // Электронные ресурсы исторического факультета МГУ. – Режим доступа: www.hist.msu.ru/ER/E-text/gogram.htm. Дата доступа: 25.11.2014.

33. Устав ремесленный // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. – СПб.: В типографии 2-го отд. Собст. Его Импер. Величества канцелярии, 1857. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Руниверс. – Режим доступа: www.runivers.ru/lib/book. – Дата доступа: 21.10.2014.

Материалы статистики

34. Статистический временник Российской империи. Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности в Европейской России за 1868 г. / Обработаны И. Боком.– СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1872.–425 с.

35. Сведения о внешней торговле России и русском торговом флоте с 1865 по 1869 г. / Обработаны ред. Центр. стат. ком. Л. Майковым. – СПб., 1872.

36. Статистический временник Российской империи. Вып. 5. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета, 1872.

37. Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 84. Сведения о движении товаров по железным дорогам за 1904 г. – СПб.: Тип-я Мин. Путей сообщения, 1906. – 287 с.

38. Статистический ежегодник России 1911 г. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1912.

39. Памятная книжка Минской губернии на 1865 г. Составлена и издана Минским губернским статистическим комитетом. – Минск: Губ. Типография, 1864.

40. Памятная книжка Минской губернии на 1866 г. Составленная Минским губернским статистическим комитетом. – Минск: Губ. Типография, 1866.

41. Памятная книжка Минской губернии на 1873 г. Издание статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1873.

42. Памятная книжка Минской губернии на 1874 г. Издание статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1873. –Ч.1–2.

43. Памятная книжка Минской губернии 1878 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Типография губерн. Правления, 1878.

44. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1890 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Типо-лит. Б.И. Соломонова, 1889.

45. Памятная книжка Минской губернии на 1892 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Типография губерн. Правления, 1891.

46. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1893 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Типо-литография Тасьмана и Левина, 1892.

47. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1896 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровые типо-лит. Х.Я. Дворжеца и Б.И. Соломонова, 1895.

48. Памятная книжка Минской губернии на 1898 г. / Составил А.П. Смородский. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровая типо-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1898.

49. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1899 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1898.

50. Памятная книжка Минской губернии на 1900 г. / Составил П.П. Иванов. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1899.

51. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1901 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1900.

52. Памятная книжка Минской губернии на 1902 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровая типо-лит. Б.И. Соломонова, 1901.

53. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровая типо-лит. Б.И. Соломонова, 1902.

54. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1904 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровая типо-лит. Б.И. Соломонова, 1903.

55. Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1906 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1905.

56. Памятная книжка Минской губернии на 1907 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1906.

57. Памятная книжка Минской губернии на 1908 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Типография С.А. Некрасова, 1907.

58. Памятная книжка Минской губернии на 1909 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Типография С.А. Некрасова, 1908.

59. Памятная книжка Минской губернии и календарь на 1910 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1909.

60. Памятная книжка Минской губернии на 1912 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1911.

61. Памятная книжка Минской губернии на 1913 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1912.

62. Памятная книжка Минской губернии на 1914 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1913.

63. Столетие Минской губернии / Составил секретарь Минского губернского статистического комитета А.П. Смородский. – Изд. 2-е исп. и доп. – Минск: Типо-литография Р. Дворжец, 1893. – 90 с.

64. География Минской губернии (родиноведение) / Составил А.П. Смородский. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровая типо-литография Х.Я. Дворжеца, 1894. – 46 с.

Исследования

65. Абезгауз, З.Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. (1900–1913 гг.) / З.Е. Абезгауз. – Минск: Наука и техника, 1977. – 168 с.

66. Абрасимов, П. Минск. Историко-экономический очерк / П. Абрасимов. – Минск: Изд-во АН БелССР, 1956. – 122 с.

67. Арнхейм, Р. Динамика архитектурных форм: Пер. с англ. В.Л. Глазычева / Р. Арнхейм. – М.: Стройиздат, 1984. – 192 с.

68. Бармаков, В. Спички и их этикет / В. Бармаков // Наука и жизнь. – 2006. – № 8. – С. 92–97.

69. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе. Перепечатано с Синодального издания.

70. Блакуэлл, К.У. Мифы древнего мира для «чайников»: Пер. с англ. / К.У. Блакуэлл, Э. Хакни Блакуэлл. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2008. – 368 с.
71. Болбас, М.Ф. Промышленность Белоруссии. 1860–1900 / М.Ф. Болбас. – Минск: Изд-во Бел. Гос. Ун-та, 1978. – 312 с.
72. Бон, Т.М. «Минский феномен». Городское планирование и урбанизация в Советском Союзе после Второй мировой войны: Пер. Е. Слепович / Т.М. Бон.– М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.– 414 с.
73. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель; Пер. с франц. Л.Е. Куббеля. – М.: Изд-во «Весь мир», 2011. – 592 с.
74. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / Ф. Бродель; Пер. с франц. Л.Е. Куббеля. – М.: Изд-во «Весь мир», 2011. – 672 с.
75. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / Ф. Бродель; Пер. с франц. Л.Е. Куббеля. – М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – 752 с.
76. Бродель, Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 124 с.
77. Васильев, С. С мастерством не рождаются, добытым гордятся / С. Васильев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tehexpert.org/histart-4>. – Дата доступа: 24.01.2015.
78. Васильчук, Ю.А. Эпоха НТР: «Экономическое чудо» как воплощение мировой культуры / Ю.А. Васильчук // Полис. – 1996. – № 6. – С. 5–28.
79. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644 – 706.
80. Виргинский, В.С. Очерки истории науки и техники, 1870–1917 гг. / В.С. Виргинский, В.Ф. Хотеевков. – М.: Просвещение, 1988. – 304 с.

81. Виргинский, В.С. Очерки истории науки и техники с древнейших времен до середины XV века / В.С. Виргинский, В.Ф. Хотенков. – М.: Просвещение, 1993. – 288 с.
82. Витте, С.Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. / С.Ю. Витте. – М.: Мысль, 1991. – 719 с.
83. Возникновение профсоюзов [Электронный ресурс] // Федерация профсоюзов Беларуси. Сайт профсоюзов Минской области. – Режим доступа: <http://www.moop.by/index.php>. – Дата доступа: 24.01.2015.
84. Воложинский, В.Г. Минск в легендах, мифах и преданиях / В.Г. Воложинский. – Минск: ФУАинформ, 2012.– 352 с.
85. Гессен, Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев / Ю.И. Гессен. – СПб., 1906. – 471 с.
86. Гессен, Ю. История евреев в России / Ю. Гессен. – СПб., 1914. – 345 с.
87. Гісторыя Беларусі: У 6 тт. / рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Т.4 Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачаток XX ст.). – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 519 с.
88. Города Белоруссии [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 23.01.2013.
89. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (социально-экономическое исследование истории городов) / А.П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1975. – 248 с.
90. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский.– 3-е изд. испр. и доп. – Минск: Беларусь, 2011. – 591 с.
91. Достоевский, Ф.М. Бесы: Роман / Ф.М. Достоевский. – СПб.: Азбука, 2000. – 704 с.
92. Евреи в России. – СПб., 1877. – 439 с.
93. Етчик, Е.Л. Минск от конки до метро / Е.Л. Етчик. – Минск: Польша, 1991. – 134 с.
94. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении.

Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: Белорусская Энциклопедия, 1993. – 550 с.

95. Жиро, Т. Политология / Т. Жиро; Пер. с польск. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2006. – 428 с.

96. Зубов, А.Б. Лекции по истории религии, прочитанные в Екатеринбурге / А.Б. Зубов. – М.: Никея, 2010. – 144 с.

97. Иванова, Н.А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Н.А. Иванова, В.П. Желтова. – М.: Новый хронограф, 2010. – 752 с.

98. Игнатенко, А.П. Ремесленное производство в городах Белоруссии XVII–XVIII вв. / А.П. Игнатенко. – Минск: Изд-во мин-ва высшего, среднего спец. и проф. обр. БССР, 1963, – 87 с.

99. Из истории евреев Минска // Еврейская религиозная община Минска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.evrei.by/obshina/istoriya-obshhinyi.html>. – Дата доступа: 25.02.2015.

100. Ильф, И. Двенадцать стульев. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров. – Фрунзе: Кыргызстан, 1979. – 475 с.

101. Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк / Э.Г. Иоффе. – Минск: АРТИ-ФЕКС, 1996. – 294 с.

102. История Минска // Минск старый и новый [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minsk-old-new.com/minsk>. – Дата доступа: 01.03.2015.

103. Кирьянов, Ю.И. Фактор мотивации труда в российском фабрично-заводском законодательстве. 1835–1917 гг. / Ю.И. Кирьянов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB4/kirian.htm>. – Дата доступа: 09.03.2015.

104. Киштымов, А. Образование, наука и культура Беларуси на выставках XIX – начала XX в. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jewishfreedom.jimdo.com>. – Дата доступа: 02.03.2015.

105. Кнорин, В.Г. Избранные статьи и речи / В.Г. Кнорин // Сост. Н.В. Кузнецов и др. – Минск: Беларусь, 1990. – 303 с.

106. Крюков, Н.А. Англия, как рынок сельскохозяйственных продуктов / Н.А. Крюков. – СПб.: Русско-Английская торговая палата, 1910. – 59 с.

107. Кун, Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Боги и герои. Троянский цикл / Н.А. Кун. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. – 320 с.

108. Куприн, А.И. Молох / А.И. Куприн // Собр. соч. в 9-ти тт. Т. 2. – М.: Огонек, Правда, 1964. – С. 5–84.

109. Ларсен, Ст.У. Моделирование Европы в логике Роккана / Ст.У. Ларсен // Полис. – 1995. – № 1. – С. 39–57.

110. Ленин, В.И. Развитие капитализма в России / В.И. Ленин // Полн.собр.соч., т. 3. – М.: Изд-во полит. лит, 1975. – С. 1–609.

111. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычева. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.

112. Лютая, А.Э. Ремесло в Беларуси во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. / А.Э. Лютая. Автореферат на соискание уч. ст. канд. ист. наук. – Минск, 2003. – 27 с.

113. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А.М. Лютый. – Минск: Наука и техника, 1987. – 181 с.

114. Люты, А.М. Роля і месца купецтва Беларусі ў працэсе генезісу капіталізму ў другой палове XVIII – першай палове XIX стагоддзя: Дапаможнік / А.М. Люты, С.А. Сямёнова. – Мінск: БДПУ, 2008. – 124 с.

115. Малашевич, Е.В. Минск. Книга жизни / Е.В. Малашевич. – Минск: МФЦП, 2006. – 386 с.: ил.

116. Минск – губернский город // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона (ЕЭБЕ) [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной библиотеки. – Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki>. – Дата доступа: 16.03.2015.

117. Минск: Исторический очерк / Предисл. А.Н. Кулагина. – Минск: Універсітэцкае, 1994. – 48 с.

118. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / Сост. Т.Е. Леонтьева. – Минск: БелНИИДАД, 2006. – 392 с.

119. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 3-х тт. Т.1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б.Н. Миронов. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – 548 с.
120. Памяць: Гісторыка-дакументальныя хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 1-я.– Мінск: БЕЛТА, 2001.– 576 с.: іл.
121. Памяць: Гісторыка-дакументальныя хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 2-я.– Мінск: БЕЛТА, 2001.– 704 с.: іл.
122. Платонов, О.А. Русский труд / О.А. Платонов.– М.: Современник, 1991. – 335 с.
123. Побережников, И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации / И.В. Побережников. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 240 с.
124. Ребель, А. Евреи в России: самые влиятельные и богатые / А. Ребель // Историческая библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historylib.org/historybooks/Alina--Rebel>. – Дата доступа: 10.01.2015.
125. Ремесленная управа [Электронный ресурс] // Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 16.01.2015.
126. Ривош, Я.Н. Время и вещи: Иллюстрированное описание костюмов и аксессуаров в России конца XIX – начала XX в. / Я.Н. Ривош. – М.: Искусство, 1990. – 304 с.
127. Селицкая, Л. Знаменитый минский часовщик хотел создать в 1901 г. для города куранты с электрической подсветкой / Л. Селицкая // Вечерний Минск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vminsk.by/news/26/52668/>. – Дата доступа: 18.04.2014.
128. Семенова, Л.Н. Политика социального реформизма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии на рубеже XIX – XX вв. / Л.Н.Семенова. – Минск: Экоперспектива, 2008. – 220 с.
129. Семёнова, Л.Н. Беларусь в имперском пространстве России / Л.Н. Семёнова // Белорусские земли в составе Российской империи (1772–1917 гг.). Материалы Республиканской научно-

теоретической конференции. Минск, 2 декабря 2013 г. – Минск: БНТУ, 2013. – С. 83–101.

130. Семёнова, Л.Н. История Беларуси в системе теоретических координат / Л.Н. Семёнова // Сборник научных трудов кафедры «История, мировая и отечественная культура» / Под ред. В.А. Божанова, Д.Н. Хромченко. – Минск: БНТУ, 2014. – С. 90–109.

131. Семёнова, Л.Н. Ливонская война в контексте международных экономических отношений / Л.Н. Семёнова // Войны XIV–XX вв. в судьбах белорусского народа. Сборник научных статей Международной научно-теоретической конференции. Минск, 4 декабря 2014 г. – Минск: БГАТУ, 2014. – С. 59–67.

132. Сеннет, Р. Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие / Р. Сеннет // Логос. – 2008. – № 3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.interros.ru/pdf/logos_03_2008. – Дата доступа: 15.04.2014.

133. «... Следить за добрыми и отеческими отношениями мастеров к своим ученикам...». Документы о ремесленном ученичестве на рубеже XIX–XX вв. в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusarchives.ru/publication/publ_2012_N06. – Дата доступа: 24.01.2015.

134. Солженицын, А.И. Двести лет вместе (1795 – 1995). Часть 1 / А.И. Солженицын. – М.: Русский путь, 2001. – 512 с.

135. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский; науч. ред. С.Н. Хомич. – Минск: Тесей, 2004. – 224 с.

136. Социальное партнерство: Опыт, технологии, оценка эффективности / Под общей ред. А.А. Нешадина и Г.Л. Тульчинского. – СПб.: Алетейя, 2010. – 400 с.

137. Фельдман, Д.З. Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв. Опыт архивного исследования / Д.З. Фельдман. – М.: Древлехранилище, 2005. – 422 с.

138. Фоль, Клер Ле. Витебская художественная школа (1897–1923) / Клер Ле Фоль; пер. с франц. И.Г. Стальной. – Минск: Пропилеи, 2007. – 240 с.

139. Хатт, А. Британский тред- юнионизм / А. Хатт. – М.: Прогресс, 1981. – 268 с.

140. Цехи [Электронный ресурс] // Словарь. История Российской империи. – Режим доступа: <http://www.ref-history.ru/hard/ref-scehi.htm>. – Дата доступа: 16.01.2015.

141. Цехи в России [Электронный ресурс] // Материал из свободной русской энциклопедии «Традиция». – Режим доступа: <http://traditio-ru.org/wiki>. – Дата доступа: 24.01.2015.

142. Цітоў, А.К. Менск – места майстроў: Рамесныя цэхі XVI–XVIII стст. / А.К. Цітоў. – Мінск: Беларусь, 2002. – 110 с.

143. Цітоў, А.К. Краіна майстроў. Рамесныя цэхі Беларусі. XVI – канец XVIII ст. / А.К. Цітоў. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2013. – 158 с.

144. Чепко, В.В. Города Беларуси в первой половине XIX века. Экономическое развитие. Конспект / В.В. Чепко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/sredin_n_/e/xixcenturyall. – Дата доступа: 10.03.2014.

145. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: учебное пособие / П.Г. Чигринов. – 3-е изд., испр. – Минск: Высшая школа, 2007. – 463 с.

146. Шаршунов, В.А. Образование и наука дореволюционной Беларуси / В.А. Шаршунов. – Минск: Технопринт, 2005. – 462 с.

147. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер; Пер. с нем. Н.Ф. Гарелин. – Минск: Попурри, 2009. – 656 с.

148. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер; Пер. с нем. С.Э. Борич. – Минск: Попурри, 2009. – 704 с.

149. Шибeko, З.В. Минск: Страницы жизни дореволюционного города / З.В. Шибeko, С.Ф. Шибeko. – Минск: Полямя, 1990. – 352 с.

150. Шыбека, З.Ф. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў). – Мінск: ЭўроФорум, 1997. – 292 с.

151. Шыбека, З.В. Минск сто гадоў таму / З.В. Шыбека. – Мінск: Беларусь, 2007. – 304 с.
152. Шыбека, З.Ф. Гарадская цывілізацыя: Беларусь і свет. Курс лекцый / З.Ф. Шыбека.– Вільня: ЕГУ, 2009.– 372 с.
153. Экономическая история Беларуси: учебное пособие: 5-е изд. / В.И. Голубович и др.; под ред. проф. В.И. Голубовича. – Минск: Современная школа, 2007. – 392 с.
154. Karlowich, R.A. We Fall and Rise: Russian-language Newspapers in New York city, 1889–1914 / R.A. Karlowich. – N.Y – L.: The Scarecrow Press, Inc. Metuchen, 1991. – 332 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1
Численность городов и городского населения на территории Беларуси

Губернии	Количество городов			Население городов в 1911 г.
	1802 г.	1850-е гг.	1911 г.	
Витебская	6	6	6	212 000
Гродненская	6	6	6	170 000
Минская	12	11	11	277 800
Могилевская	12	13	13	181 500

Источник: Статистический ежегодник России 1911 г. – СПб: Издание Центрального статистического комитета МВД, 1912.

Гісторыя Беларусі: У 6 тт. / рэдкал. М. Касцюк (гал. Рэд) і інш. Т.4 Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачаток XX ст.). – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – С. 367.

Таблица 2
Численность городских ремесленников

Город	1800 г.	1825 г.	1859 г.	Число специальностей, год
1	2	3	4	5
Витебская губерния				
Витебск	2652	3785	1068	
Городок	н.св.	35	150	
Дрисса	н.св.	н.св.	88	
Полоцк	189	764	615	14 (1786 г.)
Лепель	н.св.	н.св.	203	
Сураж	н.св.	н.св.	39	
Гродненская губерния				

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5
Гродно	1699	665	489	
Брест	198	346	1276	
Волковыск	52	н.св.	255	
Кобрин	163	96	410	
Лида	51	н.св.	189	
Новогрудок	6	н.св.	362	
Пружаны	79	264	690	
Слоним	151	376	325	
Минская губерния				
Минск	1340	2117	1667	24 (1800 г.)
Бобруйск	234	н.св.	305	7
Борисов	152	н.св.	124	
Вилейка	1	н.св.	24	
Дисна	279	н.св.	86	
Игумен	0	н.св.	249	
Мозырь	231	н.св.	195	
Пинск	300	н.св.	656	
Речица	101	н.св.	257	
Слуцк	540	н.св.	468	18
Радошковичи	н.св.	н.св.	94	
Могилевская губерния				
Могилев	748	н.св.	1508	19 (1780 г.)
Бабиновичи	н.св.	н.св.	18	
Белица	н.св.	н.св.	н.св.	
Климовичи	н.св.	н.св.	79	
Копысь	н.св.	н.св.	259	
Мстиславль	н.св.	н.св.	298	
Орша	н.св.	н.св.	356	
Рогачев	н.св.	н.св.	266	
Сенно	н.св.	н.св.	125	
Старый Быхов	н.св.	н.св.	108	

Окончание таблицы 2

1	2	3	4	5
Чаусы	н.св.	н.св.	37	
Чериков	н.св.	н.св.	205	

Источник: Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А.М. Лютый. – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 123.

Таблица 3

Численность ремесленников в Минске

<i>Год</i>	<i>Численность</i>	<i>Год</i>	<i>Численность</i>
<i>1800</i>	1340	<i>1880</i>	1157
<i>1808</i>	2885	<i>1894</i>	4806
<i>1825</i>	2117	<i>1896</i>	4442
<i>1837</i>	1125	<i>1897</i>	4694
<i>1859</i>	1667	<i>1899</i>	5564
<i>1861</i>	2441	<i>1900</i>	5985
<i>1865</i>	1922	<i>1906</i>	6852
<i>1878</i>	1397		

Источник: Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А.М. Лютый. – Минск: Наука и техника, 1987. – С. 123.

Малашевич, Е.В. Минск. Книга жизни / Е.В. Малашевич. – Минск: МФЦП, 2006. – 386 с.: ил.

Памятные книжки Минской губернии на 1865–1914 гг.

Таблица 4

Специализация ремесленников Минска в конце XIX в.

№	Ремесленные специальности	% от общей численности
1	Портные, портнихи, белошвейки, модистки, шапочники, чулочники	35,1
2	Сапожники, башмачники, кожевенники, перчаточники	18
3	Столяры, плотники, токари	14,6
4	Булочники, мясники, табакокрошители, мельники	10,6
5	Печники, каменщики, маляры, стекольщики	6,8
6	Кузнецы, медники, литейщики	6,5
7	Слесари, механики, часовщики	4
8	Типографы, фотографы, переплетчики	1,9
9	Ткачи, веревочники, щеточники	1,5
10	Мыловары, изготовители, чернил, ваксы	1

Источник: Иоффе, Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк / Э.Г. Иоффе. – Минск: АРТИ-ФЕКС, 1996. – С. 57–58.

Таблица 5

Перечень цехов Минской ремесленной управы в 1860–1890-е гг.

№	Наименование цеха	Число ремесленников в 1865 г.	Число ремесленников в 1873 г.	Число мастеров в 1887 г.	Число мастеров и работников в 1890 г.
1	2	3	4	5	6
<i>I</i>	<i>Выпечка хлеба, изготовление кондитерских изделий, приготовление пищи</i>				
1	Хлебопекный	152	40		
2	Булочный	11	35		
3	Кондитерско-булочный	11	2	91	84/109
4	Мясно-колбасно-сальный			35	65/28
5	Мясной / сально-мясной	98	74	69	53
6	Кухмейстерско-поварной				
7	Альбуминно-кишечный				
8	Крошильного табака				
9	Гильзового ремесла				
<i>II</i>	<i>Пошив одежды</i>				

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6
10	Портной	391	130	116	
11	Дамский портной				42/71
12	Мужской портной				57/120
13	Перчаточных дел и дамских уборов	17	7		128
14	Шляпный	40	33		
15	Белошвейный				
16	Чулочно-вязальный				
17	Модистский	20	8		
18	Корсетный				
19	Бахромный				
20	Вышивание гладью				
21	Канатный				8/16
22	Строчильно-канатный				20/117
23	Шмухлярно-красильный				38/21
III	<i>Производство предметов домашнего обихода</i>				
	<i>А) металлообработка</i>				
24	Слесарно-кузнечный	146	37		61
25	Серебряный и золотницкий	60	22	49	19/25
26	Жестяной	106	20	61	52
27	Кровельно-жестяной				

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6
28	Медный	24	6		15
29	Токарный				16/9
30	Гранение драгоценных камней				
31	Граверный				
III	<i>Б) обработка древесины</i>				
32	Столярский и стельмахский	131	83	325	
33	Столярно-мебельный				134/41
34	Обойно-мебельный				15
35	Экипажно-малярный				22/30
36	Каретный	8	4		
37	Бондарный	70	10	32	19/9
38	Ситно-решетный			5	5/5
39	Спичечный				
40	Гробовщиков				
III	<i>В) гончарное дело, производство керамики, стекла</i>				
41	Мулярный	121	74	97	
42	Мулярно-красильный	39	20		
43	Горшечный				44/58
44	Стекольный	79	14	58	17
45	Стекольно-гребенщицкий				
46	Зеркальный				
III	<i>Г) выделка кожи, пошив изделий из кожи</i>				

Продолжение таблицы 5

1	2	3	4	5	6
47	Кожевенный			17	9
48	Рымарский	29	5		
49	Шорный				21/12
50	Шорно-обойный			33	
51	Кушнерский			91	41/53
52	Сапожный	279	117	168	86/87
53	Щеточный				
54	Сортировки щетины				
<i>IV</i>	<i>Прочие ремесленники</i>				
55	Лакировщицкий				
56	Переплетный			21	18/23
57	Цирюльнический			39	14
58	Парикмахерский				11/9
59	Часовой	56	12	33	13/29
60	Чернильный				
61	Красильно-чернильный				
62	Чернильно-вексельный				
63	Живописно-малярный				
64	Скульптурно-позолотный				
65	Цементно-мозаичный				
66	Цветочное ремесло				

Окончание таблицы 5

1	2	3	4	5	6
67	Прачечный				
68	Мыловаренный				
69	Починка фор- тепиано				
70	Починка музы- кальных духо- вых инструмен- тов				
71	Починка сифо- нов				
72	Трубочистный				

Источник: НИАБ. Фонд 10. Оп. 1. Д. 198, 199, 216, 217, 221, 224, 225, 259, 274, 275, 276, 300, 301, 379, 384, 391, 395, 398, 423, 453, 461, 512, 526, 548, 554, 575, 582, 753, 838, 839.

Памятная книжка Минской губернии на 1865 г. Составлена и издана Минским губернским статистическим комитетом. – Минск: Губ. Типография, 1864.

Памятная книжка Минской губернии на 1873 г. Издание статистического комитета. – Минск: Губ. Типография, 1873.

Таблица 6

Взрослые и малолетние работники в цехах Минска в 1890 г.

№	Цех	Число мастеров	Число взрослых работников		Число малолетних работников	
			М	Ж	М	Ж
1	2	3	4	5	6	7
1	Дамский портной	42	33	29	3	6
2	Токарный	16	9			
3	Кондитерско-булочный	84	69	38	2	
4	Шмухлярно-красильный	38	21			
5	Столярно-мебельный	134	37		4	
6	Мясной	53				
7	Шорный	21	10		2	
8	Мясно-колбасно-сальный	65	26		2	
9	Перчаточный и дамских уборов	51	107		21	
10	Бондарный	19	7		2	
11	Ситно-решетный	5	3		2	
12	Канатный	8	13		3	
13	Цирюльнический	14				
14	Строчильно-канатный	20	94		23	
15	Слесарно-кузнечный	61				
16	Кушнерский	41	53			
17	Мужской портной	57	119		1	
18	Медный	15				
19	Обойный	15	2			

Окончание таблицы 6

1	2	3	4	5	6	7
20	Стекольный	17				
21	Часовой	13	29			
22	Золото-серебряный	19	24		1	
23	Жестяной	52				
24	Переплетный	18	22		1	
25	Сапожный	86	77		10	
26	Парикмахерский	11	9			
27	Экипажно- малярный	22	30			
28	Горшечно- мулярный	44	58			
29	Трубочистный	18			3	
30	Кожевенный	9				

Источник: НИАБ. Фонд 10. Оп.1. Д. 575.

Таблица 7

Руководители Минской ремесленной управы

	Ремесленный голова Минской общей ремесленной управы	Годы
1	2	3
1	Фелициан Шульц	– 1880
2	Адам Марецкий	1880 – 1883
3	Антон Фелицианович Хмелевский	1883 –
4	Ромуальд Ярошевич	– 1886 –

Окончание таблицы 7

1	2	3
	Упрощенная ремесленная управа	
5	<i>Старшина:</i> Юлиан Августович Моенко. <i>Товарищи:</i> Давид Хацкелевич Бомштейн	1890
6	<i>Старшина:</i> Август Вильгельмович Имрот. <i>Товарищи:</i> Казимир Викентьевич Любовицкий, Давид Хацкелевич Бомштейн	1892
7	<i>Старшина:</i> Иван Адамович Шатрунов. <i>Товарищи:</i> Киприан Казимирович Шолковский, Айзик Калманович Шапиро	1896
8	<i>Старшина:</i> Киприан Казимирович Шолковский. <i>Товарищи:</i> Александр Иванович Тобалевич, Айзик Калманович Шапиро	1900, 1901
9	<i>Старшина:</i> Киприан Казимирович Шолковский. <i>Товарищи:</i> Семен Николаевич Ключев, Айзик Калманович Шапиро	1902

Источник: НИАБ. Фонд 10. Оп. 1. Д. 198, 199, 216, 217, 221, 224, 225, 259, 274, 275, 276, 300, 301, 379, 384, 391, 395, 398, 423, 453, 461, 512, 526, 548, 554, 575, 582, 753, 838, 839.

Памятные книжки Минской губернии на 1865 – 1902 гг.

Таблица 8

Часовой цех Минска в 1890 г.

№	Мастер	Число работников	Адрес мастерской
1	Онуфрий Вильгельмович Гедговд	7	ул. Губернаторская, дом Блоха
2	Абрам Мордухович Лейзеровский	2	ул. Захарьевская, дом Ругера
3	Хаим Абрамович Сагалович	1	ул. Губернаторская, дом Ерохова
4	Шмерка Янкелевич Лесник	1	ул. Преображенская, дом Фельдмана
5	Айзик Абрамович Лесник	3	ул. Преображенская, дом Вендорфа
6	Янкель Иоселевич Кугель	3	ул. Богадельная, дом Левина
7	Лейба Гергионович Левин	1	ул. Школьная, дом Левинсона
8	Абрам Давидович Кацович	3	ул. Торговая, дом Джержинской
9	Иосиф Иоселевич Кугель	2	ул. Торговая, дом Перельмана
10	Самуил Мордухович Кугель	2	ул. Петропавловская, дом Ратнера
11	Абрам Иоселевич Кугель	2	ул. Петропавловская, дом Раковщика
12	Сим Симович Файн	1	ул. Петропавловская, дом Гецова
13	Сроль Израилевич Севакович-Гальперин	1	ул. Захарьевская, дом Зальцмана

Источник: НИАБ. Фонд 10. Оп.1. Д. 575. Л. 113.

Таблица 9

**Список мастеров-трубочистов, имеющих право на
очистку дымовых труб в городе Минске в 1896 г.**

1	Абрам Дунер
2	Мордух Сылик
3	Абрам Кернштейн
4	Шмуйла Малявский
5	Абрам Малявский
6	Абрам Грингауз
7	Ицка Тевелов Чертов
8	Мовша Шварц
9	Мендель Салалович
10	Ицка Левков
11	Евна Каждан
12	Лейба Файбишев Каган
13	Файбиш Каган
14	Мовша Рутенберг
15	Меер Каплан
16	Сроль Барухов Сендеров
17	Абрам Беркович
18	Янкель Беркович – старшина цеха

Источник: Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1896 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровые типо-лит. Х.Я. Дворжеца и Б.И. Соломонова, 1895. – С. 209.

Таблица 10

**Состав Ремесленного кредитного товарищества
Минска в 1902 г.**

Специальность	Кол-во	Специальность	Кол-во
Сапожники	147	Заготовщики обуви	20
Столяры	98	Кузнецы	19
Портные	96	Переплетчики	14
Жестянщики	46	Плотники	8
Каменщики	27	Обойщики	8
Пекари	27	Токари	8
Маляры	25	Стекольщики	8
Печники	24	Парикмахеры	7
Слесари	23	Шорники	7
Шляпники	20	Часовщики	7
Итого: 639			

Источник: Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 г. Издание Минского губернского статистического комитета. – Минск: Паровая типо-лит. Б.И. Соломонова, 1902. – С. 123.

Документ 1

Клятвенное обещание цехового выборщика

Я, нижеподписавшийся, обещаю и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием (Святою Его Торою) в том, что хочу и должен при предстоящих выборах в установленные должности по управе (соответствующего) цеха г. Минска избрать из моих собратий таких, которых по качествам ума и совести их нахожу способнейшими и достойнейшими и от которых надеюсь, что они в избранных должностях покажут себя ревностными о пользе государственной и общественной. Если же я иначе поступлю, то как нерадивый о благе общественном, в котором и мое собственное заключается подвергаю себя нареканию собратий моих, а в будущей жиз-

ни отведу пред Богом и страшным судом Его. В заключении сей моей клятвы целую слова и крест спасителя моего (Святой Торы). Аминь.

Источник: НИАБ. Фонд 10. Оп.1. Д. 461. Л. 8.

Документ 2

Клятвенное обещание избранного на должность в ремесленном сообществе

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым его Евангелием (Святою Торою) в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемиловитейшему Великому Государю Императору (имя), самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Великому Князю (имя) верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови и все к высокому Его Императорскому Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять и при том, по крайней мере, старатися споспешествовать все, что к Его Императорскому Величеству верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Его Величественного интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая и не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей генеральной, так и по особливой, определенной и от времени до времени Его Императорского Величества именем от предуставленных надо мною начальников определяемых инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести сво-

ей исправлять и для своей корысти свойства дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать как верному Его Императорскому Величества подданному, благопристойно есть и надлежать, и как я пред Богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу, как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую крест Спасителя моего (слова Святой Торы). Аминь.

Источник: НИАБ. Фонд 10. Оп.1. Д. 461. Л. 12.

Научное издание

СЕМЁНОВА Людмила Николаевна

РЕМЕСЛЕННЫЙ МИНСК НА ИСХОДЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Подписано в печать.30.06.2015. Формат $60 \times 84 \frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 13,37. Уч.-изд. л. 10,45. Тираж 100 экз. Заказ № 514.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.